

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тульский государственный университет»**

16+

ISSN 2071-6184

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 4

**Тула
Издательство ТулГУ
2021**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель

Грязев М.В., д-р техн. наук.

Первый заместитель председателя

Воротилин М.С., д-р техн. наук.

Заместитель председателя

Прейс В.В., д-р техн. наук, проф., авторизованный представитель Издательства ТулГУ в РИНЦ.

Ответственный секретарь

Фомичева О.А., канд. техн. наук, начальник Управления научно-исследовательских работ, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционного совета:

Батанина И.А., д-р полит. наук,

гл. редактор серии «Гуманитарные науки»;

Берестнев М.А., канд. юрид. наук,

гл. редактор серии «Экономические и юридические науки»;

Борискин О.И., д-р техн. наук,

гл. редактор серии «Технические науки»;

Егоров В.Н., канд. пед. наук,

гл. редактор серии «Физическая культура. Спорт»;

Заславская О.В., д-р пед. наук,

гл. редактор серии «Педагогика»;

Качурин Н.М., д-р техн. наук,

гл. редактор серии «Науки о Земле»;

Понаморева О.Н., д-р хим. наук,

гл. редактор серии «Естественные науки».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Берестнев М.А., канд. юрид. наук (ТулГУ, г. Тула).

Заместитель главного редактора

Сабина А.Л., д-р экон. наук (ТулГУ, г. Тула).

Ответственный секретарь

Хлынин Э.В., д-р экон. наук (ТулГУ, г. Тула)

разд. «Экономические науки»

Ответственный секретарь

Дубонос Е.С., д-р юрид. наук (ТулГУ, г. Тула)

разд. «Юридические науки».

Бугаевская Н.В., канд. юрид. наук, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционной коллегии:

Экономические науки

Алехин С.Н., д-р экон. наук (Управление Федеральной налоговой службы России по Тульской области, г. Тула);

Бабанов В.Н., д-р экон. наук (Тульский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Тула);

Васин Л.А., д-р техн. наук (ТулГУ, г. Тула);

Звягинцева О.П., д-р экон. наук (Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир);

Коришанова Г.В., д-р экон. наук (Тульский филиал Финуниверситета при Правительстве РФ, г. Тула);

Ростовцева Л.И., д-р социол. наук, канд. экон. наук (Тульский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Тула);

Смирнова С.Н., канд. экон. наук (ТулГУ, г. Тула);

Шашкова И.Г., д-р экон. наук (Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А. Костычева, г. Рязань).

Юридические науки

Анисимов В.Ф., д-р юрид. наук (Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск);

Волчецкая Т.С., д-р юрид. наук (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград);

Головин А.Ю., д-р юрид. наук (уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области, г. Тула);

Коновалов С.И., д-р юрид. наук (ТулГУ, г. Тула);

Лапшин В.Ф., д-р юрид. наук (Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск);

Осокин Р.Б., д-р юрид. наук (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва);

Петрянин А.В., д-р юрид. наук (Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород);

Тишутина И.В., д-р юрид. наук (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва);

Толстухина Т.В., д-р юрид. наук (ТулГУ, г. Тула).

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-75988 от 19 июня 2019 г.

Подписной индекс сборника 27854 по Объединённому каталогу «Пресса России».

Сборник включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук», утвержденный ВАК Минобрнауки РФ по следующим специальностям:

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;

12.00.09 – Уголовный процесс;

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.1: 343.7: 343.98

DOI: 10.24412/2071-6184-2021-4-3-11

УГОН ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ, БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ, МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Т.С. Волчецкая, А.В. Смирнов

Рассмотрены проблемы разграничения состав преступлений угона и кражи транспортного средства. Выявлены проблемы квалификации, исследованы особенности доказывания направленности умысла при угоне и хищении транспортного средства, что проиллюстрировано примерами из судебной практики. Анализируются криминалистические особенности угонов и хищений транспортных средств, позволяющие правильно определить направления деятельности следователя в расследовании указанных видов преступлений.

Ключевые слова: транспортное средство, угон, кража, неправомерное завладение, ситуационный подход, расследование угонов транспортных средств.

Статья 166 УК РФ предусматривает неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, именуемое также угоном транспортного средства. Пленум Верховного Суда РФ в п. 20 постановления от 9.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» разъясняет, что «решая вопрос о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного статьей 166 УК РФ, судам следует иметь в виду, что под неправомерным завладением транспортным средством без цели хищения (статья 166 УК РФ) понимается завладение чужим автомобилем или другим транспортным средством (угон) и поездку на нем без намерения присвоить его целиком или по частям. Неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения является окончанным преступлением с момента

начала движения транспортного средства либо перемещения транспортного средства с места, на котором оно находилось».

Однако, как нам представляется, в этой норме имплицитно присутствует юридическая, криминалистическая частная, оправдательная сильная презумпция отсутствия цели хищения транспортного средства.

Как справедливо отметил член Научно-консультативного совета Следственного комитета Российской Федерации проф. И.Н.Соловьев: «В данном случае дифференциация уголовной ответственности заложена в законе не в интересах потерпевшего, а в интересах лица, совершившего преступление. При этом уголовно-правовая квалификация содеянного зависит в основном от показаний ... правонарушителя. И многочисленные обращения граждан в МВД России с жалобами на несовершенство норм Уголовного кодекса (далее – УК РФ), определяющих признаки рассматриваемых нами преступлений, сложности в разграничении угонов и хищений транспортных средств, имеющие место в следственной и судебной практике, свидетельствуют о том, что имеющаяся конструкция требует корректировки» [1, с. 134].

Если фактические презумпции основаны на «несчитанной статистике» фактов и исходят из того, что чаще встречается, то юридические презумпции конструируются из потребностей правоприменения, например, в интересах уравнивания реальных возможностей сторон в процессе. Сильные презумпции – те, которые требуют опровержения с полной достоверностью, слабые же презумпции прекращают свое действие уже при их опровержении в степени вероятности. Криминалистическими частные презумпции можно именовать в тех случаях, когда будучи тесно связанными с теми или иными типами частных следственных ситуаций и будучи объективно обусловлены их особенностями, они непосредственно воздействуют на частную методику расследования преступлений и судебного рассмотрения дел, влияя на объем достаточных следственных действий и собираемых доказательств [2 , с. 240].

Данная презумпция опровержима, однако, чтобы ее опровергнуть, обвинителю необходимо доказать умысел виновного на хищение в степени «вне разумных сомнений», то есть когда исходя из всей совокупности доказательств по делу (с учетом проверки возможных аргументов обвиняемого в свою защиту) следует, что имел место умысел именно на хищение, а все другие версии не подтвердились [1, с.134]. Юридической эта презумпция является потому, что основывается она не на частоте фактических событий, а на удобстве правоприменения. На самом деле, при угоне виновный получает транспортное средство в свое полное фактическое владение, что подтверждается даже самим термином «завладение», который фигурирует в данной статье, и в результате этого он получает реальную возможность им пользоваться и распоряжаться, так что если подходить к этому его действию по меркам хищения, то оно с объективной стороны состава преступления считалось бы оконченным. При этом не имеет особого значения, оставил ли виновный имущество себе, продал его и т.д., либо, попользовавшись, просто бросил или даже через какое-то время вернул на место. Цель безвозмездного пользования для удовлетворения собственных нужд

чужим имуществом сама по себе уже означает самостоятельный вид корысти. Корыстный же мотив при изъятии чужого имущества не зависит от времени незаконного им пользования.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указывается, что корыстные побуждения направлены на получение материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или права на его получение, прав на жилплощадь и т. п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнение имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.). При угоне транспортного средства виновный получает в фактическое владение имущество, то есть материальное благо, личную материальную пользу, а значит, материальную выгоду.

При этом согласно части 1 статьи 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение).

Можно полагать, что угонщик автомобиля – даже в случае, если он имел цель просто совершить на нем поездку – сберегает свои средства, которые в ином случае он мог бы затратить на транспортные услуги, то есть, обязан возвратить потерпевшему неосновательное обогащение, что, собственно, и равнозначно наличию в его действиях корыстного мотива и корыстной цели. Следовательно, в случае угона также можно говорить о намерении виновного обратиться транспортное средство в свою пользу, хотя бы и временно.

Это мнение подтверждается и некоторыми практическими сотрудниками: «Особый статус транспортного средства как объекта собственности в Уголовном кодексе выглядит нелепо. Представьте себе, что к вам в квартиру, взломав замки, влез вор – и украл телевизор. А на суде он вдруг заявит, что просто хотел посмотреть футбольный матч! Это – стопроцентная кража. А чем автомобиль хуже?» [3].

Нередко по делам об угоне виновный совершает действия, которые нельзя назвать иначе как распоряжение имуществом, например, путем его уничтожения, что также подтверждает – фактически имело место хищение, которое в уголовном законе презюмируется, однако, как угон.

Так, например, несовершеннолетний Д. 24.12.2011 г. в период времени с 22 часов 10 минут до 23 часов 00 минут, находясь около дома, ...подошел к припаркованному автомобилю ВАЗ 2101 государственный регистрационный знак №, 93 регион, принадлежащему Д. Там, реализуя свой преступный умысел, на неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения, несовершеннолетний Д., воспользовавшись тем, что у него при себе имелись ключи от автомобиля ВАЗ 2101 г/н №, открыв левую переднюю дверь автомобиля, проник в салон указанного автомобиля, после чего завел автомобиль ВАЗ 2101 г/н №, и увел его с места стоянки, с целью покататься на нем, тем самым используя его в своих интересах.

...Несовершеннолетний Д. 24 декабря 2011 года в период времени с 23 часов 00 минут до 07 часов 00 минут, неправомерно управляя автомобилем ВАЗ 2101 государственный регистрационный знак №, 93 регион, принадлежащим Д., остановившись на нем в лесном массиве в 100 метрах от проезжей части и движимый хулиганскими побуждениями, желая уничтожить путем поджога данный автомобиль, достал из багажного отделения полимерную бутылку с находящимся в ней бензином, облил салон автомобиля, с помощью имеющейся при себе зажигалки поджог полимерную бутылку и бросил её во внутреннюю часть автомобиля. От умышленных действий Д. произошло возгорание салона автомобиля при этом автомобиль получил значительные повреждения [4].

Правда, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9.12.2008 № 25 (пункт 26) указал, что «неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения и последующее его умышленное уничтожение или повреждение подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 166 УК РФ и при наличии к тому оснований статьей 167 УК РФ...».

Однако такое разъяснение выглядит не вполне логичным, учитывая, что, например, в Постановлении Правительства РФ от 23.09.2019 № 1238 (ред. от 29.07.2020) «О распоряжении имуществом, обращенным в собственность государства» (вместе с «Положением о распоряжении имуществом, обращенным в собственность государства») признается, что имущество, обращенное в собственность государства, подлежит распоряжению, в том числе путем его уничтожения (пункт 11). То есть уничтожение имущества, обращенного в собственность государства, юридически квалифицируется правительством как распоряжение, тогда как завладение и последующее уничтожение виновным транспортного средства почему-то не считается его присвоением (обращением в свою пользу), несмотря на то, что при этом наличествуют все признаки последнего: владение, пользование и распоряжение. Конституционный Суд РФ в своем постановлении признал не соответствующими Конституции РФ нормы ГК РФ и УК РФ как не позволяющие взыскать имущественный вред с угонщика автомобиля, если у него не было цели хищения [5].

Таким образом, наша позиция состоит в том, что угон *de facto* всегда является ничем иным, как хищением (временным присвоением) транспортного средства, который ситуационно может завершиться как добровольным отказом (когда транспортное средство возвращается владельцу либо просто бросается в каком-либо ином месте), так и незаконным распоряжением, включая полное или частичное уничтожение.

По-видимому, законодатель первоначально вывел угон за пределы хищения, из соображений материально-правового характера, так как часто он совершается из юношеского озорства либо для удовлетворения сиюминутных потребностей лица в транспорте, так что хотя формально признаки хищения в таком деянии имеются, его общественная опасность, как и опасность личности виновных, может оказаться несколько ниже, чем при обычном хищении – ведь имущество, хотя и выбывает из законного владения, но шанс на его возвраще-

ние законному владельцу естественным путем (возвращение виновным, обнаружение полицией, гражданами, самим потерпевшим) здесь значительно больше, чем при хищении, хотя эта вероятность далеко не стопроцентная (брошенное угонщиком транспортное средство может быть присвоено третьими лицами, остаться не найденным или погибнуть от воздействия внешних сил).

Однако в настоящее время законодатель в ст. 166 УК РФ почти уравнил и даже частично превысил (часть 2 данной статьи) санкции, предусмотренные за угон автомобиля или иного транспортного средства, с одной стороны, и за хищение в значительном и особо крупном размере (чч. 2–4 ст. 158 УК РФ) – с другой. Очевидно, это сделано для того, чтобы у виновного не возникало искушения избежать более суровой ответственности за хищение, ссылаясь на угон. В СССР был период, когда за угон предусматривалась уголовная ответственность до 12 лет лишения свободы.

Представляется, что в настоящее время конструирование самостоятельного состава угона продиктовано и утилитарными соображениями удобства правоприменения, так как возможности стороны обвинения по доказыванию умысла виновного именно на присвоение транспортного средства, а не на временное им пользование нередко объективно сильно ограничены, особенно, если угонщик задержан в момент покушения или «по горячим следам» после угона. Возложение бремени доказывания умысла на хищение транспортного средства исключительно на сторону обвинения поставило бы последнюю в несоразмерно сложное и неравное положение (так называемая непосильность доказывания) по сравнению с обвиняемым, поскольку объективная сторона, как хищения, так и угона нередко совершенно неотличима.

В литературе отмечается, что, как минимум в трети уголовных дел, возбуждаемых по фактам преступных посягательств на автомобиль, версия о краже автотранспортного средства остается не доказанной. Практика принятия решений в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ неоднозначна, и зависит от такой криминалистической характеристики, как момент обнаружения автомобиля.

Если его удастся обнаружить в период проверки сообщения о преступлении, то, уголовное дело возбуждается по ст. 166 УК РФ, если нет, то по ст. 158 УК РФ [6, с. 130–132]. Очевидно, что правоприменители рассуждают при этом следующим образом: если автомобиль не обнаружен в течение длительного времени, значит, его, вероятнее всего, похитили, когда же он найден сразу, то имел место лишь угон. Однако такое умозаключение не имеет, на наш взгляд, достаточного логического основания, поскольку момент обнаружения транспортного средства отнюдь не доказывает наличие или отсутствие умысла на хищение транспортного средства. Дело в том, что на практике преступники научились использовать описываемую презумпцию угона в своих интересах. Преступные группы давно работают таким образом, чтобы доказать хищение было трудно, а в случае задержания можно было бы представить его как угон. Например, похититель завладевает автомобилем и отгоняет его в определенное место – «отстойник», где машина находится некоторое время как якобы брошенная с тем, чтобы в дальнейшем перегнать ее для продажи или разборки.

Не случайно в последнее время в некоторых регионах страны наметилась тенденция в любом случае неправомерного завладения автомобилем возбуждать уголовные дела по факту кражи.

Так, например, по данным Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области 90% деяний, совершенных в связи с неправомерным владением транспортным средством, в Санкт-Петербурге квалифицируются как кража [7].

Вместе с тем для опровержения презумпции отсутствия корыстного умысла при угоне транспортного средства необходимо использование криминалистических знаний в области частных криминалистических методик. Так, для правильной квалификации рассматриваемых выше преступных деяний большим подспорьем для следователя могут послужить данные криминалистической характеристики угонов транспортных средств, в которую в данном случае должна быть интегрирована также и уголовно-правовая характеристика этого деяния. Такого рода характеристики строятся учеными на основе обобщённого массива уголовных дел, наиболее значимыми ее элементами являются: информация о личности преступника, месте совершения преступления (в том числе и в плане региональных особенностей), о механизме преступного деяния. То есть правоприменительная практика нуждается в систематизированных знаниях об особенностях механизма совершения угона в типовых криминальных ситуациях, поскольку это позволяет грамотно выдвинуть соответствующие следственные версии.

Использование ситуационного подхода к анализу преступного события позволяет четко дифференцировать различные криминальные ситуации: либо угон – это самостоятельное преступление; либо имеет место кража; либо угон автомобиля выступает, по сути дела, подготовительным этапом (предкриминальной ситуацией) в совершении другого преступления.

В структуре механизма совершения угона автомобиля большое значение имеет региональный фактор: особенности и количество совершения угонов в конкретном регионе, а также их динамика. На основе анализа большого количества материалов уголовных дел, а также статистических данных, А.А. Виноградов установил то, что рассматриваемый вид преступления наиболее часто совершается в таких регионах, как Челябинская, Иркутская, Новосибирская области, Красноярский край, а также в городах Москва и Санкт Петербург.

Говоря о предмете преступного посягательства, отметим, что наиболее часто предметом угона (хищения) являются легковые автомобили. По данным экспертов, в числе общего количества транспорта, легковые автомобили составляют 84 % от их общего количества [8].

Особое значение в структуре криминалистической характеристики преступления имеет информация о личности преступника (в уголовно-правовой характеристике смежный элемент – субъект преступления). Анализ информации о личности может подтвердить или опровергнуть версию об умысле совершения этим лицом неправомерного завладения транспортным средством. На

это указывают такие признаки личности лица, как его социальное положение, уровень дохода, профессия, образ жизни, особенности его личных контактов.

Криминалистическая информация о типовых средствах и способах совершения хищения автомобиля указывает на то, что при краже нередко применяются способы, сопряженные с проникновением в помещение, например, разрушение замков, стен гаража, демонтаж ворот, применение специальных средств для снятия автомобилей с сигнализации, минуя противоугонную систему.

Особое значение здесь приобретает ситуационный подход [9]. Так, анализ предкриминальной ситуации: выполнялись ли преступником специальные подготовительные действия: наблюдение за автомобилем и его владельцем, подготовка орудий и средств совершения преступления, способа проникновения в салон автомобиля.

В практическом аспекте немаловажное значение в доказывании по уголовным делам о кражах и угонах автотранспортных средств имеет трасологическая экспертиза, в частности, такие ее подвиды, как: экспертиза следов орудий взлома замка, которые остались на двери автомобиля; экспертиза маркировочных обозначений транспортного средства; экспертиза следов рук, обуви, и др.

Немаловажное значение имеет также и анализ посткриминальной ситуации следователем, то есть действий преступника после совершения им преступного деяния. Например, предложение владельцу выкупить его собственный автомобиль, либо приобретение поддельных документов на право владения автомобилем, либо перекраска автомобиля, изменение интерьера его салона, замена государственного регистрационного знака и т.д.

В связи со сложностью доказывания по делам об угонах транспортных средств, большое значение имеет также процесс организации расследования, совершенствования его методических и тактических основ, а также грамотное оперативное сопровождение.

На первоначальном этапе расследования, особую сложность вызывает этап проверки сообщения о совершенном преступлении в плане последующей квалификации деяния. Наиболее часто возникает такая следственная ситуация, в которой имеется информация об исчезновении автомобиля с места последней его стоянки, а дальнейшее его нахождение неизвестно. Квалификация зависит от ситуации обнаружения автомобиля в процессе проведения проверочных мероприятий. Так, если автомобиль обнаружен, то уголовное дело, как показывает практика, возбуждается по статье 166 УК РФ. Если автомобиль обнаружить не удастся, то есть шанс возбудить уголовное дело по статье 158 УК РФ. В связи с этим следует отметить, что практика остро нуждается в проведении научных криминалистических исследований по разработке типовых криминалистических моделей криминальных ситуаций кражи и угона автомобиля, использование которых позволит отграничить эти смежные составы в доказывании, используя современные криминалистические средства. Также выделение типовых исходных следственных ситуаций позволит разработать алгоритмы действий

следственно-оперативных групп, а также выявить специфику проведения следственных действий для разрешения каждой из ситуаций.

Одной из удачных, на взгляд, попыток этого является предложенная А. А. Виноградовым компьютерная программа «Система поддержки принятия решений при расследовании преступных посягательств на автомобили» [10, с. 23], которая при помощи использования криминалистических средств и методов оказывает несомненную практическую помощь при принятии решений по квалификации конкретного преступного посягательства на автомобиль.

В тактическом плане большое значение имеет грамотное планирование и проведение допроса подозреваемого после его задержания. Как правило, подавляющее большинство подозреваемых придерживается версии, что угнали автомобиль с целью «просто покататься». Поэтому тактические приемы допроса должны быть направлены на выяснение истинного умысла неправомерного завладения автомобилем.

Список литературы

1. Соловьев И. Без цели хищения и доказывания: почему статью 166 УК нужно отменить. Право.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/review/view/123494/> (дата обращения: 13.09.2021).

2. Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М.: Норма: Инфра-М, 2019. 240 с.

3. Калицев А. Угон или кража [Электронный ресурс]. URL: http://www.carsexpert.ru/html/publs/_ugon01.htm.# 12.2004 (дата обращения: 13.09.2021).

4. Постановление № 1-65/12 от 28.02.2012 по делу № 1-65/12. Геленджикский городской суд, Краснодарский край. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 13.09.2021).

5. Постановление Конституционного суда РФ от 07.04.2015 № 7-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В.Кряжева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 13.09.2021).

6. Виноградов А.А. К вопросу об использовании программного обеспечения для ЭВМ при расследовании угона автомобиля // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 17 октября 2019) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Моск. Акад. СК РФ, 2019. С. 130–132.

7. Зеновина В. Приравнивание угона к хищению: за и против [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/news/1187813/#ixzz6uXxyZSml>. (дата обращения: 13.09.2021).

8. Аналитическое агентство «Автостат» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autostat.ru/> (дата обращения: 13.09.2021).

9. Волчецкая Т.С. Учение о криминалистических ситуациях: генезис, современное состояние и перспективы развития //Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 59–64.

10. Виноградов А.А. Криминалистическое обеспечение расследования угонов автомобилей. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 300 с.

Волчецкая Татьяна Станиславовна, д-р юрид., наук, проф., зав. кафедрой, заслуженный работник высшей школы РФ, TVolchetskaya@kantiana.ru, Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет им. И.Канта,

Смирнов Александр Витальевич, д-р юрид., наук, проф. кафедры, заслуженный юрист РФ, excelsiorsm@mail.ru, Россия, Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

*VEHICLE THEFT: PROBLEMS OF QUALIFICATION, BURDEN OF PROOF,
INVESTIGATION METHODS*

T.S. Volchetskaya, A.V. Smirnov

The problems of distinguishing the crimes of theft and theft of a vehicle are considered. The problems of qualification are revealed, the features of proving the direction of intent in the theft and theft of a vehicle are investigated, which is illustrated by examples from judicial practice. The criminalistic features of thefts and thefts of vehicles are analyzed, which allow to correctly determine the direction of the investigator's activity in the investigation of these types of crimes.

Key words: vehicle, theft, theft, unlawful seizure, situational approach, investigation of vehicle thefts.

Volchetskaya Tatiana Stanislavovna, Doctor of Law Sci., Prof., Head of the Department, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, TVolchetskaya@kantiana.ru, Russia, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University,

Smirnov Alexander Vitalievich, Doctor of Law Sci., Prof. of the Department, Honored Lawyer of the Russian Federation, excelsiorsm@mail.ru, Russia, St. Petersburg, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ»

А.Ю. Головин, Е.В. Головина

Анализируются представленные в отечественной криминалистической литературе советского и современного периодов взгляды на сущность тактического приема как одной из главных категорий криминалистической тактики. Рассматриваются признаки тактических приемов, применяемых в ходе предварительного расследования и судебного следствия. Критическая оценка традиционных подходов к определению тактического приема позволяет предложить авторское определение исследуемого понятия.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, тактический прием, тактическая рекомендация, тактическая комбинация, криминалистически значимая информация.

Развитие криминалистической тактики предполагает дальнейшую активную разработку и совершенствование понятийного аппарата этого раздела криминалистической науки. Одним из центральных понятий криминалистической тактики, имеющих категориальный характер, выступает понятие тактического приема.

Как справедливо отметил А.В. Варданян, уже в советский период были образованы криминалистические научные школы, исследующие различные аспекты криминалистической тактики. Именно в недрах отечественной криминалистической тактики советского периода постепенно были сформированы научные наработки по обоснованию самостоятельной природы ряда следственных действий и их тактико-криминалистического обеспечения [1, с. 63]. Не была обделена научным вниманием и категория «тактический прием», ряд определений которой был сформулирован отечественными учеными-криминалистами еще в советский период.

Так, еще в 1960 году А.Н. Васильев предложил следующее определение тактического приема: «наиболее целесообразный подход к практической организации и активному планомерному, целеустремленному производству следственного действия на основе норм уголовного процесса с возможным использованием средств криминалистической техники» [2, с. 29]. В ходе дальнейшей научной деятельности А.Н. Васильев уточнил свой подход к пониманию тактического приема, отождествив его, по сути, с научной рекомендацией, основанной на специальных науках, рассчитанной «...на ее творческое применение и на возможность выбора того или иного приема, наиболее целесообразного в условиях данной следственной ситуации» [3, с. 44; 4, с. 33].

Указанный подход фактически разделил взгляды на сущность тактического приема на два направления: понимание тактического приема как своеобразной научной рекомендации и как способа действий следователя. При этом подход к пониманию тактического приема как своего рода рекомендации встречается и в более современной криминалистической литературе [4, с. 65; 5,

с. 110; 6, с. 248], однако в последние два десятилетия преимущественно подвергается критике со стороны ученых-криминалистов. Это неудивительно, поскольку любая криминалистическая рекомендация – это прежде всего научный совет по внедрению достижений криминалистической науки в правоохранительную практику. Тактическая рекомендация, как разновидность криминалистических рекомендаций, является самостоятельным криминалистическим понятием, это также научный совет, раскрывающий суть того или иного тактического приема, помогающий лицу, производящему предварительное расследование или иному субъекту криминалистической деятельности в выборе необходимого приема в определенной следственной ситуации (при решении конкретной тактической задачи) и его реализации на практике.

Здесь также считаем необходимым отметить позицию А.С. Князькова, подчеркнувшего, что понятие тактического приема как научной рекомендации «... исключает постановку вопроса об отнесении к числу его непосредственных источников таких факторов, как следственная практика, уголовно-процессуальное законодательство и подзаконные нормативно-правовые акты, иные кроме криминалистики сферы науки, а также интуицию субъекта предварительного расследования» [7, с. 213].

Таким образом, в современной криминалистике практически не вызывает возражений и уже стал традиционным подход к определению тактического приема как способа действий при расследовании преступления. Впрочем, указанное понятие дополняется рядом других существенных свойств и признаков, требующих анализа. Так, в большинстве предлагаемых в криминалистической литературе дефиниций понятия «тактический прием» содержится указание на его рациональность, эффективность и целесообразность. Включение этих признаков в рассматриваемое понятие представляется обоснованным и необходимым. Это обстоятельство еще в 80-х годах прошлого столетия подчеркивал Н.А.Селиванов, по мнению которого именно эти признаки отражают «практическую полезность и оправданность приемов, относящихся к категории тактических» [8, с. 81].

Еще одним важным признаком тактического приема является его направленность. Этот признак, в частности, был включен в определение тактического приема, предложенное Р.С. Белкиным [9, с. 105]. При этом чаще всего подчеркивается информационная направленность тактических приемов, то есть возможность их применения при решении задач по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательственной и иной криминалистически значимой информации, а также предотвращению и профилактике преступлений.

Ученые-криминалисты часто указывают на соответствие тактического приема нормам уголовно-процессуального закона, этики и нравственности. Это одно из основных требований, предъявляемых к тактическому приему, впрочем, как и к любому другому действию, проводимому в рамках предварительного расследования или судебного следствия. В этой связи представляется необходимым делать акцент на этом свойстве тактического приема в его опре-

делении. По аналогичной причине в дефиниции тактического приема нет необходимости подчеркивать его научную обоснованность.

Также нецелесообразно в определении тактического приема указывать возможные объекты тактического воздействия, как это иногда имеет место в криминалистической литературе [10, с. 222]. Этот признак более характерен для отдельных видов тактических приемов и может использоваться как основание их классификации. Объекты тактического воздействия разнообразны, и попытки их перечисления в дефиниции тактического приема лишь усложнят рассматриваемое понятие.

В числе признаков тактического приема иногда указывается психологический механизм его реализации. Например, придерживающийся такой позиции В.Ю. Шепитько, отметил, что механизм реализации тактического приема предполагает: «... 1) его психологическую направленность, связанную с разоблачением лжи, актуализацией забытого, воссозданием прошедшего события, обнаружением сокрытого и т.п.; 2) непосредственное и опосредованное взаимодействие между следователем (судьей) и их респондентами; 3) психологический эффект от его использования (что связано с получением объективных показаний, обнаружением следов и орудий преступления, установлением местонахождения тайника и т.п.)»[11, с. 11]. Действительно, психологические аспекты играют важную роль при разработке и осуществлении тактических приемов в ходе проведения следственных действий, направленных на получение показаний (допрос, очная ставка). Разумеется, они могут использоваться и при производстве следственных действий других видов. Тем не менее, представляется, что психологический механизм реализации тактического приема характеризует лишь отдельную группу таких приемов, а не рассматриваемую категорию в целом.

В современных условиях видится в целом оправданным расширение сферы применения тактических приемов на сферу судебного разбирательства по уголовным делам. Так, С.Ю. Якушин определил тактический прием как практически доступный способ действия, свободно избираемый в зависимости от особенностей следственной (судебной) ситуации, соответствующий уголовно-процессуальному закону, принципам нравственности, основывающийся на достижениях специальных наук, следственной (судебной) практики, применяемый при производстве отдельного следственного (судебного) действия в целях наиболее рационального и эффективного решения возникающих тактических задач [12, с.114].

Определение тактического приема, предложенное С.Ю. Якушиным, к сожалению, имеет и ряд недостатков. Во-первых, оно представляется избыточно сложным из-за попыток перечислить все излишние для научной дефиниции свойства и характеристики, на что уже указывалось ранее. Во-вторых, нецелесообразно в одном определении указывать и на обусловленность применения тактического приема сложившейся следственной ситуацией и его направленность на решение возникающих тактических задач, поскольку постановка так-

тической задачи всегда предполагает оценку сложившейся следственной ситуации [13, с. 6].

Кроме того, анализируя определение понятия «тактический прием», предложенное С.Ю. Якушиным, необходимо обратить внимание и на ряд других содержательных пробелов и недостатков, характерных для многих других дефиниций этого понятия, предлагаемых в криминалистической литературе.

Во-первых, некоторые тактические приемы могут реализовываться при проведении различных следственных и судебных действий (например, ряд тактических приемов допроса, проведения очных ставок или проверки показаний на месте; осмотра места происшествия и обыска и т.д.). Во-вторых, тактические приемы могут реализовываться не только в ходе следственных и судебных действий, но и в ходе других процессуальных действий (например, задержания, принятия явки с повинной, получения объяснений в ходе доследственной проверки и др.), а также широкого круга непроцессуальных мероприятий, реализуемых субъектами криминалистической деятельности в ходе решения розыскных задач, взаимодействия с органами дознания и общественностью, криминалистической профилактики преступлений.

По мнению Е.Е. Центрова, термином «тактический прием» охватывается не только разработанный криминалистической тактикой наиболее рациональный, целесообразный способ действий, но и «порядок, процедура, последовательность и алгоритм проведения следственных действий» [14, с. 143]. Здесь необходимо отметить, что алгоритм проведения следственного действия включает в себя комплекс последовательных тактических приемов и, как представляется, больше соответствует понятию тактической комбинации.

С учетом изложенного, наиболее точным представляется определение тактического приема как наиболее рационального, целесообразного и эффективного способа действия субъекта криминалистической деятельности, направленного на решение задач по собиранию, исследованию, оценке и использованию криминалистически значимой информации, а также других тактических задач предварительного расследования и судебного следствия.

Список литературы

1. Варданян А.В. Криминалистическая тактика в контексте современной парадигмы уголовного судопроизводства: некоторые теоретико-методологические проблемы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. №4(22). С.62 – 66.
2. Васильев А.Н. Основы следственной тактики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1960. 31 с.
3. Васильев А.Н. Тактический прием – основа следственной тактики // Социалистическая законность. 1974. №4. С.44–47.
4. Васильев А.Н. Следственная тактика. М.: Юрид.лит., 1976. 197 с.
5. Комиссаров В.И. Теоретические проблемы следственной тактики. Саратов: Саратов. ун-т, 1987. 154 с.

6. Криминалистика / под. ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб: Лань, 1995. 925 с.
7. Князьков А.С. К вопросу об источниках тактико-криминалистических приемов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. №3(36). С.212–217.
8. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид.лит.,1982. 152 с.
9. Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики. Волгоград: ВСШ МВД РФ,1993. 200 с.
11. Образцов В.А. Криминалистика: курс лекций. М.: Право и закон, 1996. 447 с.
12. Шепитько В.Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. Харьков: Гриф, 1995. 200 с.
13. Якушин С.Ю. Понятие, задачи и средства тактико-криминалистического обеспечения предварительного и судебного следствия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №2–1 (66). С.113–115.
14. Головин А.Ю., Баранов М.В., Головина Е.В. Решение ситуационных задач предварительного расследования. М.: Юрлитинформ, 2017. 200 с.
15. Центров Е.Е. Парадигма криминалистической тактики и ее основные понятия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3–2. С.137–144.

Головин Александр Юрьевич, д-р юрид, наук, проф. кафедры, golovintula@rambler.ru, Тула, Россия, Тульский государственный университет,

Головина Елена Витальевна, канд. юрид., наук, доцент кафедры, golovinatu-la@rambler.ru, Тула, Россия, Тульский государственный университет.

FORENSIC CATEGORY «TACTICAL TECHNIQUE»

A.Yu. Golovin, E.V. Golovina

The views presented in the domestic forensic literature of the Soviet and modern periods on the essence of tactical technique as one of the main categories of forensic tactics are analyzed. The signs of tactical techniques used during the preliminary investigation and judicial investigation are considered. A critical assessment of traditional approaches to the definition of a tactical device allows us to propose an author's definition of the concept under study.

Key words: forensic tactics, tactical technique, tactical recommendation, tactical combination, criminalistically significant information.

Alexander Yurievich Golovin, Doctor of Law Sci., Ass. Prof., Professor of the Department, golovintula@rambler.ru, Tula, Russia, Tula State University,

Elena Vitalievna Golovina, Cand. of Legal Sci., Ass. Prof. of the Department, golovinatu-la@rambler.ru, Tula, Russia, Tula State University

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ АСПЕКТЫ МЕХАНИЗМА ОБНАЛИЧИВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ И СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ

В.О. Давыдов

В условиях глобальной информатизации механизм наркобизнеса претерпевает изменения в части активного использования «бесконтактных» способов совершения преступных деяний. Потенциал информационно-телекоммуникационных технологий позволяет злоумышленникам разрабатывать все более сложные схемы наркотрафика, матрицу которых образуют умышленные, тщательно спланированные деяния. В рамках исследования охарактеризованы типичные способы обналичивания денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотиков, посредством криптовалютных бирж и сервисов обмена виртуальными активами, платежных сервисов и электронных платежных систем, позволяющих переводить деньги с различных устройств и каналов связи. Предлагаемый научный подход к пониманию сущности механизма криминального обналичивания денежных средств должен способствовать приданию целенаправленного характера деятельности субъекта расследования в сфере поиска, выявления и закрепления доказательственной и иной криминалистически значимой информации о системе финансового обеспечения IT-наркобизнеса.

Ключевые слова: незаконный оборот; наркотические средства; бесконтактный способ сбыта наркотиков; виртуальное пространство, электронные платежные системы, криптовалюта, интернет-магазин, механизм преступления.

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ среди современных криминальных угроз в силу масштабности негативного воздействия на социум традиционно занимает особое место. Складывающаяся ситуация наглядно подтверждается данными официальной статистики ГИАЦ МВД России, согласно которым в 2020 году на территории Российской Федерации зарегистрировано более 180 тыс. наркопреступлений, из которых 141 тыс. относится к категории тяжких и особо тяжких деяний. Правоохранительными органами расследовано 101 тыс. уголовных дел данной направленности, установлено более 83 тыс. виновных лиц. Из незаконного оборота изъято 20 тонн наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ, из которых более половины составляли наркотические средства каннабисной группы (марихуана, гашиш, гашишное масло), а около трети – синтетические наркотики. Сумма легализованных наркодоходов превысила 2 млрд рублей [1].

В условиях развития современного информационного общества механизм наркобизнеса интенсивно трансформируется в части активного использования злоумышленниками «бесконтактных» способов совершения преступных деяний. На наличие рассматриваемой тенденции ещё в 2017 году было указано в Докладе Международного комитета Организации Объединенных Наций по контролю над наркотиками (E/INCB/2017/1, г. Вена). Эксперты уже в то время от-

мечали фактический переход наркоторговли на «бесконтактный» сбыт, связывая возникновение данных способов с новыми возможностями, открывшимися благодаря революции в области мобильной связи и позволившими криминалу избегать риска: «Вместо того чтобы вступать в личный контакт с клиентами, наркоторговцы могут теперь с помощью занимающих низкое место в иерархии «курьеров» получать от них деньги, предварительно направив им сообщение с информацией о месте, где они могут забрать свои наркотики. Также наркоторговцы могут использовать шифрующее программное обеспечение для защиты своих сообщений и данных, что создает проблему для правоохранительных органов, которая осложняется растущей популярностью средств шифрования, встроенных в мобильные устройства» [2].

Продолжающееся развитие инструментов дистанционной коммуникации и сетевых средств информационно-телекоммуникационных технологий позволяет разрабатывать все более сложные криминальные схемы наркотрафика, матрицу которых образовали умышленные тщательно спланированные деяния, имеющие ряд характерных криминалистически значимых особенностей. В числе последних полагаем возможным выделить:

- дистанционный характер преступных действий, направленных на незаконный сбыт наркотических веществ, их повышенную скрытность, обеспечиваемую активным использованием для сокрытия идентификационной информации пользователей сетевого киберпространства технологий сквозного шифрования, IP-телефонии и переадресации вызовов, отсылок к интернет-ресурсам и платформам, серверы которых расположены за пределами юрисдикции правоохранительных органов Российской Федерации;

- использование криптовалюты, банковских карт и электронных кошельков, оформленных на подставных лиц, электронных обменников и бирж в целях маскировки движения денежных средств, полученных преступным путем;

- трансграничный характер значительной части таких преступлений, при котором субъект преступления, объект преступного посягательства и жертва (потребитель наркотических средств) находятся под юрисдикцией различных государств;

- наличие интеллектуальной составляющей в преступном «профессионализме» наркодельцов и, в первую очередь, касающейся использования знаний и практических навыков работы с IT-инструментами;

- особый характер обстановки совершения таких преступлений, связанный с отражением следов преступных действий на множестве объектов виртуальной среды;

- нестандартность и многообразие способов совершения преступных деяний рассматриваемого вида, частое обновление используемых в криминальных целях цифровых орудий и средств;

- организация наркобизнеса в автоматизированном режиме посредством реализации сложных сценариев несколькими субъектами путем объединения относительно слабых ресурсов отдельных цифровых средств в мощное орудие совершения преступления;

– отсутствие свидетелей преступления как лиц, непосредственно наблюдавших преступное событие и способных опознать преступника.

Подтвердим вышеприведенные тезисы сведениями правоохранительной статистики: в 2021 году (январь-август) из числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, более 37 тысяч деяний были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и систем электронных платежей, а их доля от общего количества выявленных IT-преступлений составила 10,6% [3].

Специалистами по кибербезопасности Великобритании было проведено исследование содержимого выборки интернет-ресурсов теневой сети «DarkNet» посредством поискового агрегатора, настроенного на отслеживание и категоризацию контента по следующим ключевым словам: «weapons» (оружие), «terrorism» (терроризм), «drugs» (наркотики). В результате из 5205 единиц обследованных web-сайтов нелегальный контент удалось обнаружить на 1547. При этом наиболее распространёнными явились теневые интернет-ресурсы (так называемые «интернет-магазины»), предназначенные для торговли наркотическими веществами [4, с. 17].

Проведенное изучение научной литературы и данных открытых источников правоприменительной направленности [5,6,7,8,9] позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время на территории Российской Федерации наибольшее распространение получили «бесконтактные» схемы сбыта наркотиков с безличной формой их оплаты посредством криптовалютных бирж и сервисов обмена виртуальными активами, платежного сервиса «Visa QIWI Wallet», электронных платежных систем «Яндекс.Деньги», «Web Money» и других, позволяющих переводить деньги с различных устройств и каналов связи, как стационарных, так и мобильных. Управление зачисленными на счета денежными средствами осуществляется через «online-кабинеты» и виртуальные сервисы с маскировкой реальных IP-адресов специальными программами-анонимайзерами.

Технологически процесс подобной «маскировки» выглядит следующим образом. Пользователь заходит на web-сайт, предоставляющий услугу анонимайзера, вводит в адресную строку адрес web-страницы, которую желает посетить анонимно. Программа-анонимайзер загружает эту web-страницу, обрабатывает её и передает пользователю от своего имени. В большинстве случаев, при открытии web-страницы, интернет-провайдеру посылается запрос по зашифрованному VPN-соединению, из которого удалены персональные данные пользователя, в связи с чем провайдер может определить лишь факт передачи неких сведений. Далее запрос от провайдера поступает на сервис программы-анонимайзера, который, расшифровав его, маскирует данные пользователя, либо через прокси-серверы, либо посредством NAT маршрутизации. При этом расшифрованный запрос, поступает уже под новым IP-адресом сервиса, обеспечивая тем самым анонимность. В случае же, если такие запросы одновременно направляются от нескольких пользователей, провайдеру еще сложнее определить, кто и какие web-страницы открывал. Впоследствии, как правило, осу-

ществляются многочисленные операции по переводу денежных средств, полученных преступным путем, на другие аффилированные «кошельки» с целью размещения на банковских счетах для последующего обналичивания в банкоматах, как на территории Российской Федерации, так и за её пределами.

Остановимся на подобных криминальных схемах обналичивания денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ подробнее, заметив при этом, что такие сведения могут и должны использоваться субъектом расследования в целях всестороннего уяснения обстоятельств преступной деятельности рассматриваемого вида, а также выработки мер профилактики криминалистическими средствами и методами.

Безусловно, прав профессор А.М. Кустов указывающий, что механизм преступления представляет собой последовательный поэтапный ряд процессов взаимодействия, в результате которых проявляются следы-отражения, содержащие информацию о самом преступлении (в рассматриваемом нами случае – это обналичивание денежных средств, добытых преступным путем) и его участниках [10, с. 28]. Думается, что и вектор исследований в рассматриваемой сфере должен быть направлен, во-первых, на изучение системы признаков и качеств субъекта преступления «электронного» наркобизнеса, а, во-вторых, элементов его преступной деятельности.

В настоящее время эксперты выделяют следующую типичную схему обналичивания денежных средств, поступающих от незаконного оборота наркотиков, с целью их последующей легализации посредством использования электронных платежных систем, банковских карт, а также криптовалют. Деньги от «бесконтактного» наркосбыта злоумышленниками первоначально зачисляются на QIWI-кошельки 1-уровня, а затем распределяются на 7 – 9 других QIWI-кошельках, после чего выводятся на банковские карты финансовых учреждений (в качестве последних, как правило, используются сервисы Сбербанка России, Тинькофф Банка, Альфа-Банка и ВТБ). Одновременно с этим деньги с QIWI-кошельков 2-го уровня перечисляются на 10 – 15 QIWI-кошельков 3-го уровня, а оттуда также на банковские карты финансовых учреждений. Денежные средства, поступающие с «кошельков» 2-го и 3-го уровня на аккумулирующие банковские карты и счета посредством электронных переводов направляются на накопительные счета других банков, а также на QIWI-кошельки для расчетов с закладчиками и операторами теневых «интернет-магазинов», специализирующихся на сбыте наркотиков. Таким образом, чтобы затруднить выявление цепочки легализационных процедур и законспирировать подозрительность финансовых операций, действия совершаются поэтапно с применением системы нескольких категорий электронных средств платежа и кредитных карт.

Акцентируем внимание и на тенденции, касающейся перемещения схем обналичивания денежных средств от IT-наркобизнеса из банковского сектора во внебанковскую сферу, в частности, на площадки электронных бирж с использованием различных видов криптовалют, что значительно осложняет документирование преступной деятельности в рассматриваемой сфере. Наркодельцами

практически повсеместно стали использоваться биржи и обменные сервисы, позволяющие осуществлять обмен рублей на электронную валюту (например, «Bitcoin», «Perfect Money», «QIWI», «Yandex Money» и т.п.) с использованием возможностей глобальной сети «Интернет». Подобные фирмы-обменники осуществляют финансовые операции по следующей схеме.

Посетитель, которому необходимо произвести обмен электронной валюты, обращается к web-сайту фирмы-обменника и проходит процедуру регистрации, в ходе которой указывает такие персональные данные, как электронная почта, фамилия, имя, отчество, номер банковской карты или банковского счета, номер электронного кошелька в платежной системе («QIWI», «Яндекс.Деньги» и т.п.). В случае непредоставления указанной информации посетителю может быть отказано в заявке. Какого-либо идентификационного номера зарегистрированному пользователю не присваивается, его вносят в базу данных только привязкой к указанной им электронной почте. Регистрацию пользователи проходят по желанию.

Зарегистрированный пользователь оставляет заявку на конвертацию одной из электронных валют в другую либо на производство обмена. У фирмы-обменника существуют уже действующие электронные кошельки с положительным балансом во всех электронных системах, пользующиеся спросом у пользователей, при этом они зарегистрированы в зависимости от требований, предусмотренных для каждой конкретной такой системы.

В дальнейшем, при непосредственном обращении пользователь перечисляет на один из счетов фирмы-обменника (в качестве подобных счетов выступают банковские карты, зарегистрированные на различных лиц, QIWI-счета или иные счета) денежные средства в зависимости от наименования электронной валюты, необходимой для обмена. После чего клиенту перечисляются денежные средства с кошелька в другой системе за вычетом оговоренной комиссии, которая и является прибылью для фирмы-обменника.

Заметим, что создание преступниками большого количества банковских карт для перечисления денежных средств обусловлено наличием лимитов хранения денежных средств, удобством их переводов, а также угрозой блокировок карт со стороны банка. В то же время, в целях поддержания криминальной репутации и исключения вероятности «простоя» в работе из-за возможных проверок правоохранительных органов, фирмы-обменники стараются не производить финансовые операции, вызывающие сомнения в их законности, и блокировать web-сервис для пользователей, пытающихся совершить подобные операции.

Заметим, что одним из действенных способов, позволяющих субъекту расследования своевременно и в полном объеме, получать криминалистически значимую информацию о подобных транзакциях, является инструмент взаимодействия с Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Данное взаимодействие осуществляется в рамках Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, утвержденной приказом Генеральной прокуратуры Российской

Федерации, Росфинмониторинга, МВД России, ФСБ России, ФТС России, СК России от 21.08. 2018 № 511/244/541 /433/1313/80 [11].

Запросы в Росфинмониторинг о предоставлении информации рассматриваемой категории направляются в следующих случаях:

– во-первых, при проверке лиц на причастность к совершению преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также связанных с ними предикатных преступлений;

– во-вторых, для выявления признаков совершения предикатных преступлений посредством установления наличия (отсутствия) в базе данных Росфинмониторинга сведений о совершении лицами, проверяемыми на причастность к таким преступлениям, их представителями и (или) выгодоприобретателями, бенефициарными владельцами операций (сделок), имеющих признаки связи с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества;

– в-третьих, в целях установление имущества, подлежащего аресту для обеспечения возможной конфискации.

Предлагаемый научный подход к пониманию сущности механизма обналичивания денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотических средств, совершаемого с использованием средств дистанционной коммуникации и информационно-телекоммуникационных технологий, должен способствовать приданию целенаправленного характера деятельности правоприменителей в сфере поиска, выявления и закрепления доказательственной и иной криминалистически значимой информации о системе финансового обеспечения IT-наркобизнеса. Очевидно и то, что рассмотренная конструкция криминальной схемы имеет предварительный характер и, безусловно, требует дополнительного обсуждения, так как наркодельцы постоянно пытаются совершенствовать способы совершения преступлений таким образом, чтобы они представляли сложность для выявления и последующего раскрытия и расследования. Наше предложение преследует именно эту цель – инициировать обсуждение, которое приведет к пониманию обозначенных в статье проблем и к стремлению их решить.

Список литературы

1. Преступность и правонарушения в Российской Федерации (12 месяцев 2020г.): Статистический сборник. М.: ГИАЦ МВД России, 2021.

2. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2017 год (E/INCB/2017/1) / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Вена, 2018 / [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/drugs.shtml> (дата обращения 15.10.2021).

3. Преступность и правонарушения в Российской Федерации (8 месяцев 2021г.): Статистический сборник. М.: ГИАЦ МВД России, 2021.

4. Khey D., Stogner J., Miller B. Emerging Trends in Drug Use and Distribution / D. Khey, J. Stogner, B. Miller. Cham: Springer, 2014.

5. Овчинникова О.В. Особенности расследования сбыта наркотических средств, совершенных с использованием сети Интернет // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 94 – 98.

6. Чистова Л.Е. Расследование контрабанды наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 230 с.

7. Дикарев В.Г., Олимпиев А.Ю. К вопросу о противодействии бесконтактному способу сбыта наркотиков через сеть Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 147 – 152.

8. Земцова С.И., Суров О.А., Галушин П.В. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием интернет-технологий: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 208 с.

9. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграмм» в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т.13. №1. С. 5 – 17.

10. Кустов А.М. К вопросу о структуре механизма преступления // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 5. С. 26 – 30.

11. Приказ Генеральной прокуратуры РФ, Федеральной службы по финансовому мониторингу, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности, Федеральной таможенной службы и Следственного комитета РФ от 21.08.2018 №№ 511/244/541/433/1313/80 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.10.2021).

Давыдов Владимир Олегович, д-р юрид. наук, доцент, почетный сотрудник МВД России, лауреат премии МВД России в области науки, профессор кафедры, VladDv71@yandex.ru, Россия, Тула, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

FORENSICALLY SIGNIFICANT ASPECTS OF THE MECHANISM OF CASH FUNDS DERIVED FROM ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC AND POTENT SUBSTANCES

V.O. Davydov

In the context of global informatization, the mechanism of drug trafficking is undergoing changes in terms of the active use of «contactless» methods of committing criminal acts. The potential of information and telecommunications technologies allows attackers to develop increasingly complex drug trafficking schemes, the matrix of which is formed by deliberate, carefully planned acts. As part of the study, the results of which are reflected in this article, are described typical ways to cash out money received from drug trafficking through cryptocurrency exchanges and virtual asset exchange services, payment services and electronic payment systems that allow transferring money from various devices and communication channels. According to the author, the proposed scientific approach to understanding the essence of the mechanism of criminal cashing of funds

should contribute to giving a focused nature to the activities of the subject of the investigation in the field of searching, identifying and fixing evidence and other criminological significant information about the financial support system of the IT-drug business.

Key words: illegal traffic, narcotic drugs, contactless way of drug marketing, virtual space, electronic payment systems, cryptocurrency, online store, crime mechanism.

Davydov Vladimir Olegovich, Doctor of Law Sci., Ass. Prof., the Honorary police officer of Russia, the Winner of an award of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the field of science, professor of the Department, VladDv71@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University.

УДК 343.985

DOI: 10.24412/2071-6184-2021-4-24-29

ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТАКТИКИ ЭКСГУМАЦИИ ТРУПА (вторая статья)

И.М. Комаров

Данная публикация является продолжением статьи, изданной в предыдущем номере журнала, где были раскрыты отдельные процессуальные и организационно-тактические вопросы эксгумации. Здесь автор исследует отдельные тактические положения данного следственного действия, которое имеет несомненную специфику, отличающую его от других следственных действий. Так, рассматриваются общие положения эксгумации актуальные для любого ее вида, также некоторые особенные тактические положения, соблюдение которых обеспечивает возможность следователю добывать необходимые доказательства, избличающие виновного в совершении преступления и способствующие установлению полных обстоятельств события преступления.

Ключевые слова: эксгумация, тактические положения, особенности тактики эксгумации.

Предыдущая статья была посвящена организационно-тактическим и процессуальным и особенностям эксгумации трупа. Однако основной задачей этого следственного действия является собирание доказательств по расследуемому преступлению, а это всегда обусловлено особенностями тактики его проведения.

Эксгумация, как и любое следственное действие, имеет собственную тактику своего проведения. Система следственной тактики предполагает общие и особенные положения. Общие положения тактики эксгумации связаны с основными требованиями, которые следователь должен предусмотреть при организации эксгумации и ее проведении, от начала следственного действия до его за-

вершения. Важным общим положением является законность эксгумации. Это означает, что для этого следственного действия должны быть реальные основания, в соответствии с которыми будут получены новые сведения для расследования преступления, и оно должно быть проведено в соответствии с требованиями действующего процессуального законодательства.

Наверное, излишне, но следует отметить, что руководство данным следственным действием осуществляется исключительно следователем, он его организует, им руководит и несет полную процессуальную ответственность за его результаты. Это, несмотря на то, что к проведению эксгумации привлекается значительное число участников, которые выполняют самостоятельные функции весьма актуальные для результатов данного следственного действия, в частности, а иногда и всего расследования.

Одним из общих положений тактики проведения следственных действий является указание на их стадийность. Это означает, что следственное действие должно быть реализовано в определенной последовательности.

Подготовительный этап эксгумации, после принятия следователем решения о ее проведения, заключается в его действиях до выезда на соответствующее место и действий на месте эксгумации до ее фактического начала. На подготовительном этапе следователь решает вопросы, связанные с: целью, задачами, временем и местом проведения эксгумации; определением числа участников; выбором технико-криминалистических средств; организацией безопасности действий в ходе эксгумации; подготовкой транспортных средств в ситуациях, если исследование трупа предполагается не на кладбище; согласование этих работ с судебно-медицинским бюро; разработкой плана эксгумации; вынесением процессуальных документов (постановления об эксгумации и судебно-медицинской экспертизе); проведением предварительного инструктажа участников этого следственного действия по их правам и обязанностям. Возможны и другие вопросы, возникновение которых связано с особенностями ситуации расследования.

На месте проведения данного следственного действия следователь должен предпринять меры к удалению с места проведения эксгумации посторонних лиц; провести мероприятия по защите могилы от возможных атмосферных осадков; провести повторный детальный инструктаж участников следственного действия; провести осмотр территории кладбища, прилегающей к соответствующей могиле; подготовить могилу к раскопке (убрать цветы, венки и пр.).

Рабочий этап этого следственного действия связан извлечением гроба (трупа) из могилы и проведении следственных действий, для целей которых это было сделано (осмотр трупа, предъявление для опознания, изъятие образцов для сравнительного исследования, судебно-медицинская экспертиза).

Заключительный этап помимо повторного захоронения включает в себя составление соответствующего протокола, о чем уже было сказано в первой статье.

Наряду с общими положениями тактики эксгумации в зависимости от целей, которые определяет следователь в связи с данным следственным действи-

ем, она имеет тактические особенности. Так, тактика осмотра трупа во время эксгумации начинается с осмотра соответствующего вида места захоронения. В этой связи исследуется и описывается прилегающая территория, проводится осмотр параллельно раскопок захоронения.

Описание в протоколе следственного действия должно содержаться описание гроба (трупа) в могиле до его извлечения. В этой связи следователь должен отразить в протоколе глубину могилы до гроба (трупа). В ситуациях, когда гроб (труп) расположен в яме не горизонтально, что характерно для «криминальных» захоронений, измерение следует делать как со стороны ног, так и со стороны головы. Расположение гроба (трупа) следует сориентировать по частям света. Раскапывание могилы (трупа) должно производиться с крайней осторожностью, чтобы не допустить каких-либо повреждений. Особенно это касается ситуаций, когда труп захоронен без гроба, так как в протоколе необходимо отразить расположение конечностей относительно туловища. Состояние мягких частей ткани трупа подлежит подробному описанию в протоколе. Все предметы около трупа, находится он в гробу или нет, подлежат также подробному описанию.

Извлечение гроба (трупа) из могилы должно быть произведено с особой осторожностью с тем, чтобы не допустить каких-либо механических повреждений. После извлечения эти объекты следует расположить с возможностью свободного доступа к ним со всех сторон. Это необходимо для удобства осмотра и фиксации дополнительными средствами – фото, видео и т.п., дно могилы должно быть также внимательно осмотрено. В ситуациях, когда труп необходимо извлечь из гроба, последний внимательно осматривается и данные осмотра заносятся в протокол (состояние гроба, целостность его крышки, способ ее крепления и пр.). После фиксации положения трупа в гробу, когда необходим его осмотр вне него, его переносят на специально отведенное для этого место, где следователь и судебно-медицинский эксперт, приступают к более детальному осмотру. Эти действия включают: осмотр одежды, в которой находится труп, осмотр тела трупа; осмотр внутренних органов и осуществление секционных разрезов на них (если это возможно сделать на месте эксгумации). Все эти действия, с высокой степенью точности и детализации подлежат внесению в соответствующий протокол.

В фототаблицу к протоколу эксгумации рекомендуется помещать следующие фотоснимки: а) общий вид кладбища или места обнаружения «криминальной» могилы со стороны официального входа (обзорный снимок, линейная, круговая панорама); б) общий вид самой могилы (узловой снимок); в) фотография надгробья; г) фотоснимки начала раскопок могилы, обнаружения гроба (трупа); д) фотоснимок поднятия гроба (трупа) и его общий вид после поднятия; е) общий вид трупа вне гроба; ж) фотоснимки отдельных фрагментов гроба, частей трупа и предметов, обнаруженных в гробу и могиле.

Прилагаются также фотоснимки обратного процесса восстановления захоронения.

Эксгумированный труп может быть предъявлен для опознания. В тактике этого следственного действия имеются особенности от «традиционного» порядка предъявления трупа для опознания. Предъявление для опознания эксгумированного трупа сложная медико-криминалистическая процедура, которая включает в себя, в различных обстоятельствах, различный набор судебно-медицинских и криминалистических действий.

Судебно-следственная практика свидетельствует, что эксгумация, как правило, проводится в обстоятельствах, когда следователь имеет криминалистически значимую информацию, которая с высокой долей вероятности указывает на тот факт, что в могиле находится труп определенного человека, однако достоверность этого факта еще следует установить. Поэтому следователь должен располагать полной информацией о данном субъекте, которую можно получить из различных источников: паспортные сведения, амбулаторная карта из поликлиники по месту жительства, истории перенесенных болезней, прижизненные флюорограммы, сведения от родственников и т.п. Источники этой информации достаточно широки и возможность их получения следователем связана с ситуацией расследования. Судебно-медицинский эксперт при необходимости проводит «туалет» трупа с тем, чтобы придать ему прижизненный вид, который повысит результативность опознания при предъявлении его родственникам и знакомым.

В современной криминалистике и судебной медицине достаточно хорошо разработаны всевозможные процедуры идентификации трупа [1] и мы не видим необходимости подробно перечислять их в настоящей статье.

Актуальной в современных условиях расследования преступлений против личности прошлых лет представляется процедура получения экспериментальных образцов для сравнительного исследования. Эта актуальность обусловлена не только идентификационными, оно и иными целями для получения следователем полной, объективной и всесторонней криминалистически значимой информации о происшедшем криминальном событии. Данное следственное действие заключается в получении в установленном законом порядке объектов, которые являются продуктом жизнедеятельности человека (его организма), которые необходимы для сравнения со следами или вещественными доказательствами посредством экспертизы. Получение этих образцов у эксгумированного трупа судебно-медицинский эксперт может получить как на месте эксгумации, так и судебно-медицинском бюро. Перечень трупного материала, который необходимо изымать у эксгумированного трупа, связан обстоятельствами расследования и вопросами, на которые следователь должен найти ответы посредством проведения судебных экспертиз. Судебно-следственная практика свидетельствует, что такой материал может быть подвергнут судебно-химическому, биологическому, цитологическому, генетическому исследованию, как для идентификационных, так и других целей расследования. Тактика получения различных видов экспериментальных образцов для сравнительного исследования хорошо разработана в исследованиях, проведенных Н.И. Долженко [2].

Однако следует иметь в виду необходимость соблюдения критериев доброкачественности соответствующих образцов: а) несомненность получения образцов от определенного объекта; б) их получение в необходимом количестве и надлежащего качества; в) соблюдение необходимых условий при получении и хранении образцов; г) использование необходимых технико-криминалистических средств в процессе их получения, фиксации и хранения образцов, а также использование помощи специалиста; д) соблюдение установленного процессуального порядка при их получении.

Проведение судебно-медицинской экспертизы эксгумированного трупа представляет собой систему организационных, уголовно-процессуальных действий и тактических приемов. В связи с характером возникших вопросов, следователь может принять решение о назначении: судебно-медицинской, судебно-биологической, криминалистической (судебно-трасологической или судебно-баллистической), судебно-наркологической экспертизы. Могут быть назначены экспертизы по изъятым у эксгумированного трупа образцам. Вместе с тем следует иметь в виду, что чаще всего назначается судебно-медицинская экспертиза, которая может быть экспертизой трупа, вещественных доказательств или экспертизой по делам о нарушениях, допущенных медицинскими работниками в профессиональной деятельности. Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что следователь, затрудняясь с характером судебной экспертизы и вопросами, которые могут быть разрешены в ходе ее проведения, обращается за помощью непосредственно к эксперту или профильному специалисту.

Целью настоящей публикации не является подробное отражение порядка назначения судебной экспертизы эксгумированного трупа и порядка ее проведения судебно-медицинским экспертом. Обращение к вопросу эксгумации и основным тактически рекомендациям ее проведения основано на важном значении этого следственного действия в расследовании преступлений против личности и, в особенности, подобных преступлений прошлых лет.

Список литературы

1. См., например, Колдин В.Я. Судебная идентификация. М.: ЛексЭст, 2002. 528 с.; Федосюткин Б.А. Медицинская криминалистика. Руководство предназначено для лиц, занимающихся расследованием преступлений и широкого круга читателей. Ростов-на-Дону: изд-во «Приазовский край», 2006. 422 с.; Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. М.: БУКВИ-ЦА, 1997. 480 с. и др.

2. Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов. М.: Юрлитинформ, 2003. 103 с.

Комаров Игорь Михайлович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой, mgu.ikomarov@mail.ru, Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

GENERAL AND SPECIAL PROVISIONS OF THE TACTICS OF EXHUMATION
OF A CORPSE (second article)

I. M. Komarov

This publication is a continuation of the article published in the previous issue of the journal, where certain procedural and organizational and tactical issues of exhumation were disclosed. Here the author examines the individual tactical provisions of this investigative action, which has an undoubted specificity that distinguishes it from other investigative actions. Thus, the general provisions of exhumation relevant for any type of exhumation are considered, as well as some special tactical provisions, compliance with which allows the investigator to obtain the necessary evidence that incriminates the perpetrator of the crime and contributes to the establishment of the full circumstances of the crime event.

Key words: exhumation, tactical provisions, features of exhumation tactics.

Komarov Igor Mikhailovich, Doctor of Law Sci., Prof., Head of the Department, mgu.ikomarov@mail.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2071-6184-2021-4-29-36

**ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Р.В. Кулешов, А.П. Мясников

Рассмотрены особенности и основные проблемы предъявления для опознания как следственного действия при расследовании преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности. Отмечается, что проблема предъявления для опознания как средство укрупненной методики расследования преступлений террористической и экстремистской направленности требует дальнейших разработок. В частности, в рамках исследования была подтверждена гипотеза о том, что предъявление для опознания при расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности выступает как: тактическая комбинация; составляющая криминалистической операции; обязательный элемент локальной методики, зависящей от исходной следственно ситуации.

Ключевые слова: криминалистика, идентификация, криминалистическая тактика, криминалистическая методика, следственные действия, экстремизм, терроризм.

Криминалистическая идентификация является одной из фундаментальных теорий отечественной [1] и зарубежной [2] криминалистики. Расследование как процесс познания [3, с. 5–6], предполагает применение различных

средств доказывания. Для расследования преступлений террористической и экстремистской направленности особое значение имеет такое следственное действие, как предъявление для опознания.

Возникновение криминалистических рекомендаций по проведению предъявления для опознания при расследовании преступлений связаны с работами пионера отечественной криминалистики В.И. Громова [4, 211–218].

Возникновение криминалистически значимой информации носит устойчивый и повторяющийся характер, в том числе и при процессах отражения в сознании лиц, связанных с событием преступления. На наш взгляд, указанная группа закономерностей является системообразующей для предметной организации науки криминалистики.

Анализ уголовных дел по преступлениям террористической и экстремистской направленности показал не только значимость предъявления для опознания для их раскрытия, расследования и предупреждения, но и наличие большого количества тактических и уголовно-процессуальных ошибок при их производстве. Раскрывая сущность предъявления для опознания, мы согласны с общепринятой точкой зрения о том, что сущность предъявления для опознания заключается в идентификации предъявляемого объекта по мысленному образу. Д.А. Степаненко пришла к справедливому выводу о том, что «субъективное отражение в памяти одного человека внешнего облика другого человека – это и есть мысленный образ» [5, с. 77]. Следует отметить, что А.И. Винберг указывал, что важны не существенные признаки объекта, присущие роду, виду, классу, группе, а признаки, существенные для установления индивидуально-конкретного тождества [6, с. 93–95].

Проведение следственных действий при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности, исходя из приоритета (в том числе предъявления для опознания), должно быть согласовано: с сущностью (природой) следственных действий, predetermined механизмом формирования доказательственной информации; общностью механизма преступления как классификационного основания для дифференциации методик названных деяний, проблемами цифровизации общества [7, с. 785–794].

Мы считаем недопустимым смешивание терминов «предъявление для опознания» и «опознание». Предъявление для опознания выступает уголовно-процессуальной формой идентификации по мысленному образу при расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности.

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что предъявление для опознания при расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности выступает как: тактическая комбинация; составляющая криминалистической операции; обязательный элемент локальной методики, зависящей от исходной следственно ситуации.

Независимо от замысла следователя и объекта, предъявляемого для опознания, в процессах раскрытия, расследования преступлений террористической и экстремистской направленности особое значение имеет допрос, предшествующий предъявлению для опознания. Наше исследование показало, что

наибольшие сложности, порождающие вышеназванные тактические и уголовно-процессуальные ошибки так или иначе связаны с производством именно таких допросов. Трудности таких допросов предопределены субъективностью восприятия события преступления террористической и экстремистской направленности.

Особое значение приобретают при проведении допроса, предшествующего предъявлению для опознания, оперативно-розыскные мероприятия, имеющие цель – изучение личности допрашиваемого и занятой им позиции.

Как показало проведенное эмпирическое исследование А.Ю. Головиным и Т.А. Аристарховой, «большая часть допросов членов экстремистских организованных преступных формирований проводится в условиях конфликта допрашиваемого со следователем. Так, 92% первоначальных допросов по данной категории дел проводились в явно конфликтной ситуации, причем в 68% изученных расследований такая ситуация не изменилась в ходе допросов различных соучастников преступлений (в том числе и после предъявления обвинения) вплоть до завершения досудебного производства по уголовному делу. Изложенное требует от следователя применения в ходе допросов подозреваемых (обвиняемых) рассматриваемого типа всего тактического арсенала приемов проведения этого следственного действия в условиях конфликтной ситуации, которая практически во всех случаях является следствием реализации допрашиваемыми различных способов противодействия расследованию» [8, с. 10–16].

А.Е. Маслов пишет, что «укрепление групповой и организованной преступности привело к резкому возрастанию противодействия, которое криминальные структуры оказывают правоохранительным органам в ходе расследования преступной деятельности [9, с. 3–7].

Основу тактики допросов, предшествующих предъявлению для опознания по делам террористической и экстремистской направленности, составляют тактические приемы и их комбинации «детализация и конкретизация показаний» о признаках объекта, запечатленного в мысленном образе.

Рассмотрим типичные объекты предъявления для опознания. Данные объекты можно условно подразделить на: 1) субъекты, связанные с событием преступления; 2) предметы, связанные с событием преступления.

К типичным лицам, предъявляемым для опознания, исходя из практической роли в преступной деятельности террористической и экстремистской направленности, относятся:

- субъекты преступления (то есть участники организационных действий экстремистской или террористической направленности);
- связанные с субъектами преступления лица (например, пособники, родственники, недобросовестные адвокаты);
- завербованные лица;
- лица, подвергшиеся вербовке, но не вступившие в преступный сговор;
- жертвы террористической или экстремистских акций.

Типичные предметы предъявления для опознания зависят от механизма террористической и экстремистской деятельности, и к таковым, по нашему мнению, относятся:

- предметы и вещи, привнесенные на место совершения террористической или экстремистской акции;
- предметы и вещи, возникшие в ходе подготовки, совершения или сокрытия террористической или экстремистской акции;
- предметы и вещи, возникшие в процессе предупреждения, раскрытия и расследования экстремистских и террористических акций (например, при задержании и т.д.).

Опознание, как правило, представляет типичный способ содействия расследованию преступлений террористической и экстремистской направленности. В нем участвуют добросовестные очевидцы, свидетели, потерпевшие, родственники и близкие люди жертв экстремизма и терроризма.

Предъявление для опознания строго регламентировано УПК РФ, а особенности его производства обусловлены ситуационной природой расследования как процесса познания и доказывания.

Проявление преступного и посткриминального противодействия при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений достаточно характерно, что в свою очередь усиливает значение предъявления для опознания как процессуальной формы идентификации. Наибольшие трудности проявляются в связи с:

- пространственно-временными характеристиками преступного деяния;
- сильнейшими психотравмирующими условиями для наблюдавших;
- использованием субъектами преступлений средств маскировки внешности: от надевания на лицо масок (или предметов, используемых в качестве масок) до использования «шахидками» хиджабов и иных характерных аксессуаров, снижающих возможность восприятия их внешности;
- необходимостью предъявления для опознания трупов жертв данных посягательств, иногда – в значительном количестве, а также трупов субъектов этих преступлений, уничтоженных в ходе специальных операций.

Отметим, что даже соблюдение требований, предусмотренных ч. 8 ст. 193 УПК РФ и проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, не гарантирует обеспечение безопасности опознающего, поскольку:

1) данные об опознающем указываются в протоколе предъявления для опознания, с которым знакомятся все участники следственного действия, в том числе опознаваемый и его защитник. Если заранее не был предпринят комплекс мер, устанавливающих режим участия данного лица в расследовании под псевдонимом, то само по себе исключение визуального контакта опознающего и опознаваемого не гарантирует безопасности опознающего, в том числе с учетом цифровизации [10, с. 23–35; 11, с. 186–190; 12, с. 31–35];

2) определяя место нахождения понятых (возле опознающего), законодатель не определяет место нахождения защитника;

3) если опознание проходит по месту производства предварительного расследования (помещение правоохранительного органа) либо даже в месте постоянного пребывания подозреваемого, обвиняемого (СИЗО), находящиеся на свободе соучастники способны отследить, кто именно пришел для участия в опознании, если у них имеются какие-либо ориентирующие данные;

4) факт узнавания подозреваемого, обвиняемого сразу становится известным этому лицу;

5) конфликтный характер ситуации задержания участников незаконных вооруженных формирований обуславливает вероятность срыва данного следственного действия в результате различных провокационных поступков со стороны опознаваемого и иных лиц, оказывающих ему содействие.

Учитывая вышеизложенное и осознавая уязвимость предъявления для опознания живых лиц в натуре, следователи нередко предпочитают проводить предъявление для опознания живых лиц по фото.

Предъявление для опознания трупа по фото законом не предусмотрено. Соответственно, если невозможно предъявление для опознания трупа в натуре, например, опознающие потерпевшие и свидетели находятся в другом регионе и не могут немедленно прибыть на опознание трупа, то согласно буквальному толкованию закона, невозможно в дальнейшем опознание по посмертным фотографиям трупа. В этом случае необходимо установить иных лиц, способных осуществить процесс узнавания трупа в рамках ст. 193 УПК РФ, либо, при неустановлении таковых, реализовать иные способы идентификации и (или) фиксации общих и частных признаков. Вместе с тем, на наш взгляд, непредусмотренность в УПК РФ опознания трупа по фото, скорее всего, является пробелом, кроме того, на практике такая форма предъявления для опознания фактически применяется, в том числе по делам об указанной категории преступлений. Полагаем, возможно предъявление для опознания погибшего либо уничтоженного лица по его прижизненной фотографии – соответственно по правилам предъявления для опознания живых лиц по фото. Но это может быть актуально далеко не во всех случаях, ведь сам смысл опознания трупа заключается в отождествлении трупа с ранее знакомым или наблюдаемым живым лицом по сохранившемуся в памяти мысленному образу живого лица.

Как показывают материалы эмпирических источников по анализируемой категории преступлений, основными причинами предъявления для опознания людей по фото, которые можно признать соответствующими требованиям ч. 5 ст. 193 УПК РФ, являются предъявление для опознания:

– потерпевшим, свидетелям как вероятных субъектов преступления фото членов террористических или экстремистских организаций, впоследствии уничтоженных в ходе спецопераций;

– в качестве вероятных субъектов преступления фото членов террористических или экстремистских организаций, находящихся в розыске;

– подозреваемым или обвиняемым в качестве вероятных соучастников преступления лиц, с которыми они взаимодействовали в определенный период времени при подготовке к совершению преступления или при совершении

иных преступлений и которых они знали по кличкам или псевдонимам, и место нахождения которых в настоящий момент не установлено;

– свидетелям, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым в качестве вероятных субъектов или соучастников преступлений лиц, проходящих по учетам, место нахождения которых в настоящий момент не установлено [13, с. 17–21].

Вместе с тем, относительно оснований для выбора предъявления для опознания живых лиц по фото, необходимо отметить, что в данном случае следователи склонны широко трактовать ч. 5 ст. 193 УПК РФ, не только как физическую невозможность, но и как нежелательность предъявления для опознания живых лиц, в частности, по причинам:

– опасений потерпевших и свидетелей возмездия со стороны соучастников, оставшихся на свободе;

– вероятности сговора (в том числе невербального) между опознающим и опознаваемым – соучастниками преступления – в процессе предъявления их для опознания друг другу;

– вероятности срыва предъявления для опознания подозреваемого (обвиняемого) другим соучастникам вследствие нарушения опознаваемым режима проведения следственного действия, подачи различных вербальных и невербальных сигналов, выделяющих его из группы предъявляемых лиц;

– оставления опознаваемого в неведении о появлении нового доказательства.

Несомненно, предъявление для опознания непосредственно (в натуре) позволяет воспринять большую совокупность общих и частных признаков, нежели опознание по фото.

Вместе с тем, предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, во всяком случае в формулировке ч. 8 ст. 193 УПК РФ, не в полной мере выполняет задачи обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Поэтому, по нашему мнению, целесообразно разрешить:

– во-первых, предъявление для опознания по фото не только, если предъявление лица для опознания в натуре невозможно, но и по мотивам обеспечения безопасности;

– во-вторых, предусмотреть такую разновидность предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, как предъявление для опознания лица с учетом использования системы видео-конференц-связи.

Это позволило бы, во-первых, усилить меры безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству; во-вторых, предотвратить срывы следственных действий и иное неправомерное воздействие заинтересованных лиц, не связанное с опасностью для жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства.

Следственные действия сложной (комплексной) природы, относящиеся к последующему этапу расследования (проверка показаний на месте, предъявление

ние для обвинения, следственный эксперимент, очная ставка), применительно к анализируемой категории преступлений необходимо осуществлять незамедлительно, то есть во временных рамках первоначального этапа расследования [13, с. 17–21].

Список литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т.2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. 464 с.
2. Balan, Lucia. (2019). Some Aspects of Forensic Identification. SSRN Electronic Journal. 10.2139/ssrn. 3434113.
3. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1969. 178 с.
4. Громов В.И. Предварительное расследование по уголовным делам. Руководство для органов расследования. М.: Госюриздат РСФСР, 1930. 272 с.
5. Степаненко Д.А. Проблемы теории и практики криминалистической идентификации: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2006.
6. Криминалистика и доказывание. Методологические проблемы / под ред. Р.С. Белкина, А.И. Винберга. М.: Юрид. лит., 1969. 216 с.
7. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 785–794.
8. Головин А.Ю., Аристархова Т.А. Тактические особенности проведения допросов членов экстремистских организованных преступных формирований // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. №4–2. С.10–16.
9. Маслов А. Е. Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001.
10. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. №2 (81). С. 23–35.
11. Андреев А.С., Андреева О.В. Особенности проявления экстремизма среди молодежи с нарушением слуха // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 1–1. С. 186–190.
12. Варданян А.В., Кулешов Р.В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. №4 (42). С.31–35.
13. Кулешов Р.В. Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: дис. ... д-ра. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2017. С.17–21.

Кулешов Роман Владимирович, д-р юрид. наук, проф. кафедры, rui@mvd.ru, Россия, Ростов-на-Дону, ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,

Мясников Анатолий Павлович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры, rui@mvd.ru, Россия, Ростов-на-Дону, ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»

PRESENTATION FOR IDENTIFICATION IN THE INVESTIGATION OF VARIOUS CATEGORIES OF CRIMES IN THE FIELD OF EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITIES

R.V. Kuleshov, A.P. Myasnikov

The features and main problems of presentation for identification as an investigative action in the investigation of crimes in the field of extremist and terrorist activities are considered. It is noted that the problem of presentation for identification as a means of an enlarged methodology for investigating crimes of terrorist and extremist orientation requires further development, which led to the selection of the topic and content of this article.

Key words: criminalistics, identification, forensic tactics, forensic methodology, investigative actions, extremism, terrorism.

Kuleshov Roman Vladimirovich, Doctor of Law Scie., Prof. of the Department, rui@mvd.ru, Russia, Rostov-on-Don, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Myasnikov Anatoly Pavlovich, Doctor of Law Scie., Prof., Prof. of the Department, rui@mvd.ru, Russia, Rostov-on-Don, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

УДК 343.9

DOI: 10.24412/2071-6184-2021-4-36-42

**СОВРЕМЕННЫЙ СПОСОБ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ –
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН**

А.В. Куликов, Д.А. Символокова

Исследуется зарубежный опыт противодействия коррупции как негативному социальному явлению. Рассматривается один из цифровых способов борьбы с коррупционными преступлениями – использование технологии блокчейн, ее структура, принцип действия. Анализируются положительные и отрицательные стороны использования системы блокчейн как сложного высокотехнологичного и многофункционального механизма, позволяющего быстро и эффективно обрабатывать большой объем данных разной природы.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, противодействие коррупции, блокчейн, информационные технологии, хакерская атака.

В настоящее время коррупция стала масштабным явлением международного характера. Что представляет собой сегодня коррупция? Ответ на данный вопрос является дискуссионным. Действующий Федеральный закон от 25.12.2008 № 273 «О противодействии коррупции» не дает четкого определе-

ния данного понятия. В научной литературе сформировалось несколько подходов к определению сущности коррупции. Как точно указывает Д. Бейли, коррупция представляет собой «злоупотребление властью в личных целях» [1, с. 198]. П.А. Чебоксаров определяет коррупцию как «...совокупность негативных явлений, происходящих в обществе и государстве. Она выражается, прежде всего, в пренебрежении отдельными должностными лицами моральными нормами и в совершении ими деяний из корыстной или личной заинтересованности, направленных против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» [2, с. 137].

Исследуемый феномен коррупции как масштабного явления приобретает все новые изощренные формы, в связи с чем на государственном уровне проблеме распространенности этого негативного явления придается повышенное внимание [3, с. 115]. В ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации отмечается приоритетный характер противодействия коррупции и ее проявлениям; необходимость реализации данных мер распространяется на все уровни и направления государственного управления, начиная с совершенствования системы законодательства, деятельности правоохранительных и судебных органов [4, с. 21].

Несмотря на декларирование борьбы с коррупцией, согласно данным международной организации «Transparency International» 2020 года, Российская Федерация занимала 129 место в «Индексе восприятия коррупции», в 2019 году была зафиксирована 137 позиция [5], ранее, в 2015 году – 119 место, в 2010 – 154 [6]. Проблема современного состояния борьбы коррупцией в отечественном государстве характеризуется не только недостаточностью разработки соответствующих правовых мер, но упущением организационных моментов эффективного противодействия.

В контексте исследования коррупции, причин ее возникновения и разработки мер противодействия вызывает особый интерес применение информационных технологий. Одним из современных способов выявления коррупционных отношений сегодня выступает система блокчейн (в пер. с англ. blockchain – «цепочка блоков») – распределенная база данных (распределенный реестр данных), у которой устройства хранения данных не подключены к общему единому центру обработки и хранения информации (серверу), при этом вся информация хранится на множестве компьютеров во всем мире [7, с. 39].

Для того чтобы точно понимать как именно функционирует блокчейн и как данная система может помочь в борьбе с коррупцией, необходимо разобратся в механизме ее работы. Так, блоки представляют собой структурированную систему различных данных, непосредственно вводимых пользователями системы блокчейн. К таким данным относятся, например, сведения о транзакциях, то есть о переводах денежных средств между физическими и юридическими лицами, как международных, личных; данные о сделках, соглашениях и контрактах и многое другое. Каждый блок имеет прямую связь с другим блоком, ранее введенным в базу, что и создает ту самую «цепочку». Эта связь определяется тем фактом, что для записи нового блока информация, содержа-

щаяся в старом блоке, должна быть последовательно считана. Таким образом, каждый новый блок, который добавляется в общую базу, будет включать в себя весь материал цепочки, начиная с самого первого блока.

Не менее важно для понимания принципа работы технологии блокчейн разобрать его структуру (элементы системы). Каждый блок цепочки блокчейн имеет свой собственный «узел», с которого он был загружен, и непосредственную связь с другими узлами, как и блоками. Узел – это отдельно взятый компьютер или смартфон, который хранит полную и актуальную версию блокчейн. Для поддержания работы данной системы не требуется привычного единого централизованного сервера, который будет принадлежать одному физическому или юридическому лицу, поскольку каждый пользователь системы блокчейн является сервером, и таких серверов может быть неограниченное количество. Узлы позволяют быстро и эффективно обрабатывать данные, содержащиеся в блоках.

Всякий блок имеет свои собственные уникальные параметры содержащихся данных, именуемые хешами. Хеш – это определенный набор символов, представляющий собой уникальный номер, число. Такое число формируется из того количества и содержания механизма обработки внесенных данных, который включает в себя блок. Поскольку блоки взаимосвязаны, каждый из них вмещает хеш предыдущего блока и текущий хеш. Именно хеш обеспечивает работу одного из принципов системы блокчейн, а именно его надежность, потому как для добавления в систему нового блока, необходимо соответствие его хеша уже содержащимся данным, а также позволяет проследить принцип работы всей системы блокчейн.

Рассмотрим принцип работы системы блокчейн, используя следующий пример: субъект В. хочет перевести деньги субъекту Г. Для этого он вносит в систему блокчейн новый блок, который содержит хеш предыдущего блока и новый, присущий только ему. Так как технология блокчейн не имеет единого сервера, а поддерживает работу на основе большого количества персональных компьютеров пользователей, каждый уже существующий в общей цепочке блок вместе с новым отправляются всем участникам системы для проверки на соответствие друг другу и конечному результату. В случае если ошибок не будет выявлено, каждым участником новый блок будет добавлен в свой образец базы данных. После успешно пройденной проверки и осуществления вышеуказанных механизмов новый блок, вносимый субъектом В., может быть добавлен в «цепочку блоков», которая содержит информацию обо всех предыдущих транзакциях. Результатом будет служить успешный денежный перевод от субъекта В. субъекту Г. Если же в процессе проверки соответствия нового блока уже существующим данным будут выявлены ошибки, то данная операция будет признана неверной, и она перезапишется теми хешами, которые хранятся большинством пользователей. Соответственно, такая информация не будет внесена в общую базу, платеж не пройдет, а новый блок будет признан некорректным и неработающим.

Технология системы блокчейн – это очень сложный высокотехнологичный и многофункциональный механизм, позволяющий быстро и эффективно обрабатывать большой объем данных разной природы. Соответственно, представляется целесообразным выделить основные плюсы данной системы, которые позволяют говорить о преимуществе ее использования в борьбе с коррупционными преступлениями. Первое преимущество системы блокчейн – это ее безопасность, обеспечиваемая тем, что каждый пользователь имеет при себе публичный и приватный криптографические ключи, которые предоставляют доступ к тем разделам блока системы блокчейн, которые предназначены для него. Каждый такой ключ уникален и защищен шифрованием, без которого невозможно получить доступ к информации, имеющейся в базе данных. Этот механизм позволяет избежать замены данных и обеспечивает защиту от хакерских атак, поскольку для получения доступа к полной информации злоумышленнику необходимо получить доступ ко всем компьютерным сетям. В случае если злоумышленнику удастся заполучить приватный и публичный ключи путем обмана, он не сможет получить необходимые данные, поскольку технология блокчейн оснащена системой проверки подлинности личности.

Вторым существенным плюсом рассматриваемой системы можно выделить ее надежность. Заложенные в основу работы системы блокчейн математические алгоритмы не позволяют внести изменения, дополнения соответствующих данных, если они не будут соответствовать уже ранее внесенным, предоставляемым равноправными узлами. Проверка соответствия осуществляется путем достижения консенсуса между каждым пользователем, поскольку, как уже упоминалось выше, все данные представляют собой единую цепочку соответствующих друг другу блоков, выстраиваемых в хронологическом порядке, так как каждый новый блок добавляется «поверх» предыдущих. Поэтому новые данные не могут быть добавлены в середину или начало цепочки, а существующая информация не может быть изменена. Таким образом, в систему блокчейн допускаются только проверенные и легитимные блоки данных, а механизм проверки таких данных не позволяет отдельным узлам (компьютеру пользователя) влиять на функциональность сети и вносить изменения в базу данных.

Третье преимущество системы блокчейн – прозрачность. Вся информация о валютных операциях, контрактах и других данных является публичной. Таким образом, каждый желающий может ознакомиться с активами и операциями пользователя в свободной форме, что, помимо прочего, позволяет отслеживать подозрительное поведение, действия и вычислять незаконные операции злоумышленников-коррупционеров.

Вместе с тем необходимо выделить недостатки, которые могут помешать использованию технологии блокчейн как способа борьбы с коррупцией. Так, по мнению отдельных авторов, использование такой технологии на территории России затруднительно из-за наличия сложностей, возникающих с законодательным регулированием, а точнее отсутствием нормативного закрепления статуса блокчейн [8, с. 51].

Среди других недостатков использования системы блокчейн в Российской Федерации можно указать следующие. Первый – это достаточно дорогостоящая технология, предполагающей использование алгоритма консенсуса Proof-of-Work (доказательство выполненной работы), эффективность которого заключается в защите сетевых систем от хакерских атак (Dos-атак) и от спама – отправки информации рекламного характера лицам, которые не желают ее получать. То есть, создание такой системы, технической базы, внедрение блокчейн в какую-то определенную сферу является очень затратным.

Второй недостаток связан с внедрением блокчейн: на больших участках территории возможны перегрузки и сбой системы из-за масштаба использования этой технологии. Например, одна транзакция может занять от четырех до пяти часов. Третий – недостаточное количество IT-специалистов, специализирующихся на блокчейн-системах. Большинство таких специалистов находятся за рубежом. Также уместно говорить об отсутствии единой разработанной программы в России, подходящей для блокчейн-систем.

В связи с этим необходимо изучение зарубежного опыта использования системы блокчейн для борьбы с преступностью. Например, в Болгарии в январе 2018 г. на основе активного использования этой технологии правоохранительные органы получили информацию и провели обыск в компании «Onecoin». Основанием производства обыска явилось подозрение руководства компании в «создании криптовалютной пирамиды».

В начале сентября 2020 года Министерство сотрудничества в области развития Дании опубликовало отчет, в котором блокчейн признан эффективным инструментом борьбы с коррупцией, особенно в лагерях беженцев. Блокчейн обеспечивает усиленный надзор за предприятиями, правительствами и заинтересованными сторонами, тем самым обрывая многие коррупционные связи. В докладе блокчейн-технологии определены как один из четырех способов борьбы с коррупцией. Одним из основных ее последствий считается «коррозия доверия», и датское министерство считает, что блокчейн поможет восстановить доверие населения к органам власти. Безопасная и прозрачная запись данных активно используется в Дании для предоставления беженцам прав на помощь, землю и денежные пособия, а также для предотвращения мошенничества [9].

Таким образом, использование системы блокчейн в противодействии коррупции набирает необходимые обороты в зарубежных странах: последовательно вводятся нормы правового регулирования данной технологии, разрабатываются соответствующие компьютерные программы.

Всемирный экономический форум (ВЭФ) в своем докладе рассказал о первых результатах проекта по изучению возможностей использования технологии блокчейн для целей противодействия коррупции в государственных закупках. Целью проекта стало изучение возможностей и ограничений использования блокчейн-технологии для противодействия коррупции в государственных закупках, в том числе в зависимости от выбранной модели обеспечения доступа к данным: эксклюзивной (permissioned) или инклюзивной (permissionless). Кроме того, в докладе представлены общие предложения по совершенствованию

мер противодействия коррупции в государственных закупках и вовлечению гражданского общества в процесс контроля коррупционных рисков, возникающих в ходе закупочных процедур. Авторы доклада, выделяя четыре основных этапа в процессе государственных закупок (планирование, отбор участников, оценка участников, реализация и мониторинг), отмечают, что данный проект был ориентирован только на второй и третий этапы (прием и оценка заявок потенциальных поставщиков). Но блокчейн-технологии, по их мнению, могут помочь предотвратить использование лишь отдельных недолжных приемов из весьма обширного арсенала. Причем с большинством коррупционных практик, бороться с которыми авторы предлагают посредством блокчейн, например, с отсутствием прозрачности на всех этапах закупки или с риском внесения изменений в закупочную документацию в интересах определенного участника, можно справляться и без использования блокчейн-систем, совершенствуя «традиционные» электронные информационные системы государственных закупок. Кроме того, как признают сами авторы, некоторые коррупционные практики вообще невозможно предотвратить лишь путем внедрения технологических решений, в частности, сговор поставщиков между собой и (или) с заказчиком и подкуп, имеющий место вне системы закупок (то есть без использования средств, полученных поставщиком за выполнение контракта). Однако этот вопрос, по их мнению, потребует дальнейших исследований и серьезной проработки как с нормативной, так и с технической точек зрения [10].

Отсюда следует сделать вывод, что система блокчейн как эффективный способ борьбы с коррупцией может быть применим в России, однако для ее успешной реализации необходимо учитывать особенности функционирования правовой системы нашего государства, тенденции распространения коррупции в определенных сферах экономики и государственного управления, а самое главное, наличие современных информационных технологий. Мы понимаем, что коррупцию как преступный феномен не представляется возможным полностью и безвозвратно исключить из жизни нашего общества, но постепенное внедрение новых информационных систем и технологий, таких как блокчейн, поможет снизить ее уровень.

Список литературы

1. Шурыгин Ф. Ф. Проблема толкования термина «коррупция»: особенности отечественных и зарубежных подходов // Молодой ученый. 2020. № 26 (316). С. 198 – 201.
2. Фиалковская И.Д. Коррупция: понятие, признаки, виды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2018. № 1. С.137 – 142.
3. Государство и право: безопасность и противодействие коррупции / Под ред. И.К.Ларионова, В.В.Шкляра, М.А.Гуреева и [др.]. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2021. 414 с.
4. Правовые основы противодействия коррупции: учебно-практическое пособие / под ред. Т.А.Артёменковой, А.Ю. Гусева. М.: Проспект, 2021. 144 с.

5. Индекс восприятия коррупции. Официальный сайт Международной организации «Transparency International» [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indeks-vospriyatiya-korrupsii-2020-30-ballov-i-129-mesto.html> (дата обращения: 03.02.2021).

6. Россия и Кения поделили 137-е место в индексе восприятия коррупции. Официальный сайт средства массовой информации «РБК» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/01/2020/5e2912d69a794750adc67abc> (дата обращения: 29.12.2020).

7. Матюшкина А.В. Блокчейн-платформа – нет повода для коррупции // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2018. №3 (3). С.36-44.

8. Соколова Т.Н., Волошин И.П., Петрунин И.А. Преимущества и недостатки технологии блокчейн // Экономическая безопасность и качество. 2019. №1 (34). С. 49-52.

9. Как используют блокчейн. Министерство в Дании рассказало, как блокчейн победит коррупцию [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/- \(Blockchain\) \(дата обращения: 26.10.2021\).](https://www.tadviser.ru/index.php/- (Blockchain) (дата обращения: 26.10.2021).)

10. 30 июня 2020 года. Блокчейн для борьбы с коррупцией в государственных закупках: доклад Всемирного экономического форума. Антикоррупционный центр НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/blokcheyn_dlya_borby_s_korrupsiey_v_gosudarstvennyh_zakupkah_doklad_vsemirnogo_ekonomicheskogo_foruma (дата обращения: 26.10.2021)

Куликов Александр Викторович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой, заслуженный юрист РФ, bmw0052@rambler.ru, Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта,

Символокова Дарья Александровна, соискатель, daryasimvol@mail.ru, Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта

A MODERN WAY TO FIGHT CORRUPTION – THE USE OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY

A.V. Kulikov, D.A. Simvolokova

In connection with the problem of the spread of corruption in Russia, the emergence of new ways of committing corruption crimes, the foreign experience of countering this phenomenon is being investigated. The article discusses one of the digital ways to combat corruption crimes – the use of blockchain technology, its structure, the principle of operation, as well as the pros and cons of using such a system.

Key words: corruption, anti-corruption, anti-corruption, blockchain, information technology, hacker attack.

Kulikov Alexander Viktorovich, Doctor of Law Scie., Prof., Head of the Department, Honored Lawyer of the Russian Federation, bmw0052@rambler.ru, Russia, Kaliningrad, Baltic Federal University named after I. Kant

Symvolokova Daria Alexandrovna, applicant, daryasimvol@mail.ru, Russia, Kaliningrad, Baltic Federal University named after I. Kant

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

А.В. Куликов, Ю.А. Хибнерс

Целью исследования является изучение зарубежного опыта применения конфискации имущества для возможного внедрения, что позволит расширить сферу применения конфискации имущества в России и более эффективно восстанавливать нарушенные преступления материальные (экономические) правоотношения. Раскрывается правовая природа конфискации имущества на современном этапе как иной меры уголовно-правового характера, анализируются проблемы ее назначения и применения, предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства о конфискации имущества.

Ключевые слова: конфискация имущества, правовой институт, мера уголовно-правового характера, наказание, общая конфискация, специальная конфискация.

На современном этапе институт конфискации имущества, оставаясь по сути наиболее эффективной мерой противодействия экономическим, коррупционным преступлениям, а также преступлениям, связанным с терроризмом и другими противоправными деяниями, активно применяется во многих зарубежных государствах, в том числе и в качестве уголовной меры в международных договорах, ратифицированных Россией. Однако в национальном уголовном праве до настоящего времени не сформулирована единая позиция в применении института конфискации имущества, объеме и возможностях ее применения [1, с. 140].

Вместе с государственностью России появилась и конфискация имущества. В своем развитии она прошла несколько этапов, за время которых от частной мести перешла в разряд имущественных публичных наказаний в пользу государства и стала назначаться наряду с уголовными санкциями за наиболее опасные виды деяний. Но в разные периоды истории государственности ее содержание и правовая природа менялись, зачастую в зависимости от того, какие экономические и политические цели ставила перед собой власть: это типично как для дореволюционного законодательства, так и законодательства советского периода.

В России современного периода существенные изменения по институту конфискации имущества произошли в 2003 году, когда нормы о ней были вовсе исключены из Уголовного кодекса Российской Федерации [2, с. 71]. С учетом возникших последствий законодателем достаточно быстро была исправлена ошибка, и Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ в Уголовный кодекс РФ была введена глава 15.1. «Конфискация имущества», где конфискация была заявлена в качестве иной меры уголовно-правового характера. Исходя из текста уголовного закона, конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора конкретно определенного имущества (ст. 104.1 УК РФ), не подлежащего расширительному толкованию. Сегодня данная мера уголовно-

правового характера в виде конфискации имущества на практике судами не применяется по причине сложности доказывания получения денег, ценностей и иного имущества именно в результате совершения преступлений, а также по причине длительности и сложности доказывания незаконного получения имущества родственниками подозреваемого (обвиняемого).

В международных правовых документах конфискация имущества предусматривается, как правило, за совершение преступлений, связанных с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом, а также как мера противодействия обороту наркотических средств и психотропных веществ. В то же время все международные документы ссылаются на необходимость детальной регламентации этого института в рамках национального внутреннего законодательства государств-участников.

Сравнительный анализ зарубежной практики применения показывает, что конфискация имущества предусмотрена в уголовном законодательстве большинства стран, но при этом подход к данному институту как к уголовно-правовой мере наказания различается, в связи с чем нами условно выделены четыре направления его развития: постсоветское пространство, страны Западной Европы, США, Азия и Восток.

Что касается постсоветского пространства, то сформировалось ряд позиций к определению понятия конфискации имущества и его применения. Так, осталась с советского периода доминирующая позиция определения конфискации имущества как вида наказания и практики ее применения в качестве дополнительного наказания за совершение корыстных тяжких и особо тяжких преступлений. Такая позиция прослеживается в уголовных законах Армении, Республики Беларусь, Казахстана.

В частности, в положениях ст. 46-1 УК Республики Беларусь указывается, что конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества осужденного, за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления из корыстных побуждений. При совершении преступления подлежат специальной конфискации, то есть принудительному безвозмездному изъятию в собственность государства: имущество, добытое преступным путем или приобретенное на средства, добытые преступным путем; доход, полученный от использования этого имущества, а также предметы преступления, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу; орудия и средства совершения преступления, принадлежащие лицу, совершившему преступление; вещи, изъятые из оборота. Независимо от права собственности подлежит специальной конфискации транспортное средство, которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное статьей 317-1 УК Республики Беларусь (за исключением транспортных средств, выбывших из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц) [3].

Для уголовного законодательства Республики Казахстан также характерны общая и специальная конфискация имущества. Исходя из норм ч. 1 ст. 48 УК Республики Казахстан, конфискация имущества есть принудительное без-

возмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества, находящегося в собственности осужденного, добытого преступным путем либо приобретенного на средства, добытые преступным путем, а также имущества, являющегося орудием или средством совершения уголовного правонарушения [4]. В целом, за совершение корыстных преступлений может быть назначена общая конфискация имущества, а за совершение коррупционных преступлений – специальная.

Согласно второму подходу на постсоветском пространстве конфискация имущества также рассматривается как вид наказания, к ней прибегают как к дополнительному наказанию, но она может быть только специальной. В качестве примера такой позиции служат уголовные кодексы Кыргызской Республики и Туркменистана, где под специальной конфискацией имущества подразумевается принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства предметов, сопряженных с преступлением.

При третьем подходе в ряде стран – бывших республик СССР – конфискация имущества исключена из системы наказаний, и ей определен особый правовой статус, с применением только к имуществу и предметам, сопряженным с преступлением. То есть признается лишь специальная конфискация, но не как вид наказания, а как иная мера уголовно-правового характера. Таким подходом отличаются нормы уголовных кодексов Республики Молдовы, Литовской Республики и Эстонии. Так, в соответствии со статьей 72 УК Литовской Республики конфискации подлежит имущество, находящихся в собственности осужденного или его сообщника либо других лиц, связанных с преступлением. При этом подлежат отчуждению орудия, средства либо результаты преступного деяния [5].

Согласно четвертому подходу на постсоветском пространстве, ряд стран от конфискации имущества отказались вовсе. Примером такой позиции стали законодательство Азербайджана и Грузии. Так, конфискацию имущества в Грузии признали антиконституционной мерой и исключили из Уголовного кодекса. В решении Конституционного Суда Грузии от 21.07.1997 указывается следующее: «Введение в ранг закона конфискации имущества – проявление незащищенности права собственности... Конфискация имущества не соответствует требованиям к отчуждению собственности, установленным п. 3 ст. 21 Конституции, поскольку одним из обязательных условий отчуждения является равноценное возмещение» [6].

В связи с этим следует отметить, что мнения относительно отказа от института конфискации имущества у многих исследователей в основном сходятся – это необоснованно, полагают они. В частности, А.Б. Антохина указывает, что это нельзя считать позитивным решением, так как в основном перечне нормативных документов ООН закрепляется необходимость конфискации имущества в определенных случаях, так же как и в уголовном законодательстве практически каждого государства так или иначе к ней обращаются, хоть и в разном качестве и с разными целями. Нельзя не признать того, что в настоящее время

наряду с другими мерами, конфискация имущества является, по сути, эффективной мерой противодействия преступности [7, с. 94].

Рассмотрим как отдельное направление опыт конфискации имущества в странах Западной Европы. В этих странах встречается как общая и специальная конфискация имущества или только специальная конфискация имущества.

Примером первого подхода являются нормы уголовного законодательства Французской Республики о конфискации имущества. Наказание в виде конфискации имущества предусмотрено за преступления, где конкретно указано, что наказания в виде уголовного заключения или уголовного заточения не исключают наказаний в виде штрафа и одного или нескольких дополнительных наказаний, включая конфискацию (статья 131-21 УК Франции). То есть конфискация определенного имущества служит как дополнительный вид уголовного наказания. На основании ст. 136-6 УК Франции может осуществляться специальная конфискация: «Конфискация вещи, которая служила или была предназначена для совершения преступного деяния, или вещи, которая получена в результате преступного деяния» [8].

Что касается уголовного законодательства Испании и Италии, то предусмотрена только специальная конфискация имущества. В ст. 127 УК Испании указывается, что конфискации подлежат при совершении преступления орудия данного преступления, если только они не принадлежат третьим лицам, добросовестно пользовавшимся не с целью совершения преступления [9]. В этом случае данные вещи возвращаются владельцам. По Уголовному кодексу Италии осуществляется конфискация тех вещей, которые служили или были предназначены для совершения преступления (статья 240, первый абзац), тем самым она включает в себя меру безопасности активов, имеющей тенденцию предотвращать совершение будущих преступлений путем экспроприации вещей, которые могут быть связаны с совершением уголовных преступлений. Отсюда следует, что рассматриваемая конфискация подразумевает отношения «порабощения» между вещью и преступлением в том смысле, что первое должно быть объективно связано с последним тесной инструментальной связью, которая эффективно раскрывает будущую возможность повторения наказуемого действия, с другой стороны, достаточно случайных отношений. При этом обязательной конфискации подлежат вещи, изготовление, использование, хранение, владение или сбыт которых составляет преступление, даже если судимость за ним не последовала (ст. 40 УК Италии) [10]. То есть законодатель Италии не признает специальную конфискацию в качестве вида наказания, а расценивает ее как меру безопасности.

В уголовном законодательстве ФРГ присутствуют различные виды и формы изъятия имущества, в том числе предусмотрена конфискация имущества. Общность трактовок конфискации имущества в российском и германском уголовном праве сводится к тому, что конфискация имущества рассматривается как уголовно-правовое последствие преступления, отличное от вида наказания [11, с. 433]. Согласно нормам Уголовного Уложения ФРГ, конфискация имущества не является ни уголовным наказанием, ни мерой исправления и без-

опасности. Конфискация подлежит то, что было приобретено преступным путем (§ 73, 73d УУ ФРГ), при изъятии предметов и средств совершения деяния (§ 74, 74a УУ ФРГ), а также при изъятии и приведении предметов в негодность (§ 74d и след. § УУ ФРГ). Все эти виды конфискации имущества представляют собой принудительные меры в понимании § 11 (п. 8 абз.1) УУ ФРГ. В соответствии с § 73 (предл. 1 абз.1) УУ ФРГ предусматривается обязательная конфискация у преступника всего, что было приобретено им преступным путем в рамках конкретного преступления, являющегося предметом обвинительного заключения и по которому выносится решение суда. Также УУ ФРГ предусматривает в рамках § 73d расширенную конфискацию – она применяется преимущественно в случае организованной преступности, то есть определенные предметы могут быть конфискованы, если они были приобретены в случае совершения другого преступления [12]. В данном случае суду достаточно предъявить в качестве доказательства преступное происхождение имущества, включая даже предположения следователя или обвинителя.

Рассмотрим опыт применения норм о конфискации имущества в Соединенных Штатах Америки. По законодательству США предполагается два вида конфискации: гражданско-правовая и уголовно-правовая. Как указывают И.Д. Козочкин и Д.А. Гамзалов, тенденции применения конфискации имущества в России и США прямо противоположные – в отличие от России, в США с каждым годом все чаще обращаются к конфискации имущества [13, с. 63]. Гражданско-правовая конфискация имущества в английском и американском праве появилась раньше, чем уголовно-правовая. Ее называют конфискацией «in rem», что в переводе означает «в отношении вещи». Позже появилась уголовно-правовая конфискация, ее называют конфискацией «in person am», то есть в отношении конкретного лица – обвиняемого. Применяется она в отношении лица как виновного в совершении преступления, а соответствующее имущество, связанное с преступлением, подлежит конфискации.

Рассмотрим четвертое направление зарубежного опыта конфискации имущества, а именно – конфискация имущества в странах Азии на примере Китайской Народной Республики. Следует отметить, что в большинстве стран Азии конфискация имущества рассматривается как вид наказания. Так, согласно ст. 59 Уголовного кодекса КНР допускается общая или частичная конфискация имущества, являющимся собственностью осужденного [14]. Например, при полной конфискации имущества семье преступника только необходимое на жизненно важные расходы. Также может быть назначена полная конфискация имущества за преступления коррупционной направленности либо иные корыстные преступления в большем размере. При этом конфискация имущества выступает в зависимости от тяжести преступления как обязательный либо необязательный дополнительный вид наказания.

Подводя итог исследованию применения института конфискации имущества в зарубежных странах, следует сделать вывод о том, что уголовные нормы о конфискации в большинстве государств связаны с предметом конфискации: конфискации подлежит именно то имущество, которое непосредственно связа-

но с преступлением, – это предметы, средства, орудия совершения преступления, а также доходы, полученные в результате преступной деятельности.

Преимуществом законодательства зарубежных стран, регулирующего конфискацию имущества, следует назвать более детальное регулирование данного вопроса: с одной стороны, четко определен предмет конфискации, с другой стороны, нет ограниченного перечня преступлений, за которые может быть назначена конфискация имущества, как это в настоящий момент представлено в ст. 104.1 УК РФ. В связи с чем следует отметить, что составы преступлений, в результате которых причиняется реальный ущерб собственнику либо извлекается доход в крупном и особо крупном размере (хищения – ст. ст. 158-163 УК РФ, преступления в сфере экономической деятельности – ст. ст. 169-204 УК РФ и др.), в большинстве своем не попали в перечень, предусмотренный п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Указанное обстоятельство вызывает большее количество нареканий со стороны правоприменителей, так как оно не отвечает сложившейся в стране ситуации с преступностью, и не обладает предупредительным потенциалом в отношении корыстных преступлений.

В отношении уголовного законодательства зарубежных стран также характерна одна общая черта – достаточно доказательства преступного происхождения предмета конфискации для вынесения судами решения о его конфискации. Таким образом, любое имущество (средства, активы и др.), как-то либо связанное с совершением преступления, изымается в доход государства.

В большинстве стран Европы конфискация имущества рассматривается как иная мера уголовно-правового характера и не входит в перечень наказаний, она является именно мерой эффективного противодействия совершению преступлений различной направленности.

Исходя из этого, мы приходим к выводу, что институт конфискации имущества в УК России должен совершенствоваться в существующем статусе «иной меры уголовно-правового характера». С этой целью, как мы ранее предлагали, необходимо внести следующие изменения в ст. 104.1 УК РФ:

– в тексте пункта «г» указанной статьи: «г) орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому», – изменить формулировку «обвиняемому» на «осужденному».

Также необходимо внести изменения в ст. 81 УПК РФ:

– в тексте пункта 1 части 3 указанной статьи: «1) орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются», – изменить формулировку «обвиняемому» на «осужденному» [15, с. 39-45].

С учетом того, что конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера не отнесена к видам наказания, а использованные орудия и средства преступного деяния, а также незаконно добытое имущество являются естественным последствием преступления, следует отказаться от существующего перечня преступлений, что позволит в свою очередь расширить сферу

применения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера.

Список литературы

1. Пилипенко К.В. Уголовно-правовое регулирование конфискации имущества в международном праве // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9. С. 140 – 144.

2. Сыч К.А., Курлаева О.В. Конфискация имущества как предмет уголовно-правового исследования // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1 (15). С. 69 – 72.

3. Уголовный Кодекс Республики Беларусь № 275-З от 9.07.1999 [Электронный ресурс]. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm. (дата обращения: 21.01.2021)

4. Уголовный кодекс Республики Казахстан № 226-V от 3.07.2014 (в ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=10;-52#pos=10;-52/ (дата обращения: 04.11.2021)

5. Уголовный кодекс Литовской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 21.01.2021)

6. Законодательный Вестник Грузии [Электронный ресурс]. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/> (дата обращения: 21.01.2021).

7. Антохина А.Б. Правовая регламентация конфискации имущества в зарубежном уголовном праве // Вестник СевКавГТИ. 2014. № 19. С. 92 – 95.

8. Уголовный кодекс Франции от 06.12.2019. Российский правовой портал: библиотека Пашкова [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 21.01.2021).

9. Уголовный кодекс Испании [Электронный ресурс]. URL: [/livelib.ru: https://www.livelib.ru/book/1000624062-ugolovnyj-kodeks-ispanii](https://www.livelib.ru/book/1000624062-ugolovnyj-kodeks-ispanii) (дата обращения: 21.01.2021)

10. Уголовный кодекс Италии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belpaese2000.narod.ru/Italia/uffic0.htm> (дата обращения: 21.01.2021)

11. Хаматшина Г.А. Конфискация имущества как уголовно-правовой институт в законодательстве России и зарубежных стран // Science Time. 2017. № 1 (37). С. 432 – 439.

12. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной республики Германия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 21.01.2021).

13. Козочкин И.Д., Гамзалов Д.А. Конфискация имущества по уголовному праву США // Государство и право. 2014. № 10. С. 62 – 72.

14. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 21.01.2021).

15. Куликов А.В., Хибнерс Ю.А. Проблемы назначения и применения конфискации имущества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. Вып. 1. С. 39 –45.

Куликов Александр Викторович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой, Заслуженный юрист РФ, bmw0052@rambler.ru, Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Хибнерс Юлия Александровна, соискатель, bazaeva08@mail.ru, Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта

FOREIGN EXPERIENCE IN THE USE OF CONFISCATION OF PROPERTY (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

A.V. Kulikov, U.A. Hibners

The purpose of the study is to study foreign experience in the use of property confiscation for possible implementation, which will expand the scope of property confiscation in Russia and more effectively restore the material (economic) legal relations violated by the crime. The article reveals the legal nature of the confiscation of property at the present stage as another measure of a criminal nature, analyzes the problems of its purpose and application, offers recommendations for improving legislation on the confiscation of property.

Keywords: Confiscation of property, property law, legal institution, criminal law measure, punishment, general confiscation, special confiscation.

Kulikov Alexander Viktorovich, Doctor of Law, Prof., Head of Department, Honored Lawyer of the Russian Federation, bmw0052@rambler.ru, Russia, Kaliningrad, Baltic Federal University named after I. Kant

Hibners Julia Aleksandrovna, applicant, bazaeva08@mail.ru, Russia, Kaliningrad, Baltic Federal University named after I. Kant

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ НАУК О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Т.В. Толстухина, А.А. Светличный

Обосновывается авторское мнение о том, что научные проблемы языка науки, в частности, уголовно-процессуального права, затрагивают вопросы сущности и значения науки в целом. Рассматриваются проблемы соотношения терминов «уголовно-процессуальное право» и «уголовный процесс», анализируется содержание терминов «материальное право» и «процессуальное право» в ретроспективном аспекте, на основании чего определяется место и роль современного уголовно-процессуального права не только в системе процессуального права, но и наук о противодействии преступлениям, находящихся в едином терминологическом поле.

Ключевые слова: язык науки, терминология, уголовный процесс, уголовно-процессуальное право, терминологический аппарат, криминалистика, терминологическое поле.

Язык, как средство коммуникации и передачи какой-либо информации, появился задолго до возникновения науки, более 600 тыс. лет назад. С момента его возникновения и до сегодняшнего дня он прошел длительный путь развития, аккумулировав в себе все стороны человеческого бытия и сознания. Именно поэтому мы с уверенностью можем говорить, что научные проблемы, затрагивающие вопросы его сущности и значения, неизбежно отражают глобальные философские проблемы познания в целом.

Посредством языка мы не только собираем и фиксируем полученные знания за все годы существования той или иной области науки, но и, что не менее важно, можем передать эти знания будущему поколению, обеспечивая тем самым преемственность и создавая необходимую базу для дальнейшего развития отдельной отрасли знания или науки в целом.

Как показывает проведенный нами анализ научной и учебной литературы, система языковых средств выражения правовой информации в обобщенном виде начала складываться к середине XV столетия. В этот период времени обычное право начинает утрачивать свое прежнее значение, а государственное законодательство, наоборот, весьма активно развивается. Язык отечественной юриспруденции отличался особым терминологически устойчивым полем, как правило, в текстах нормативных актов зачастую использовались стандартные фразы и клише, а многие предложения специально строились определенной длины, которая намеренно превышала обычную передачу правовой информации.

Инструментом хранения, воспроизводства и передачи специальной информации выступают термины, образующие в своей совокупности особую систему языкового выражения специальных понятий (терминологию). О важно-

сти терминов в современной науке свидетельствует возникновение терминоведения – самостоятельной науки, предметом изучения которой является специальная лексика с позиции ее происхождения, содержания, упорядочения и использования в научном обороте. Несомненно, активное развитие этой науки за последние годы оказывает значительное воздействие на процессы формирования и становления многих научных терминоведческих систем.

Проблемы терминологии не обошли стороной и современную юридическую науку. Мы полностью поддерживаем позицию А.Ю. Головина, который в своих трудах приходит к выводу о том, «исследование проблем языка науки способствует усилению процесса теоретизации науки и потому не только обеспечивает единство различных способов отображения анализируемых объектов, создавая некие универсальные приемы исследования, но и повышает степень упорядоченности производимой информации, а значит и целостность систем знания» [1, с. 78].

Анализ специальной литературы и действующих нормативно-правовых актов позволяет выявить многие противоречия и терминологические неточности в науках уголовно-правового блока, причем как в материальных, так и процессуальных составляющих его частей. Например, по мнению Д.В. Панариной, «российская уголовно-процессуальная наука формировала свою терминологию, зачастую не корреспондируя ее с научными подходами к общей методологии терминоведения, результатом чего явилась множественная нормативная неоднозначность и противоречивость» [2, с. 3].

Следует отметить, что толкование уголовного процесса в качестве результата правового регулирования, позволяет говорить о том, что можно науку уголовного процесса отождествить с наукой уголовно-процессуального права. Однако, как справедливо отмечается учеными, наука уголовно-процессуального права должна изучать только наиболее существенный, но не единственный компонент процессуальной деятельности – процессуальную форму (порядок) этой деятельности, оставляя в стороне предупреждение, обнаружение и в значительной части раскрытие преступлений, методику и тактику судебно-следственной деятельности, то есть ряд элементов уголовного процесса как способа реализации материального уголовного права

В этой связи необходимо рассмотреть вопрос соотношения используемых как синонимы терминов «уголовно-процессуальное право» и «уголовный процесс». Под термином «уголовно-процессуальное право» в научной и учебной литературе, как правило, понимается «совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства» [3, с. 24]. По мнению абсолютного большинства исследователей вопрос об отнесении уголовно-процессуального права к системе процессуальных отраслей права не вызывает никаких сомнений. Из этого логично следует мысль о том, уголовный процесс в полной мере регулируется положениями уголовно-процессуального права. Однако остается множество дискуссионных вопросов относительно структуры процессуального права.

В основе дифференциации всех отраслей отечественного законодательства на материальные и процессуальные находится предмет правового регулирования, иными словами, разграничение зависит от характера и специфики регулируемых правом общественных отношений. Однако, несмотря на широкое и общепринятое употребление терминов «материальное право», «процессуальное право» на страницах научной и учебной литературы, в практической сфере юридической деятельности, единого устоявшегося доктринального определения содержания этих терминов на сегодняшний день нет. В этой связи вызывает интерес позиция Л.С. Явича: «Термин «материальное право» общепринят, и им можно пользоваться, но при этом надо, конечно, иметь в виду его условность. К материальному праву, собственно, относят все отрасли права за исключением тех, которые регулируют процесс применения норм права» [4, с. 297]. Похожая точка зрения имеется и у О.В. Иванова: «Понятие «материальное право» в отрыве от понятия «процессуальное право» утрачивает всякий смысл» [5, с. 48].

Однако в науке имеются и несколько иные взгляды на представленный вопрос. Например, В.М. Горшенев считает возможным проводить разграничения между материальным и процессуальным правом посредством отражения в предмете правового регулирования определенных комплексов отношений, а именно – организуемых и организационных. При таком подходе организуемые будут составлять предмет регулирования для материального права, а организационные, одной из разновидностью которых являются организационно-процессуальные, будут центральной составляющей предметом процессуального права [6, с. 45– 52].

В свою очередь, Р.Д. Джалилов, применяя комплексный подход к исследованию системы права, пришел к выводу о том, что «... единая система юридических норм включает в себя две подсистемы материальных и процессуальных норм» [7, с. 30–39; 8, с. 284].

В теории права существует также мнение о том, что разделение отраслей права на материальные и процессуальные зависит от наличия в них регулятивных и охранительных норм, при этом процессуальные правоотношения рассматриваются как способ реализации охранительных норм, которые, в свою очередь, выступают своеобразными гарантами регулятивных норм [9, с. 33]. Но здесь следует согласиться с позицией С.С.Алексеева, который справедливо отмечает, что в правовых системах не существует в чистом виде «регулятивного» и «охранительного» права [10, с. 32]. Обосновывая свою позицию, ученый приводит следующие доводы: одни и те же правовые нормы могут выполнять несколько функций одновременно (и регулятивные, и охранительные). Например, тот или иной вид запрета, который часто встречается в «охранительных» нормах, одновременно может выступать и в качестве способа регулирования «нормального», «неотклоняющегося» поведения. При этом определить четкую роль «охранительных» норм в процессе регулирования общественных отношений представляется крайне затруднительным, так как в большинстве случаев очень сложно установить, является ли воздержание от запрещенных действий

результатом правового ограничения, или же определяется наличием каких-либо морально-этических, экономических или иных факторов [11, с. 37, 38].

Обратимся к этому вопросу с ретроспективной точки зрения. Как следует из истории правовой науки, изначально термин «материальное право» появился в юриспруденции как некий противовес «формальному» праву. И если материальное (уголовное) право составляли нормы, устанавливающие виновность и наказуемость преступного деяния, то основой формального (процессуального) права, выступали правовые нормы, регламентирующие порядок и особенности производства по уголовным делам [12, с. 3].

Дальнейшее развитие и формирование этих отраслей права всегда проходило параллельно, отражая друг в друге специфику и особенности того или иного временного периода. Особенно четко этот процесс прослеживается при рассмотрении исторических аспектов формирования отечественного уголовного законодательства. Как отмечает В. Случевский, «... предписания закона, заключающие в себе нормы процессуального права, всегда предшествовали возникновению предписаний, вмещавших в себя нормы материального уголовного права» [12, с. 4]. На основании проведенных исследований указанный автор приходит к выводу о том, что Судебники 1497 и 1550 г.г., а также Уложение 1649 г. имели в большей степени процессуальное содержание, а такие базовые понятия как, например, «преступление», «наказание» по-прежнему раскрывались преимущественно обычаем [12, с. 4,5].

Н.Н. Розин, например, придерживался иной точки зрения: «Отграничение гражданского и уголовного процессов ... есть явление сравнительно недавнего происхождения» [13, с. 9]. Иными словами, Н.Н. Розин полагал, что уголовное и гражданское судопроизводство является ветвями судебного права [13, с. 14,15].

И.Я. Фойницким отмечена сложность разграничения пресечения и преследования преступлений, а также тесная связь уголовного судопроизводства с полицейским правом. Он писал, что пресечение преступлений в англо-американских законах следует относить к уголовному процессу, а следовательно, и рассматривать пресечение как его начальную стадию [14, с. 4,5].

Разделяем точку зрения ученых, которые справедливо отмечают различие между материальным и процессуальным правом, что отражается в характере регулируемых отношений. В этой связи А.М.Яковлев правильно отмечает, что в целом право рассчитано на «отклоняющееся поведение». «В качестве общего правила в обычных условиях, – пишет автор, – норма права призвана регулировать поведение, расходящееся с объективной социальной нормой, призвана воздействовать на «аномалии», отрицательные «отклонения» от типов поведения, образующих данную социальную норму» [15, с. 31]. Распространяя данное положение на всю систему правового регулирования, можно утверждать, что необходимость рассматривать какие-либо общественные отношения в правовой форме появляется при наличии сомнений в их законности. Иначе при отсутствии такой необходимости соответствующие отношения могут выступать как правовые лишь в теоретическом аспекте [16, с. 98-102].

Вопрос о понятии и значении правовых отношений как результате правового регулирования является ключевым для всех отраслей права, в силу того, что право является регулятором общественной жизни. Как отмечает Р.О. Халфина, правоотношение – одно из основных фундаментальных понятий правовой науки, будет той формой, в которой абстрактная норма права приобретает свое реальное бытие, воплощаясь в реальном общественном отношении [17, с. 6].

Наличие повода к возбуждению уголовного дела является необходимым юридическим фактом. Следовательно, деятельность уполномоченных лиц и компетентных органов по установлению основания к возбуждению уголовного дела уже подчиняется процессуальному порядку [18, с. 9]. В этой связи нам не вполне понятным видится мнение М.С. Строговича, полагающего, что в стадии возбуждения уголовного дела возникают процессуальные отношения, однако при этом автор отрицает процессуальный характер действий, имеющих место до возбуждения дела [19, с. 10].

Вопрос о том, что уголовно-процессуальное право является элементом системы процессуального права в целом, в науке сомнений не вызывает, однако есть некоторые дискуссионные вопросы, связанные с местом, ролью и его значением в этой системе.

При системном анализе права сравнительно большое внимание закономерно уделяется изучению связей между материальным и процессуальным правом, но проявляется недооценка сущности процессуального права как единого целого и определения взаимодействия его составных частей. И.Сабо полагает, что в результате этого «принципы и институты одной отрасли процесса вовсе не учитываются или учитываются недостаточно в другой отрасли» [20, с. 62–64]. Между тем все процессуальные формы, которые можно объединить в процессуальное право, сходны между собой по ряду существенных признаков, например, по принципам деятельности, задачам процессуального производства, гарантиям обеспечения прав и обязанностей ее участников и т.д.

Если рассматривать уголовно-процессуальное право, как и любую другую отрасль процессуального права, в качестве надстройки над соответствующей отраслью материального права, а всю совокупность процессуальных норм делить «по вертикали», то, прежде всего, уголовно-процессуальное право соотносится с гражданско-процессуальным и административно-процессуальным правом [21, с. 91]. На страницах научной литературы неоднократно подчеркивалось, что при весьма существенных отличительных свойствах между материальными уголовными, гражданскими или административными отношениями, правоприменительный процесс в этих сферах общественных отношений обладает рядом достаточно схожих признаков. В особенности это относится к таким процессам, как уголовный и гражданский. В этой связи примечательна позиция Н.Н. Розина, который предложил называть единство процессуальных отношений по поводу различных материально-правовых явлений «процессуальным мономорфизмом» [13, с. 4]. Как отмечает указанный автор, совокупность условий, при отсутствии которых не может возникнуть и развиваться процесс, «об-

ладает по общему правилу полной самостоятельностью и независимостью от материально-правового субстрата или от особенностей материально-правового субстрата или от особенностей материально-правового отношения, о котором идет судебный спор» [13, с. 4]. Полагаем, что это достаточно радикальный взгляд на ситуацию, однако разработанная в свое время Н.Н. Розиным идея судебного права нашла своих последователей и в дальнейшие годы [4, с. 73,74].

Имеются в науке и иные позиции по данному вопросу. Например, М.С. Строгович в своих трудах обосновывал мнение о необходимости широкого подхода к судебному праву. Соответственно, по мнению указанного автора, туда необходимо включать не только судоустройство, но и уголовный процесс, гражданский процесс и в определенных законом рамках административный процесс [22, с. 64]. При этом автор критиковал излишнее расширение юридического процесса как установленной законом формы совершения тех или иных действий [22, с. 87]. В свою очередь В.М. Горшенев определял юридический процесс «как комплексную систему органически связанных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении юридического дела иных субъектов права», которая обладает уникальными признаками, например, регулируется процедурно-процессуальными нормами; осуществляется должностными лицами и уполномоченными органами государства; выражается в совершении операций с нормами права в связи с разрешением определенных юридических дел и др. [6, с. 45]

На основании приведенных выше мнений о сущности и содержании юридического процесса предполагается объединение в единое процессуальное право всех процессуальных норм. Но с этим не согласен А.А. Мельников, который отрицает возможность объединения в единую процессуальную отрасль «процессуальных норм, содержащихся в различных отраслях материального права» [23, с. 29]. С точки зрения указанного автора «предметы регулирования судоустройственного, гражданско-процессуального и уголовно-процессуального права составляют органическое единство, образуя общий предмет для комплексного правового регулирования единой отраслью права, каковой является судебное право» [24, с. 34]. При этом в качестве общего в содержании методов правового регулирования гражданского процессуального и уголовно-процессуального права А.А. Мельников отмечает, в числе прочего: особые процессуальные способы и средства всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, установления истины; государственно-властное начало, обуславливающее активную роль суда, в единстве с диспозитивностью и другими субъективными правами участников процесса; наличие процессуальных юридических фактов – действий суда и других участников процесса и др. [24, с. 25]

При указанном выше подходе понятие процессуального права вообще утрачивает смысл, уступая место судебному праву, весь правоприменительный процесс отождествляется с правосудием [25, с. 41]. Однако указанные А.А. Мельниковым общие черты в содержании методов гражданско-

процессуального и уголовно-процессуального регулирования свойственны всему правоприменительному процессу в целом, вне зависимости от участия в нем суда и, с другой стороны, судебная деятельность в каждом из отдельных видов правоприменительного процесса характеризуется внутренним единством целей, задач и методов.

П.А. Лупинская имеет несколько иную точку зрения. Рассуждая о возможности и целесообразности создания «судебного права» как самостоятельной отрасли законодательства автор приходит к выводу о том, что «оно (судебное право) представляет собой не отрасль законодательства, а подразделение в научной системе отраслей права, так как не учитывает существенных различий форм уголовного и гражданского процессов и применительно к уголовному процессу способно охватить лишь его судебную часть, а не всю систему его стадий» [26, с. 76, 77]. Мы считаем, что эти доводы направлены против слишком широкой конструкции судебного права и не служат возражением против конструирования судебного права в структуре процессуального права.

Рассматривая уголовный процесс как особый вид государственной деятельности, направленный на борьбу с преступностью и тем самым на реализацию уголовного права, следует включать в его содержание деятельность управомоченных органов государственного управления по предупреждению, пресечению, обнаружению и раскрытию преступлений, осуществление правосудия по уголовным делам, прокурорский надзор в сфере осуществления борьбы с преступностью. Следовательно, наука уголовного процесса в широком смысле слова должна иметь своим предметом не только уголовно-процессуальное право, но и оперативно-розыскную деятельность органов дознания, а также криминалистическую деятельность, связанную с обнаружением, собиранием, исследованием и использованием доказательств, и судебно-экспертную деятельность, связанную с исследованием вещественных доказательств по уголовным делам. Только такой комплексный подход и понимание взаимосвязанных вопросов является условием их правильного решения. Поэтому терминологические аспекты всех отмеченных наук должны исследоваться в комплексе, образуя единое терминологическое поле.

Таким образом, на наш взгляд, *уголовный процесс как особый вид государственной деятельности*, направленной на реализацию уголовной ответственности, не может трактоваться ограниченно в качестве результата уголовно-процессуального регулирования, а складывается под воздействием материального уголовного права, определяющего содержание уголовно-процессуальной деятельности, уголовно-процессуального права, определяющего формы этой деятельности, а также криминалистики, оперативно-розыскной и судебно-экспертной деятельности, науки управления и других наук, вырабатывающих методы этой деятельности.

Список литературы

1. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М.: ЛексЭст, 2002. 305 с.
2. Панарина Д.В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы: дисс. ... канд. юрид. наук. Тула, 2018.
3. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 263 с.
4. Явич Л.С. Право развитого социалистического общества. М.: Юрид. лит., 1978. 224 с.
5. Иванов О.В. О связи материального и гражданского процессуального права // Правоведение. 1975. №1. С. 48 – 53.
6. Горшенев В.М. О природе процессуального права // Правоведение. 1974. №2. С. 45–52.
7. Джалилов Р.Д. Системные аспекты проблемы соотношения материального и процессуального права // Вопросы развития и защиты прав граждан: межвуз. тематич. сборник. Калинин, 1977. С. 30–39.
8. Джалилов Р.Д. О структурном анализе процессуального права // Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии. Душанбе: Изд-во Тадж. ун-та, 1971. Сб. 3– 4. С. 281–294.
9. Боброва Н.А. Системность государственно-правовых норм как гарантия их функционирования // Просвещение. 1980. № 6. С. 28–34.
10. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т.1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
11. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. 288 с.
12. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Спб., 1913. 684 с.
13. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пг., 1916. 603 с.
14. Фойницкий К.Д. Курс уголовного судопроизводства. М., 1910, Т. 2. 560 с.
15. А.М. Право и объективные социальные нормы. Труды ВНИИСЗ, 1974. Вып. 1. С. 19–34.
16. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юрид. лит., 1980. 176 с.
17. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 300 с.
18. Стремовский В.А. Участники предварительного следствия. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1966. 260 с.
19. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М.: Наука, 1984. 143 с.
20. Сабо И. Основы теории права. М.: Прогресс, 1974. 270 с.

21. Баев О.Я. Цели уголовного судопроизводства и процессуальная функция следователя // Актуальные проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка: межвуз. сборник. Куйбышев, 1982. С. 91–99.

22. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. Т.1. М.: Наука, 1968. 469 с.

23. Мельников А.А. Правосудие в СССР: сущность, социальные функции, законодательное регулирование // Советское государство и право. 1981. №11. С. 29–36.

24. Алиев В.Д., Мельников А.А. Соотношение гражданского процессуального права с отраслями материального права // Вопросы развития и защиты прав граждан: межвуз. тематич. сборник. Калинин, 1977. С. 22 – 30.

25. Галкин Б.А. Единство Основ уголовного судопроизводства и основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М.: Госюриздат, 1959. С. 94–121.

26. Lupinskaya P.A. Rec. na kn.: Konstitucionnyye osnovy pravosudiya v SSSR // Sotsialisticheskaya zakonnost'. 1982. №9. С.76 –77.

Tolstukhina Tatyana Viktorovna, d-r jurid. nauk, doc., prof. kafedry, Tat_tolstuhina@mail.ru, Rossiya, Tula, Tulyeskiy gosudarstvennyy universitet,

Svetlichnyy Aleksandr Alekseevich, kand. jurid. nauk, docent, zav. kafedroy, alexandrsvetl@rambler.ru, Rossiya, Tula, Tulyeskiy gosudarstvennyy universitet

SOME PROBLEMS OF CORRELATION OF TERMINOLOGY OF CRIMINAL PROCEDURE LAW IN THE SYSTEM OF SCIENCES ON COUNTERING CRIMES

T.V. Tolstukhina, A.A. Svetlichny

The author's opinion is substantiated that the scientific problems of the language of science, in particular, criminal procedure law, affect the issues of the essence and meaning of science as a whole. The problems of the correlation of the terms «criminal procedure law» and «criminal procedure» are considered, the content of the terms «substantive law» and «procedural law» is analyzed in a retrospective aspect, on the basis of which the place and role of modern criminal procedure law is determined not only in the system of procedural law, but also in the sciences of countering crimes, which are in a single terminological field.

Key words: language of science, terminology, criminal procedure, criminal procedure law, terminological apparatus, criminalistics, terminological field.

Tolstukhina Tatyana Viktorovna, Doctor of Law Sci., Ass.. Prof., Professor of the Department, Tat_tolstuhina@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Svetlichny Alexander Alekseevich, Cand. of Legal Sci., Ass. Prof., Head of the Department, alexandrsvetl@rambler.ru, Russia, Tula, Tula State University

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ С УЧЕТОМ ОПЫТА НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

О.П. Александрова, Л.Ю. Буданова

Рассматриваются вопросы современного правового регулирования использования возможностей систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве России и некоторых зарубежных стран и возможных перспектив их применения на стадии предварительного расследования, сформулированы предложения о дополнении отечественного уголовно-процессуального законодательства нормами, регламентирующими сферу применения видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовный процесс, видео-конференц-связь, стадия предварительного расследования, допрос.

Бурное развитие информационных технологий на современном этапе не могло не отразиться и на общественных отношениях в сфере права. Использование современных технических средств затронуло большинство государственных сфер, что повлекло создание дистанционных средств связи, электронного оборота документов, возможность подачи в суд документов через официальные интернет-порталы, в уголовном судопроизводстве используется видео-конференц-связь, и сферы ее применения постоянно расширяются, что особенно актуально во время мировой пандемии.

Первоначально применение видео-конференц-связи осуществлялось при пересмотре судом решений, вступивших в законную силу в кассационной и надзорной инстанциях, однако ее использование доказало свою эффективность, в связи с чем область ее применения постоянно расширяется, а Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) дополняется соответствующими изменениями.

Так, в 2009 г. ст. 35 УПК РФ была дополнена частью 6, предусматривающей возможность участия обвиняемого в судебном заседании по разрешению вопроса об изменении территориальной подсудности уголовного дела путем с применением системы видео-конференц-связи.

В связи с указанными изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве Конституционный Суд РФ вынес решение, в котором установил возможность рассмотрения судом жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, основанием которой послужили допущенные в ходе предварительного расследования нарушения конституционных прав и свобод с участием заявителя как лично, так и посредством видео-конференц-связи [1].

В 2011 г. ст. 240 УПК РФ была дополнена частью 4, установившей возможность суда осуществлять допрос как свидетеля, так и потерпевшего путем использования систем видео-конференц-связи в ходе судебного разбиратель-

ства, а часть 2 ст. 399 указанного кодекса была дополнена положением, предусматривающим возможность участия осужденного в заседании по рассмотрению и разрешению судом вопросов, связанных с исполнением приговора, путем использования систем видео-конференц-связи [2]. Кроме того УПК РФ был дополнен статьей 278.1, содержащей особенности допроса свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи.

В 2014 г. ст. 241 УПК РФ была дополнена частью 6.1, разрешающей суду в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел об отдельных преступлениях принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видео-конференц-связи, а часть 1 ст. 293 была дополнена положением о том, что председательствующий предоставляет подсудимому последнее слово, в том числе с применением систем видео-конференц-связи [3].

Также возможность участия осужденного с применением систем видео-конференц-связи предусмотрена и при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции (ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ) и при рассмотрении уголовного дела по кассационной жалобе (ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ) после их кардинального реформирования в 2010 г. [4].

На основании официальных статистических сведений в 2020 г. судами первой инстанции видеоконференц-связь применялась при рассмотрении 15806 (АППГ – 7321) уголовных дел, 9636 (АППГ – 688), в сравнении с периодом 2015 г. указанные показатели были 3,5 раза ниже [5].

В сравнении со стадиями судебного разбирательства применение видео-конференц-связи при производстве предварительного расследования встречается лишь в единичных случаях. Однако в практической деятельности на стадии предварительного расследования нередко встречаются ситуации, требующие участия лиц (например, свидетеля, потерпевшего), находящихся на значительном расстоянии от места досудебного производства. Иногда эти лица не имеют финансовой возможности для осуществления поездки, что сказывается на сроках и полноте предварительного расследования. В случае подобного участия лиц в следственных действиях на досудебном производстве с помощью систем видео-конференц-связи возникают проблемы составления протокола следственного или процессуального действия, а также его подписания. Тем не менее, представляется целесообразным предусмотреть процедуру удостоверения личности и заверения правильности составления протокола присутствующими незаинтересованными лицами.

В 2018 г. член Совета Федерации Федерального Собрания РФ А.В. Кутепов внес предложение о дополнении ст. 189 УПК РФ и закреплении возможности допроса свидетеля следователем посредством использования систем видео-конференц-связи при невозможности его личного участия в производстве по уголовному делу при условии соблюдения требований статей 166, 167, 189, 190 УПК РФ [6]. Законопроект получил положительную оценку в профильном комитете Государственной думы РФ, но был отозван инициатором. Представляет-

ся, что принятие указанных выше предложений, могло бы продолжить дальнейшую трансформацию уголовно-процессуального законодательства в части расширения сферы использования видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования. Несмотря на то, что следователь обладает полномочием направлять поручения органу дознания о производстве отдельных следственных действий, в том числе и допроса, его производство другим лицом, не расследующим уголовное дело и не знающим досконально всех его обстоятельств, вряд ли будет достаточно качественным. Таким образом, представляется, что возможность допроса лица посредством видео-конференц-связи позволит сократить срок производства по уголовному делу и не отразится на качестве предварительного расследования.

Аргументом в пользу возможности производства допроса на стадии предварительного расследования с использованием возможностей видео-конференц-связи может быть опыт некоторых зарубежных стран.

Так, например, в Республике Казахстан предусмотрена возможность допроса потерпевшего или свидетеля с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос) на досудебном производстве (ст. 213 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (УПК РК)) [7].

Согласно статьям 91-1 – 91-4 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан (УПК РУ)) с применением видео-конференц-связи осуществляются такие следственные действия как допросы свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, опознание, а также очные ставки [8].

В соответствии со ст. 224.1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ) допускается проведение допроса свидетеля, потерпевшего, очной ставки или предъявления для опознания лиц и (или) объектов с участием потерпевшего или свидетеля дистанционно с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции) [9].

Уголовно-процессуальный кодекс Украины (УПК Украины) в ст. 232 регламентирует возможность дистанционного досудебного производства, при котором с использованием видео-конференц-связи может быть произведен допрос участников уголовного судопроизводства, опознание лиц или вещей, при этом круг этих участников законодательно установлен. Кроме того, возможность дистанционного досудебного производства предусмотрена из другого помещения без указания его удаленности [10].

Основаниями для производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи согласно УПК Украины являются: 1) невозможность прибытия участника процесса для производства следственного действия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам; 2) необходимость обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц; 3) несовершеннолетие потерпевшего или свидетеля; 4) необходимость обеспечения наиболее быстрого, всестороннего и объективного предварительного (досудебного) расследования, соблюдения его сроков; наличия причин, дающих

основания полагать, что проведение следственного действия будет затруднено или связано с излишними затратами [10].

Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство Казахстана, Узбекистана, Белоруссии и Украины закрепляет процедуры применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий, требования к качеству изображения и звука, порядок фиксации хода и результатов следственного действия в протоколе, обобщение которых позволяет выделить следующие основные моменты.

1. Решение о производстве следственного действия с использованием видео-конференц-связи принимается лицом, осуществляющим расследование, по собственной инициативе или ходатайству стороны или других участников уголовного процесса, о чем выносится соответствующее постановление.

2. Должностное лицо, осуществляющее расследование, направляет в орган расследования (правоохранительный орган) по месту нахождения участника следственного действия поручение об оказании содействия в проведении следственного действия с использованием видео-конференц-связи и соответствующее постановление.

3. Должностное лицо органа расследования (правоохранительного органа), уполномоченное на исполнение поручения об оказании содействия в проведении следственного действия с использованием видео-конференц-связи, обязано без промедления организовать его проведение, удостоверив личность участников следственного действия, разъяснить права, обязанности и ответственность участника (участников) следственного действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, и обеспечить возможность реализации указанных прав, а также во время всего производства следственного действия постоянно находиться в помещении с участниками.

4. В ходе производства следственного действия с использованием видео-конференц-связи его участники в прямой трансляции непосредственно воспринимают ход и результаты следственного действия. Участникам следственного действия должна быть обеспечена возможность задавать вопросы и получать ответы от других лиц, участвующих в следственном действии с использованием видео-конференц-связи, реализовывать процессуальные права и обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.

5. В случае применения в отношении участника следственного действия с использованием видео-конференц-связи мер по обеспечению безопасности следственное действие может быть произведено с соответствующими изменениями внешности и (или) голоса, обеспечивающими неузнаваемость защищаемого лица.

6. При производстве следственных действий с использованием видео-конференц-связи должно обеспечиваться надлежащее качество изображения и звука, а также информационную безопасность. Примечательно, что УПК РУ четко регламентированы требования к используемым при проведении следственных действий в режиме видео-конференц-связи техническим средствам и оборудованию, а именно: качество изображения – разрешение 1920×1080, 50

кадров в секунду; качество звука – частота диапазона 100 – 12 000 Гц; обеспечение информационной безопасности – с использованием защищенного канала связи VPN.

7. Ход и результаты следственного действия, проводимого с использованием видео-конференц-связи, записываются используемыми техническими средствами с его одновременной видеозаписью в режиме реального времени и фиксируются на соответствующих электронных носителях с составлением протокола должностным лицом органа расследования (правоохранительного органа), уполномоченным на исполнение поручения об оказании содействия в проведении следственного действия с использованием видео-конференц-связи, в котором указываются сведения о технических средствах, используемых при производстве следственного действия.

8. По окончании следственного действия должностное лицо органа расследования (правоохранительного органа), уполномоченное на исполнение поручения об оказании содействия в проведении следственного действия с использованием видео-конференц-связи, обязано полностью или частично воспроизвести участнику следственного действия видеозапись следственного действия, если он об этом ходатайствует, выяснить у участников следственного действия, имеются ли у них замечания или дополнения, подлежащие занесению в протокол. Дополнения и замечания, сделанные участниками следственного действия, либо удостоверение правильности видеозаписи заносятся в протокол должностным лицом, исполняющим поручение об оказании содействия.

9. Протокол подписывается должностным лицом органа расследования (правоохранительного органа), уполномоченным на исполнение поручения об оказании содействия в проведении следственного действия с использованием видео-конференц-связи, и участниками следственного действия. Электронный носитель информации следственного действия с применением видео-конференц-связи упаковывается и опечатывается должностным лицом, исполняющим поручение об оказании содействия. Протокол и электронный носитель информации следственного действия направляются должностному лицу, инициировавшему производство следственного действия с использованием видео-конференц-связи, для приобщения к материалам уголовного дела.

Проведенное исследование вопросов использования систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве, в том числе правоприменительной практики, и опыта некоторых зарубежных стран, позволило сформулировать следующие предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

В целях возможности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве, расширения перечня субъектов допроса представляется целесообразным дополнить УПК РФ статьей 189.1 «Особенности допроса путем использования систем видео-конференц-связи» в следующей редакции:

«1. Допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, эксперта, специалиста при необходимости может быть произведен путем использования систем видео-конференц-связи.

2. Допрос путем использования систем видео-конференц-связи производится в случаях: невозможности непосредственного прибытия лица, указанного в части первой настоящей статьи, к следователю, осуществляющему предварительное расследование, по состоянию здоровья или другим уважительным причинам; необходимости обеспечения безопасности лица, указанного в части первой настоящей статьи, его близких родственников, родственников или близких лиц; необходимости обеспечения соблюдения сроков предварительного расследования; наличия причин, дающих основания полагать, что допрос будет затруднен или связан с излишними затратами.

3. Допрос путем использования систем видео-конференц-связи производится по инициативе следователя или по ходатайству лица, указанного в части первой настоящей статьи, а также защитника, законного представителя подозреваемого или обвиняемого, представителя потерпевшего, если последние участвуют в производстве по уголовному делу.

4. Допрос путем использования систем видео-конференц-связи не допускается, если лицо, указанное в части первой настоящей статьи против этого возражает.

5. О производстве допроса путем использования систем видео-конференц-связи следователь выносит соответствующее постановление, которое вместе с поручением о содействии в производстве следственного действия – допроса путем использования систем видео-конференц-связи – направляется в орган дознания, расположенный на территории, где лицо, указанное в части первой настоящей статьи, находится или проживает.

6. Должностное лицо органа дознания, уполномоченное на исполнение поручения следователя о содействии в производстве следственного действия – допроса путем использования систем видео-конференц-связи –, обязано незамедлительно организовать его проведение, вызвать на допрос лицо, указанное в части первой настоящей статьи, по общим правилам, установленным статьей 188 настоящего Кодекса, и ознакомить его с постановлением о производстве допроса путем использования систем видео-конференц-связи под роспись.

7. Допрос лица, указанного в части первой настоящей статьи, проводится по общим правилам, установленным статьей 189 настоящего Кодекса.

8. Ход и результаты допроса путем использования систем видео-конференц-связи, а также сведения о примененных технических средствах отражаются в протоколе, составляемом должностным лицом органа дознания, уполномоченным на исполнение поручения следователя о содействии в производстве следственного действия – допроса путем использования систем видео-конференц-связи –, по общим правилам, установленным статьями 166 и 190 настоящего Кодекса, и после его подписания вместе с постановлением о производстве допроса путем использования систем видео-конференц-связи направляется следователю, направившему соответствующее поручение.

9. Использование систем видео-конференц-связи при допросе должно обеспечивать качество изображения и звука».

Изложенные выше предложения о внесении дополнений в УПК РФ, как представляется, могут содействовать расширению сферы применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве, процессуальной экономии финансовых и временных затрат на производство по уголовному делу, соблюдению сроков предварительного расследования, обеспечению безопасности участников уголовного процесса и оперативному обмену необходимой информацией в условиях реального времени.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 576-О-П «По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьёй 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 6.

2. Федеральный закон от 20.03.2011 № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 13. Ст. 1686.

3. Федеральный закон от 21.07.2014 № 251-ФЗ «О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4252.

4. Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей по первой инстанции за 2013, 2015, 2019, 2020 гг. // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

6. Законопроект № 434998-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о допросе свидетеля следователем посредством видеоконференц-связи)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7> (дата обращения: 20.09.2021).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4.07.2014 № 231-V. [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#sub_id=6740000 (дата обращения: 20.09.2021).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2013-XII. [Электронный ресурс].

URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 20.09.2021).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958&doc_id2=30414958#activate_doc=2&pos=79;-80&pos2=2375;-54 (дата обращения: 20.09.2021).

10. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178&doc_id2=31197178#pos=4;-98&pos2=2556;-102 (дата обращения: 20.09.2021).

*Александрова Ольга Павловна, канд. юрид. наук, доц., доцент кафедры, kaf.poos.pskgu@mail.ru, Россия, Псков, Псковский государственный университет,
Буданова Людмила Юрьевна, канд. юрид. наук, доц., доцент кафедры, milabudanovapskov@mail.ru, Россия, Псков, Псковский филиал Академии ФСИН России*

*USE OF THE CAPABILITIES OF VIDEO CONFERENCE COMMUNICATION
SYSTEMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE CURRENT STATE AND PROSPECTS OF
DEVELOPMENT, TAKING INTO ACCOUNT THE EXPERIENCE
OF SOME FOREIGN COUNTRIES*

O. P. Alexandrova, L. Yu. Budanova,

This article examines the issues of modern legal regulation of the use of the capabilities of videoconferencing systems in criminal proceedings in Russia and some foreign countries and the possible prospects for their application at the stage of preliminary investigation, proposals are formulated to supplement domestic criminal procedural legislation with provisions aimed at expanding the scope of application of videoconferencing capabilities communications at the stage of preliminary investigation.

Key words: criminal procedure, videoconferencing, preliminary investigation stage, interrogation.

Aleksandrova Olga Pavlovna, Cand. of Legal Sci., Ass. Prof., Ass. Prof. of the Department, kaf.poos.pskgu@mail.ru, Russia, Pskov, Pskov State University,

Budanova Lyudmila Yurievna, Cand. of Legal Sci., Ass. Prof., Ass. Prof. of the Department, milabudanovapskov@mail.ru, Russia, Pskov, Pskov branch of the Academy of the federal penitentiary service of Russia

О СООТНОШЕНИИ ПРИЗНАКОВ НЕЗАКОННОГО СБЫТА И КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИКОВ

А.Л. Аристархов

Рассматривается соотношение признаков преступлений, предусмотренных ст. 228¹ и 229¹ УК РФ, установление взаимосвязей данных преступлений. С учетом результатов правоприменительной практики автор приходит к выводу о наличии общих обстоятельств совершения данных преступлений, которые по сути охватываются положениями рассматриваемых статей. Вместе с тем специфика доказывания создает сложности при применении ст. 228¹ и 229¹ УК РФ и свидетельствует о необходимости совершенствования указанных положений закона.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд, прокурор, следователь, дознаватель, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, контрабанда наркотиков, незаконный сбыт наркотиков, совершение преступлений с использованием сети «Интернет».

Незаконный оборот наркотиков – очень сложный, многофакторный процесс, который включает в себя грамотную организацию каналов поставок запрещенных веществ через государственную границу России (либо их производство непосредственно в Российской Федерации), незаконное распространение их по территории нашей страны, организацию широких сетей сбыта, разработку сложных схем легализации доходов [1, с. 62-64].

К незаконному обороту наркотиков относится в том числе совершение преступлений, предусмотренных ст. 228¹ и ст. 229¹ УК РФ, связанных с незаконным сбытом и контрабандой наркотиков.

Следует отметить, что по своему содержанию положения ч. 1 ст. 229¹ УК РФ являются более подробными, поскольку под контрабандой наркотиков понимается их незаконное перемещение через Государственную границу Российской Федерации.

Согласно абз. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» (далее – Постановление № 12) под незаконным перемещением товаров или иных предметов через таможенную границу следует понимать их перемещение вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения, и т.д. [2]. С учетом п. 6 Постановления № 12 перемещение может осуществляться для того, чтобы затруднить обнаружение таких товаров (предметов) либо утаить их подлинные свойства или количество.

В части 1 ст. 228¹ УК РФ подробностей о незаконном сбыте наркотиков не содержится. Необходимо согласиться с позицией о том, что понятие незаконного сбыта наркотиков не имеет легального определения [3]. Наряду с этим

в п. «а», «б» ч. 1 ст. 228¹ УК РФ указаны следующие квалифицирующие признаки: «в следственном изоляторе», «исправительном учреждении» и т.д. [4].

Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – Постановление № 14) под незаконным сбытом наркотиков следует понимать незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию. При этом сама передача лицом реализуемых средств, веществ, растений приобретателю может быть осуществлена любыми способами [5].

Соотношение положений ст. 228¹ и ст. 229¹ УК РФ позволяет утверждать, что данные преступные деяния имеют признаки тождества. В свою очередь указанный тезис подтверждается правоприменительной практикой.

Так, П. (обвинение по ч. 3 ст. 229¹, ч. 2 ст. 228 УК РФ), действуя умышленно, без цели сбыта, для личного потребления, реализуя преступный умысел, используя системный блок компьютера, зарегистрировалась на иностранной торговой интернет-площадке и осуществила заказ из Королевства Нидерландов наркотика. Вступив в преступный сговор с неустановленным следствием лицом, по предварительному сговору, через банковскую карту произвела транзакцию электронной валюты биткоин на свою учетную запись. Находясь у себя, при помощи системного блока, используя учетную запись, осуществила перечисление указанной электронной валюты неустановленному следствием лицу за незаконно приобретаемое вещество. П. заключила с этим лицом соглашение о незаконном приобретении у него психотропного вещества, сообщив в качестве адресата получателя свои анкетные данные для отправки международного почтового отправления. В дальнейшем, неустановленное следствием лицо, находясь на территории Королевства Нидерландов, действуя группой лиц по предварительному сговору с П., умышленно, незаконно, отправило П. на указанные ею анкетные данные международное почтовое отправление с приобретенным П. наркотиком. В период времени <...> почтовое отправление пересекло таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, через ММО (место международного обмена) Москва, Казанский вокзал ПЖДП цех – Уо-ВСПО с местом дислокации в г. Москва. П., получив уведомление, о том, что почтовое отправление поступило в почтовое отделение, действуя умышленно, без цели последующего сбыта, для личного употребления, незаконно приобрела указанное вещество и стала незаконно хранить его при себе без цели сбыта. Незаконно храня незаконно приобретенное вещество, П. была задержана сотрудниками правоохранительных органов [6].

В другом случае В. (обвинение по ч. 2 ст. 228 УК РФ, п. «а», «б» ч.3 ст. 228¹ УК РФ), действуя умышленно, без цели последующего сбыта, для личного употребления незаконно приобрел у неустановленного лица в сети «Интернет» наркотик. Он же, используя сеть «Интернет», вступил в преступный сговор с неустановленным следствием лицом на незаконный сбыт наркотиков на территории Российской Федерации. В соответствии с разработанным планом, не-

установленное лицо, согласованно и по предварительному сговору с В., выполняя отведенную ему роль, незаконно приобрело у неустановленного поставщика, наркотик, который, действуя умышленно, по предварительному сговору с В., согласно ранее распределенным ролям, с целью конспирации и сокрытия своих преступных действий от правоохранительных органов поместило в тайник в неустановленном месте, о чем сообщило В. [7].

Есть примеры, из которых следует, что после незаконного приобретения наркотиков лицо в дальнейшем не сбывало наркотики.

Так, К. (обвинение по ч. 1 ст. 228 УК РФ) посредством сотового телефона «Самсунг», имеющего доступ в сеть «Интернет», через тор-браузер зарегистрировался на торговой интернет-площадке под псевдонимом в интернет-магазине, и заказал наркотик, оплатив его стоимость криптовалютой биткоин на неустановленный номер биткоин-кошелек. Получив сведения о поступлении почтового отправления с заказанным им наркотическим средством, К. забрал из отделения почтовой связи УФПС России по Камчатскому краю – филиала ФГУП «Почта России» наркотик, тем самым, незаконно приобрел его без цели сбыта, незаконно хранил при себе без цели сбыта с момента незаконного приобретения до момента пресечения его преступной деятельности сотрудниками правоохранительного органа [8].

Прежде всего, о связи между рассматриваемыми преступлениями свидетельствует абз. 2 п. 17 Постановления № 14, в котором незаконную пересылку наркотиков путем международного почтового отправления разъясняется квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 228¹ и ст. 229¹ УК РФ. В пункте 12 Постановления № 12 также указано, что если лицо наряду с незаконным перемещением через таможенную границу либо через государственную границу предметов, также перечисленных в ст. 229¹ УК РФ, совершает умышленное противоправное деяние, связанное с незаконным оборотом этих предметов, в том числе их перевозку, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных 229¹ УК РФ, и соответствующими статьями УК РФ, в частности, ст. 228¹ УК РФ.

Помимо этого в случаях незаконного сбыта и контрабанды наркотиков имеет место договоренность о сбыте наркотиков, подразумевающая необходимость перемещения наркотиков. При этом не исключается, что лицо, оплатившее доставку наркотика, также может заниматься противоправной деятельностью.

В то же время при доказывании обстоятельств контрабанды наркотиков имеется специфика. Отмечается, что в значительном числе случаев содеянное квалифицируется органами предварительного расследования по совокупности преступлений – ст. 229¹ и ст. 228¹ УК РФ [9]. Так, А. обвинялся в получении на территории иностранного государства наркотика, который был перемещен в аэропорт города Москвы. При этом факт пересечения Государственной границы Российской Федерации был доказан. В судебном разбирательстве А. изменил свои показания. В итоге осужден судом по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК

РФ и оправдан по ч. 3 ст. 229¹ УК РФ на основании на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ за непричастностью к совершению преступления [9, с. 54 – 55].

Способы перемещения наркотиков при незаконном сбыте и контрабанде наркотиков разнятся. В силу особенностей совершения преступлений более разнообразным является незаконный сбыт наркотиков.

Так, в п. 13.1 Постановлении № 14 предусмотрено выполнение лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств, веществ, растений независимо от их фактического получения приобретателем. С учетом п. 13.2 Постановления № 14 при незаконном сбыте осуществляются незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка этих средств, веществ, растений. Тем самым незаконная перевозка наркотиков также рассматривается в качестве элемента незаконного сбыта наркотиков.

Принимая во внимание п. 17 Постановления № 14, перемещение наркотиков, в том числе в почтовых отправлениях, посылках, багаже с использованием средств почтовой связи, воздушного или другого вида транспорта, а также с нарочным являются способами незаконной пересылки наркотиков. Во взаимосвязи положений абз. 1 и 2 п. 5 и п. 6 Постановления № 12 перемещение товаров или иных предметов посредством транспортных средств, рассматривается в качестве способа контрабанды наркотиков.

Соответственно общим для рассматриваемых случаев является то, что незаконное перемещение входит в число способов незаконного сбыта и контрабанды наркотиков и может выражаться в различных вариантах, в том числе связанных с незаконной пересылкой наркотиков, сопровождаемой их хранением и перевозкой любым транспортом.

По смысловому содержанию положения ст. 228¹ УК РФ включают положения ст. 229¹ УК РФ. Наряду с этим при применении ст. 229¹ УК РФ усматривается специфика, которая заключается в незаконном перемещении через Государственную границу Российской Федерации наркотиков. Наглядно это подтверждается в абз. 1 п. 9 Постановления № 12, согласно которому контрабанда окончена с момента фактического пересечения товарами или иными предметами таможенной границы.

Однако специфика преступления, предусмотренного ст. 229¹ УК РФ, прямо не учитывает общественной опасности доставки (сбыта) наркотика потребителю, за что предусмотрена ответственность в ч. 1 ст. 228¹ УК РФ. Соответственно указанные ранее положения абз. 2 п. 17 Постановления № 14 и п. 12 Постановления № 12, допускающие совместное применение ст. 228¹ и 229¹ УК РФ, разрешают такую ситуацию. В данном случае следует привести точку зрения о том, что «закрепление понятий в норме уголовного права происходит с помощью слов или словосочетаний (терминов). Облекаясь в словесную форму, содержание понятия становится значением слова. Но они не тождественны» [10, с. 147 – 155]. Наряду с этим важны аргументы о том, что при внесении в декларацию ложных сведений такие действия следует квалифицировать как приготовление к контрабанде, а при предъявлении таможенной декларации органу, правомочному их регистрировать, – как покушение на контрабанду [11, с.

4 – 10]. Тем самым, возможность для совершенствования правоприменительной практики при применении ст. 228¹ и 229¹ УК РФ имеется.

Во взаимосвязи повышения эффективности выявления и пресечения контрабанды наркотиков, совершаемой посредством почтовых отправлений и непосредственного пресечения Государственной границы Российской Федерации, могло бы способствовать уточнение ст. 228¹ УК РФ положениями о незаконном сбыте наркотиков, сопряженном с контрабандой. Такие изменения необходимо внести в п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ, дополнив его после слов «Интернет», словами «, а равно сопряженный с контрабандой».

Примеры способов незаконного сбыта наркотиков разнообразны.

Так, М. (обвинение по ч. 2 ст. 210, ч. 3 ст. 30, п. «а», «г» ч. 4 ст. 228¹, ч. 1 ст. 174¹ УК РФ), являясь членом преступного сообщества (преступной организации), выполняя возложенные на него обязанности по незаконному обороту наркотических средств, забрал из оборудованного для него тайника-закладки расфасованную оптовую партию наркотика. Затем, он, действуя умышленно, выполняя указания неустановленных следствием лиц, использующих никнеймы, часть наркотика разместил в оборудованные им тайники-закладки для последующего незаконного сбыта потребителям наркотических средств, о чем путем интернет-переписки, сообщил неустановленным следствием лицам. Оставшуюся часть наркотика продолжил хранить при себе с целью дальнейшего незаконного сбыта [12].

В другом случае С. (обвинение по ч. 3 ст. 30, п. «г», ч. 4 ст. 228¹ УК РФ) вступил с неустановленными лицами, организовавшими и руководившими преступной деятельностью, связанной с незаконным оборотом <...>, в предварительный преступный сговор, направленный на незаконный сбыт <...> путем оборудования <...>. С. была отведена следующая роль в преступной схеме: получение и непосредственный сбыт <...><...>, предоставление отчетов и координат с адресами другим соучастникам данной преступной группы для последующего распространения. За выполнение этих действий С. полагалось денежное вознаграждение. Действуя во исполнение общего замысла, неустановленные лица с целью последующего сбыта третьим лицам приобрели <...>. После чего неустановленные соучастники организовали их передачу С. путем проведения тайника-закладки, расположенного на территории лесного массива <адрес>, в расфасованных для <...><...><...> с целью дальнейшего незаконного распространения потенциальным приобретателям путем <...>. Получив вышеуказанные наркотические средства, С., действуя во исполнение единого с неустановленными лицами преступного умысла, направленного на незаконный сбыт <...>, согласно отведенной ему преступной роли при совершении преступления, на автомобиле марки <...> проследовал в <адрес> с целью дальнейшего сбыта вышеуказанных <...>, спрятав их под пластиковой панелью со стороны водительского сиденья и на коврик возле переднего пассажирского сиденья в салоне вышеуказанного автомобиля. Однако С. и неустановленные лица не смогли довести преступный умысел до конца по не зависящим от них обстоятельствам, так как С., находясь

в вышеуказанном автомобиле, был задержан сотрудниками правоохранительных органов [13].

Соответственно используемые в ч. 1 ст. 228 УК РФ понятия «хранение», «перевозка», а в ч. 1 ст. 228¹ УК РФ – понятие «пересылка» взаимосвязаны с понятием «незаконный сбыт», указанным в ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, и понятием «контрабанда», предусмотренным ч. 1 ст. 229¹ УК РФ. Учитывая изложенное, представляется, что понятия хранение, перевозка должны быть указаны, прежде всего, в ст. 228¹ УК РФ, поскольку в ч. 1 ст. 228 УК РФ речь идет о совершении указанных действий без цели сбыта.

Соответственно ч. 1 ст. 228¹ УК РФ необходимо изложить следующим образом: «Незаконные производство, сбыт (в том числе, сопряженный с хранением, перевозкой) или пересылка, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт (в том числе, сопряженный с хранением, перевозкой) или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества».

С учетом ранее приведенных примеров ст. 228¹ и 229¹ УК РФ также следует дополнить новым квалифицирующим признаком «совершение деяния группой лиц», подобно тому, как это сделано, например, в п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ.

Список литературы

1. Белокобыльская О.И., Катков С.В. О проблемах выявления и раскрытия сбыта наркотических средств, совершенного бесконтактным способом // Российский следователь. 2019. № 6. С. 62 – 64.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6.

3. Квалификация преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: пособие [Т.А. Боголюбова и др.]. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. 154 с.

4. В данном случае автор не рассматривает другие признаки незаконного сбыта группой лиц по предварительному сговору, в значительном размере и т.д.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

6. Уголовное дело № 1-620/2017. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 20.07.2017. URL: <https://clck.ru/TTRWb> (дата обращения: 26.02.2021).

7. Уголовное дело №1-144/2017. Приговор Тюменского районного суда г. Тюмени от 15.06.2017 URL: <https://clck.ru/TTSyf> (дата обращения: 26.02.2021).

8. Уголовное дело № 1-107/2018. URL: <https://clck.ru/QgJRL> (дата обращения: 26.02.2021).

9. Диканова Т.А., Александрова Л.И., Изгагина Т.Ю. О результатах обобщения материалов уголовных дел о контрабанде / Противодействие преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в современных условиях: сб. материалов круглого стола (г. Москва, 18 апреля 2017 г.) / отв. Р.В. Жубрин; [ред. коллегия: А.Ю. Винокуров, О.А. Евланова]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2017. 152 с.

10. Плохова В.И. Толкование признаков контрабанды // *Lex russica*. 2016. № 5. С. 147 – 155.

11. Азаренкова Е. Момент окончания контрабанды // *Уголовное право*. 2018. № 4. С. 4 – 10.

12. Уголовное дело № 1-100/2017. Приговор Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 05.06.2017. URL: <https://clck.ru/TTWGe> (дата обращения: 27.02.2021).

13. Уголовное дело № 1- 192/2019. Приговор Люберецкого городского суда Московской области от 27.03.2019. URL: <https://clck.ru/NDRo5> (дата обращения: 19.10.2021).

Аристархов Алексей Леонидович, канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник, alaris700@mail.ru, Россия, Москва, Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации

ON THE CORRELATION OF SIGNS OF ILLEGAL SALE AND DRUG SMUGGLING

A.L. Aristarkhov

The article is devoted to the correlation of the signs of crimes provided for in Articles 228¹ and 229¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, the establishment of interrelations of these crimes. Taking into account the results of law enforcement practice, the author comes to the conclusion that there are general circumstances of the commission of these crimes, which are essentially covered by the provisions of the articles under consideration. At the same time, the specifics of the evidence creates difficulties in the application of Articles 228¹ and 229¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and indicates the need to improve these provisions of the law.

Key words: criminal proceedings, court, prosecutor, investigator, inquirer, initiation of a criminal case, preliminary investigation, drug smuggling, illegal sale of drugs, commission of crimes using the Internet.

Aristarkhov Alexey Leonidovich, Cand. of Legal Sci., Leading Researcher, alaris700@mail.ru, Russia, Moscow, Research Institute of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation.

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА НА АЛГОРИТМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ

С. И. Иванов, А.В. Черкашин

Рассмотрен ключевой элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с сексуальным насилием в отношении малолетних, а именно личность преступника. Авторами в достаточной мере аргументирована позиция относительно взаимосвязи личности преступника с выбором направлений организации противодействия данным преступлениям.

Ключевые слова: личность преступника, способы совершения преступления, серийные преступления, подразделения уголовного розыска, системное противодействие.

Положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» подразделениям уголовного розыска определен ряд задач, среди которых в числе приоритетных целесообразно выделить задачи обеспечения безопасности личности посредством выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших [1]. В общем числе лиц, в отношении которых совершаются различные группы преступлений, необходимо выделить особую категорию потерпевших – малолетние, которые в силу специфики возрастного и интеллектуального развития, отношения к происходящему зачастую не в состоянии правильно понять происходящее с ними, оказать физическое сопротивление и тем более дать этому правовую оценку. Соответственно, данную категорию лиц будет справедливо отнести к особо уязвимой группе и вполне логично, что методы противодействия преступлениям данной категории должны отличаться повышенной оперативностью и эффективностью.

В научной среде различным проблемам противодействия насильственным преступлениям сексуального характера посвящено достаточно большое количество работ. В их числе, отдельные аспекты проблем выявления, предупреждения и раскрытия насильственных преступлений сексуального характера в целом рассматривали В. А. Ковтун, Д. Е. Васильченко, В. А. Брусенцева, А. М. Мартиросьян, Н. В. Соловьева, Е. И. Цымбал, Т. Г. Шувалова, М. М. Милованова, О.Н. Гусева и некоторые другие. Указанными авторами внесен значительный вклад в совершенствование методов борьбы с исследуемой категорией преступлений. Вместе с тем, некоторые проблемы осуществления оперативно-розыскной деятельности, направленной на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении малолетних, в специальной и юридической литературе остались без должного внимания. В частности, недостаточно исследованы проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет в целях выявления и документирования противоправных действий лиц, склонных к

совершению преступлений сексуального характера в отношении малолетних. Требуют своего решения проблемы оперативно-розыскного предупреждения насильственной преступности сексуального характера в отношении малолетних. Таким образом, можно констатировать наличие некоей нерешенности определенного круга задач, позволяющих своевременно выявлять лиц, подготавливающих насильственные преступления сексуального характера в отношении малолетних, предупреждать и пресекать их до наступления необратимых последствий, эффективно раскрывать уже совершенные преступления с целью установления всех эпизодов преступной деятельности и привлечения виновных к уголовной ответственности.

В рамках данной статьи невозможно охватить вниманием весь перечень проблемных вопросов, характерных для данной сферы деятельности, соответственно, целесообразно остановиться на одном из основных. По нашему мнению, значительную роль в организации противодействия играет личность преступника. Личности преступника уделяется много внимания во всех науках, связанных с противодействием преступности. Как отмечает Ю.В. Чуфаровский «это многогранное понятие с ярко выраженным междисциплинарным характером» [2]. Совершенно не случайно личность преступника является составным элементом оперативно-розыскной характеристики подавляющего большинства преступлений, так как несет в себе значительный объем информации, способствующей выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений.

Анализируя содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений, В. Д. Ларичев пришел к выводу, что в ее структуре должен найти отражение ряд критериев: оперативно-розыскная характеристика должна отражать основные направления документирования преступной деятельности проверяемых и разрабатываемых лиц; оперативно-розыскная характеристика должна отражать специфику использования преимущественно негласных методов работы [3]. Мы солидарны с мнением В.Д. Ларичева, что направления документирования напрямую связаны с особенностями преступной деятельности лиц.

В массиве преступлений, связанных с сексуальным насилием в отношении малолетних, личность преступника занимает ключевое место, в связи с тем, что от физических и психических возможностей преступника, его интеллектуальной развитости зависит процесс планирования и совершения преступления. Особенности личности преступника являются важным источником информации о преступлениях изучаемой категории, необходимым для выдвижения розыскных версий и последующего раскрытия преступления. Исходя из данных о личности, определяется и способ совершения преступления, характеризующий уровень интеллектуального, физического развития преступника, его увлечений, интересов.

В теории оперативно-розыскной деятельности, изучая личность преступников, совершающих разные виды преступлений, ученые стремятся выявить и познать закономерности того или иного вида преступной деятельности. А эти закономерности как раз проявляются в связи со способом совершения преступления, личностью преступника [4]. Соответственно, алгоритм противодействия

данному виду преступлений должен строиться с учетом личностных особенностей лиц, причастных к их совершению. Целью данной статьи является изучение корреляционной связи планируемых оперативно-розыскных мероприятий, в ходе организации противодействия, с личностными качествами преступников. Рассматривая данную сферу деятельности уместно определиться с понятием личности преступника. Личность преступника можно определить как личность человека виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой уголовной ответственности [5].

В ходе изучения проблем, связанных с организацией противодействия данным преступлениям, нами было проведено анкетирование сотрудников подразделений уголовного розыска. Его ценность, прежде всего в том, что высококвалифицированные специалисты, высказывая суждения о прогнозируемом явлении или событии, опирались не только на официальные документы, но и на свой опыт и интуицию [6].

В процессе анкетирования 90 % сотрудников уголовного розыска ответили положительно на вопрос о значении особенностей личности преступников при построении алгоритма противодействия преступлениям изучаемой категории и только 10 % дали отрицательный ответ или затруднились ответить. При изучении стажа службы данной категории сотрудников было установлено, что они служили в подразделениях уголовного розыска от 6 месяцев до 2,5 лет. Из приведенного выше следует, что правоприменители личностным особенностям преступников придают немаловажное значение для успешной борьбы с преступлениями данной категории.

По мнению 91 % опрошенных нами сотрудников уголовного розыска, для данной категории преступников характерны некие психические особенности (отклонения), которые являются определяющими в выборе способа совершения преступления, в том числе с использованием шантажа, зависимого положения (в силу малолетнего возраста), объекта сексуального предпочтения, обстановки совершения преступления. Для данных преступлений характерным признаком является совершение их преступниками-одиночками и, соответственно, сложность раскрытия. Последняя обусловлена прежде всего информационным дефицитом, так как лица, причастные к совершению подобных преступлений, не стремятся об этом рассказывать.

Анализ уголовных дел о преступлениях указанных видов и результаты ранее проведенных исследований [7, 8, 9, 12] сексуальных преступников позволяет сделать вывод, что с позиции социальных и личностных характеристик диапазон преступников достаточно широк, тем не менее, опираясь на основные элементы их особенностей, можно выделить следующие типы личности:

1) «охотник»: для данного вида преступников характерны эпизодичность совершения, внезапность нападения, решительность действий, как правило, вне территории его проживания, но обязательно на местности;

2) «психопат»: для данного вида преступников характерна серийность девиантных поступков, определяющих модель его поведения, преимущественно ненасильственная форма вступления в контакт с жертвой;

3) «виртуал» – специализируются на поиске потерпевших с помощью социальных сетей, сайтов знакомств, на форумах и др., то есть с использованием возможностей сети Интернет. Преступники данной группы манипулируют доверием, могут спровоцировать на совершение непристойных действий [10].

Представленная типология, преступников указывает на мотивацию криминального поведения, его механизм и социально-психологическую характеристику. Знание типа личности преступника, указывает сотрудникам уголовного розыска на круг возможных потенциальных потерпевших, а также на обстановку и способ совершения преступления. Приведенная нами классификация не исключает того обстоятельства, что все три вида могут совершать преступления как запланированно, так и ситуативно.

В первом случае преступления, как правило, совершают на удалении от места своего проживания, преступники образованы, имеют семью, детей, трудоустроены, часто из нормальных, социальных семей.

Во втором случае характерны факты нападения вблизи от своего места жительства, малообразованны, интеллектуально неразвиты, в подавляющем большинстве случаев безработные, систематически употребляющие спиртные напитки, сексуально неполноценные.

Несомненно, заслуживает внимания такой фактор как латентность. Причины данного негативного явления довольно разнообразны. К основным можно отнести нежелание предавать огласке факт случившегося, так как не имеют намерения позорить ребенка или разрушать семью в случае, если преступником оказывался родственник или член семьи. В случае если форма вступления в сексуальный контакт была ненасильственной – преступник использовал элементы игры, манипуляции, подарки – ребенок зачастую не понимал, что в отношении его совершается преступление, соответственно, до родителей информация криминального содержания вообще не доходила.

Так, анализ изученных нами уголовных дел и приговоров суда показал, что в 40 % случаев члены семьи потерпевшего, где сексуальный преступником оказывался один из родственников, не направляли заявление в правоохранительные органы о сексуальных посягательствах в отношении малолетних или подавали значительно позже.

Так, в марте 2012 года было возбуждено уголовное дело против некоего К., которому было предъявлено обвинение по 43 эпизодам преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132, п. «б» ч. 4 ст. 132, ч. 2 ст. 133 УК РФ. В период с апреля 2002 года, К. совершал обратные действия со своей племянницей Ш. (1994 года рождения). С периодичностью до 2 раз в неделю он предлагал ей просмотреть видеозаписи, содержащие порнографические сцены. При этом, он раздевал ее, демонстрировал свои гениталии, заставлял вступать с ним в оральный контакт. С июля 2006 года (по достижении Ш. возраста 12 лет), К. вступал с ней в регулярный половой контакт. В результате, в период с 2002 по 2011 год К. совершил ряд насильственных сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетней. Когда Ш. обратилась за помощью к своим родным (маме и бабушке), они не стали обра-

щаться в органы внутренних дел, так как боялись огласки и обвинили Ш., что это она сама соблазнила своего дядю. Только достигнув возраста 18 лет, потерпевшая Ш. самостоятельно обратилась в правоохранительные органы, было возбуждено уголовное дело [11].

Продолжая рассмотрение вопросов влияния личности преступника на выбор алгоритма противодействия, необходимо отметить, что обширными возможностями при выявлении и раскрытии преступлений имеет проведение оперативно-розыскных мероприятий с использованием возможностей сети Интернет.

Уровень профессиональной подготовленности сотрудников оперативного аппарата в части выявления, предупреждения и раскрытия насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних определяется необходимостью получения узко специфических навыков, не ограничиваясь изучением только общих положений. Данная профессиональная подготовленность должна базироваться на знании элементов оперативно-розыскной характеристики насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних; особенностей проведения поисковых мероприятий как на местности, так и в сети Интернет. Кроме того, оперативные сотрудники должны обладать умением выявления и отождествления лиц, склонных к совершению изучаемой категории преступления по психотипу и поведенческим признакам. Качество проводимых мероприятий по документированию действий данных лиц должно обеспечить возможность использования полученных результатов в процессе предварительного следствия.

Преступность активно использует высокие технологии, что диктует необходимость работы на опережение и применение последних достижений науки и техники в противодействии преступности. Интенсивное освоение преступниками информационного пространства глобальных компьютерных сетей, облегчение возможности вступления в контакт, установления опосредованных отношений повысило социальную опасность исследуемой категории преступлений. Одним из первых примеров совершения преступления сексуального характера с использованием сети Интернет может послужить лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор по ст. 132 УК РФ.

В начале июня 2015 года в дежурную часть одного из отделов полиции Ленинградской области от гражданки поступило заявление о привлечении к уголовной ответственности неизвестного ей мужчины, который с мая по июнь того же года, используя сеть Интернет, совершал развратные действия в отношении ее малолетней дочери, демонстрируя фотографии обнаженных мужских половых органов и сопровождая их текстовыми сообщениями с предложениями о совершении действий сексуального характера за денежное вознаграждение в размере 10 тыс. руб.

В ходе проведенных следственно-оперативных мероприятий, был установлен подозреваемый К. – 40-летний безработный, не имеющий семьи и детей, ранее не судимый житель г. Санкт-Петербурга [12].

Очевидно, что раскрытие преступлений – одна из главных задач подразделений уголовного розыска, важнейшая составная часть общей системы противодействия органов внутренних дел преступлениям указанной категории. В процессе работы по раскрытию указанных преступлений могут складываться различные оперативно-розыскные ситуации. Если рассматривать организацию деятельности по раскрытию данных преступлений, то, как правило, в ходе работы складываются три основные оперативно-розыскные ситуации: преступление совершено неизвестным, преступление совершено известным человеком и совершена серия преступлений.

Необходимо отметить, что независимо от сложившейся ситуации, большинство преступников предпринимали меры к уничтожению, приведению в надлежащий вид, сокрытию верхней одежды, в которой они были в момент совершения преступления. Такие действия объясняет не только намерение скрыть следы преступления, которые остались на предметах одежды, обуви, головных уборах (пятна крови, волосы и др.), но и стремление избежать опознания по приметам.

Так, С. совершил насильственные действия в отношении П., после чего, всю находившуюся на нем одежду в момент совершения преступления, сложил в пакет, вынес на пустырь и сжег [13].

В любом случае, опираясь на модель сложившейся ситуации, одним из направлений системной работы по организации противодействия будет являться выявление устойчивых специфических поведенческих особенностей лица, совершившего сексуальное насилие, по которым составляется психологический портрет преступника. Установление закономерностей в поведении такого преступника предоставляет сотрудникам уголовного розыска возможность рассматривать их как систему разбросанных во времени и в пространстве фактов сексуального насилия малолетних, то есть создать единую оперативно-розыскную группу, ведущую системную работу по раскрытию преступлений, совершенных серийным преступником [14].

Анализ информации, сосредоточенной в уголовных делах по каждому факту сексуального насилия, предоставит возможность выявить дополнительную информацию относительно личности преступника. В первую очередь целью такого анализа является выявление данных, позволяющих сузить круг поиска лиц, причастных к совершению насильственного преступления сексуального характера в отношении малолетних, по различным признакам: возрасту, профессии, языку, месту жительства и др. Раскрытие сотрудниками Управления МВД России по Камчатскому краю серии изнасилований, убийств, сопряженных с изнасилованием, совершенных сексуальным маньяком Тушинским – «Камчатским Чикатило» [15], является классическим примером организации системной оперативно-розыскной работы.

В практике органов внутренних дел по раскрытию серийных насильственных преступлений в отношении малолетних применяется и такой особенный способ установления сексуального преступника, как метод географического профилирования, позволяющий, исходя из анализа ряда мест, связанных с

совершением насильственных серийных сексуальных преступлений в отношении малолетних, прогнозировать местонахождение преступника. Практика расследования серийных сексуальных преступлений и изучения уголовных дел по раскрытым преступлениям такого рода дала возможность установить ряд закономерностей между особенностями окружающей среды, личности преступника и географическими аспектами криминального поведения.

Изложенное позволяет сделать обоснованный вывод, что одним из ключевых элементов оперативно-розыскной характеристики изучаемого вида преступлений является личность преступника. Данный элемент характеристики несет в себе уникальный набор информации, позволяющей сотрудникам подразделений уголовного розыска организовать проведение системной работы, определить единственно верный алгоритм мероприятий по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, связанных с сексуальным насилием в отношении малолетних и, тем самым, существенно повысить эффективность противодействия преступлениям данного вида.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 01.07.2021) / [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной деятельности. М.: Эксмо, 2005. 35 с.
3. Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание // Оперативник (Сыщик). 2007. № 2 (11). С. 18 – 19.
4. Коллонтай В.А. Личность преступника как элемент оперативно-розыскной характеристики хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Оперативник (сыщик). 2012. № 3 (32). С. 39–42.
5. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г. А. Аванесова. 5-е изд. М.: Норма, 2010. 293 с.
6. Булдыгина О.С. Особенности криминологического прогнозирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2 (42). С. 97–100.
7. Бегунова Л. А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
8. Ковалева М. А. Сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация: криминологические и уголовно-правовые аспекты, предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 299 с.
9. Шувалова Т. Г. Насильственные преступления сексуального характера,

совершаемые в отношении малолетних и несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М.: АЭБ МВД России, 2011.

10. Сембекова Б.Р. Криминалистическая характеристика насильственных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних // Вестник Карагандинского государственного университета. 2013. № 3 (71). С. 73–76.

11. Уголовное дело № 290241 // Архив следственного Управления следственного комитета России по Хабаровскому краю.

12. Попова Л. В., Михайлов В. В. Уголовная ответственность за совершение действий сексуального характера с использованием сети интернет // Законность. 2016. № 2. С. 44 – 48.

13. Уголовное дело № 891876 // Архив следственного Управления следственного комитета России по Хабаровскому краю.

14. Криминалистическая характеристика серийных убийств на сексуальной почве [Электронный ресурс] // referat911.ru: [сайт]. Режим доступа: <https://www.referat911.ru/Ugolovnoe-pravo/kriminalisticheskaya-harakteristika-serijnyh-ubijstv-na/392776-2892062-place2.html> (дата обращения: 03.10.2021).

15. Кирюхин Д. А. Географическое профилирование – помощь в составлении психологического профиля преступника и поиске мест сокрытия трупов // Эксперт-криминалист. 2015. № 4. С. 6 – 8.

Иванов Святослав Игоревич, канд. юрид. наук, доц., начальник кафедры, sviatoslavigor@gmail.com, Россия, Республика Крым, Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Черкашин Алексей Владимирович, канд. юрид. наук, доцент кафедры, xthrtcc@mail.ru, Россия, Хабаровск, Дальневосточный юридический институт МВД России

THE INFLUENCE OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY ON THE ALGORITHM FOR COUNTERING VIOLENT CRIMES OF A SEXUAL NATURE AGAINST JUVENILE

S.I. Ivanov, A.V. Cherkashin

The article considers the key element of the operational-investigative characteristics of crimes related to sexual violence against minors, the identity of the offender. The authors have sufficiently argued the position regarding the relationship of the criminal's personality with the choice of directions for organizing counteraction to these crimes.

Key words: criminal identity, methods of committing a crime, serial crimes, criminal investigation units, systemic counteraction.

Ivanov Svyatoslav Igorevich, Cand. of Legal Sci., Ass. Prof., Head of the Department, sviatoslavigor@gmail.com, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Cherkashin Alexey Vladimirovich, Cand. of Legal Sci., Ass. of the Department, xthrtcc@mail.ru, Russia, Khabarovsk, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Н.А. Рыбалкин

Рассматривается один из актуальных вопросов судебно-почерковедческой экспертизы и судебной технической экспертизы документов – выполнение почерковых объектов с помощью современных технических средств. Анализируются основные методы выявления данных почерковых объектов, описываются экспериментальные исследования их выполнения, изучаются и характеризуются основные современные технические средства, такие как плоттер, 3D-принтер, роботизированная рука, с помощью которых возможно выполнение почерковых объектов.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, почерковые объекты, технические средства изготовления документов, плоттер, 3D-принтер, роботизированная рука, подпись, почерк, судебная экспертиза.

В связи с большим ростом обязательственных отношений в предпринимательской сфере за последние двадцать лет наблюдается тенденция к увеличению различных теневых аспектов, которые имеют криминальный характер. Все чаще стали выявляться подделки документов в процессе осуществления этих отношений.

Отметим, что постоянное развитие офисной техники позволяет увеличить сферу ее применения для подделки различного рода документов. Данные объекты впоследствии становятся вещественными доказательствами по судебным делам.

Л.Е. Ароцкер, Р. С. Белкин, А. И. Винберг, А.Н. Герасимов, В.Я. Колдин, Б.М. Комаринец, Р.М. Ланцман, А.И. Манцветова, Я.И. Масюлене, Э.Б. Мельников, В.Ф. Орлова, С.М. Потапов, М.Я. Сегай, В. В. Серегин, Л.В. Сидельникова, И.А. Славуцкая, С.И. Тихенко, В.В. Томилин, А.Д. Топольский, Д.Д. Хмыров, Н.И. Шахтарина, М.В. Шванкова, Б.И. Шевченко и другие ученые посвятили свои труды исследованию почерковых объектов, выполненных традиционным (рукописным) способом.

Следует отметить, что впервые тема использования графопостроительной техники в отечественной экспертной литературе была затронута в статье Т.О. Пановой, О.Ю. Миловидовой, Е.С. Карпухиной [1]. Ими был описан один случай из экспертной практики, когда получилось установить факт выполнения спорной рукописной записи при помощи графопостроителя (плоттера). Благодаря тщательному исследованию и работе экспертов трех специальностей удалось установить следующие признаки технической подделки документа: различия в нажимных характеристиках и фрагментарное копирование различных частей документов, выполненных самим лицом, от которого значился документ.

Также исследованию выявления и диагностирования признаков выполнения почерковых объектов с помощью технических средств посвятили свои тру-

ды Е.Н. Белова, М.Л. Подкатилина, В.Н. Пронин, П.Г. Лесникова, Д.А. Шлыков и другие ученые. Тем самым, данная проблема является актуальной.

Отметим, что в настоящее время для подделки почерковых объектов используются аналоговые и цифровые способы, а также их комбинация.

Под аналоговым способом фальсификации следует понимать выполнение почерковых объектов с помощью нецифровых приспособлений. К таким приспособлениям относятся: карандаши, ручки, копировальная бумага, фотографии и другие.

Под цифровой фальсификацией следует понимать выполнение почерковых объектов с помощью цифровых устройств, таких как сканеры, компьютеры, принтеры, комбинированные устройства, роботизированные руки, плоттеры, 3D-принтеры и специальное программное обеспечение [2, с. 158].

За рубежом один из первых случаев использования техники вместо человеческой руки был зафиксирован в 2004 году, когда известная канадская писательница М. Этвудд для решения проблемы подписания книг дистанционным способом обратилась к известной канадской фирме в области роботехники и в 2006 году состоялась презентация данного устройства в виде роботизированной руки [3].

Несколько известных мировых фирм в области робототехники занимаются разработкой и созданием устройств, которые способны копировать почерк, но, как это «неоднократно случалось со многими достижениями научно-технического прогресса, они начинают активно использоваться в противоправных целях. Если сегодня злоумышленник воспользуется для выполнения почеркового объекта одним из вышеописанных устройств, которые в некоторых случаях могут имитировать распределение нажима, то мы можем полагать, что эксперты, только исходя из своих навыков и предельной внимательности, смогут установить факт использования подобной технологии подделки, поскольку они в настоящее время не располагают методиками выявления данных объектов при подделке почерковых объектов» [4, с. 46]. О сложностях при диагностике подобной технологии сообщила в своем докладе канадский эксперт Д. Крюгер в 2008 г. [5, с. 795]

Вследствие этого считаем необходимой разработку новой методики в области почерковедческой и технической экспертизы документов.

Для создания методики по установлению фактов использования подобного рода технологий необходимо провести исследования с применением роботизированной руки, плоттера, 3D-принтера и современного программного обеспечения, что требует серьезных финансовых затрат.

С помощью графопостроителя (плоттера) можно нарисовать любые элементы почерковых объектов. Случаи выявления подделки документа, в котором «рукописный» текст и подпись были нарисованы с помощью плоттера, встречаются в отечественной практике. Эксперты приходят к выводу о подделке с помощью данного технического средства в силу отсутствия градаций нажима при выполнении почерковых объектов.

Так, например, в экспертной практике ФБУ ТЛСЭ Минюста России в апреле 2017 года была выявлена фальсификация подписи в договорах займа денежных средств. Предположительно данная подпись была выполнена с помощью плоттера (рис. 1) [6].

Рис.1. Подпись в договоре займа денежных средств, которая предположительно была выполнена с помощью плоттера

Отметим, что способы фальсификации почерковых объектов характеризуются наличием особым комплексом диагностических признаков, которые могут позволить их дифференцировать [7, с. 67-68]. Исходя из экспертной практики фактически единственным определяющим признаком является изменение или отсутствие дифференциации нажима. Однако дополнительная сложность заключается в том, что подписи и почерк, выполненные с применением технических средств, являются объектами не почерковедческой, а судебно-технической экспертизы документов [8, с. 321]. Таким образом, для решения данных задач необходимо привлекать экспертов-почерковедов и экспертов-техников для проведения комплексного исследования.

Технические разработки последних лет в отношении офисной оргтехники привели к тому, что с помощью 3D-принтера или роботизированной руки и специального программного обеспечения возможно имитировать нажим, что только доставляет экспертам дополнительные сложности при исследовании подобного рода объектов. В порядке рабочего эксперимента нами была произведена попытка воспроизвести подписи с помощью 3D-принтера по описанной выше технологии, с помощью которой нам удалось имитировать почерковый объект, но полностью идеально выполнить подпись не удалось из-за особенностей программного обеспечения, так как наблюдаются различия в нажиме почеркового объекта (рис. 2).

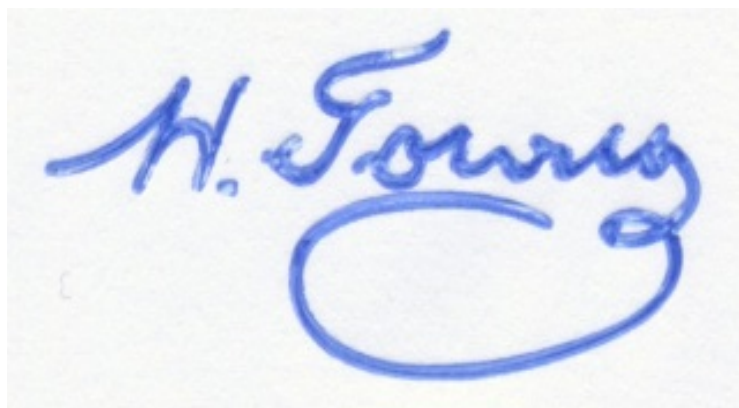

Рис. 2. Подпись Н.В. Гоголя, выполненная с помощью 3D-принтера.

Таким образом, в связи с применением графопостроительной техники, как отмечено выше, в научной литературе стали появляться публикации на эту тему, однако данных работ явно недостаточно, что обуславливает интерес к более глубокому изучению проблем применения новых технологий подделки документов, в том числе, со стороны практикующих экспертов, нуждающихся в научной разработке методики выполнения почерковых объектов с помощью новых технических устройств.

Список литературы

1. Панова Т. О., Миловидова О. Ю., Карпухина Е. С. Комплексное исследование имитации рукописных реквизитов (случай из экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 3 (11). М.: ГУРФЦСЭ при Минюсте России. С. 118–121.
2. Козочкин В.М., Рыбалкин Н.А. Проблемы экспертизы почерковых объектов, выполненных с помощью технических средств // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 1А. С. 157–163.
3. Kirby T. Electronic pen allows Atwood to reach the world from home // INDEPENDENT, 2006.
4. Иванов Н.А. Компьютерные технологии подделки рукописных почерка и подписей // Нотариальный вестник. 2011. № 4. С. 45–48.
5. Kruger D. The Long Pen TM – The World's First Original Remote Signing Device // Journal of Forensic Sciences. 2010. V. 55. Iss.3. P. 795 – 800.
6. Архив ФБУ ТЛСЭ Минюста России за 2017 год (заключение эксперта О. № 673 от 21.04.2017).
7. Бондаренко П.В. Диагностика подделки подписей, выполненных с помощью компьютерных технологий // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1(4).С. 67–72.
8. Козочкин В.М., Рыбалкин Н.А. Выполнение почерковых объектов с помощью технических средств // Будущее российского права: концепты и со-

циальные практики: Материалы XIV Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения): в 4 ч. Ч. 3. С. 318–322.

Рыбалкин Никита Андреевич, ассистент кафедры, nikitarybalkin@rambler.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

*MODERN CHALLENGES OF FORENSIC HANDWRITING
EXPERTISE*

N.A. Rybalkin

One of the topical issues of forensic handwriting expertise and forensic technical examination of documents is considered – the execution of handwriting objects using modern technical means. The main methods of identifying these handwriting objects are analyzed, experimental studies of their implementation are described, the main modern technical means, such as a plotter, 3D printer, robotic arm, with which it is possible to perform handwriting objects, are studied and characterized.

Key words: forensic handwriting examination, handwriting objects, technical means of document production, plotter, 3D printer, robotic hand, signature, handwriting, forensic examination.

Rybalkin Nikita Andreevich, assistant of the Department, nikitarybalkin@rambler.ru, Russia, Tula, Tula State University

УДК 342.2/7

DOI: 10.24412/2071-6184-2021-4-87-96

**ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА
НА СОБСТВЕННОСТЬ И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ
СУБЪЕКТОВ КРЕДИТОВАНИЯ,
БЮДЖЕТНУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

М.М. Савченко

Рассматривается предмет незаконного получения кредита, проводится сравнительно-правовой анализ указанного аспекта в законодательстве стран Содружества Независимых Государств, изучаются конкретные предметы преступного посягательства, возможные интерпретации их значения, позиции известных ученых по данному поводу. Сформулированы выводы о необходимости совершенствования законодательства в части дополнения конкретных определений рядом понятий, что позволило бы повысить эффективность применения ст. 176 УК РФ «Незаконное получение кредита».

Ключевые слова: предмет преступления, кредитование, кредит, экономические преступления, незаконное получение кредита, мошенничество.

В ряде зарубежных стран действия, сопряженные с получением кредита путем обмана, квалифицируются либо по норме, являющейся специальной по отношению к норме о мошенничестве, либо по общей норме о мошенничестве.

По первому пути, например, следует законодательство и правоприменительная практика Молдовы. Так, Уголовный кодекс (далее – УК) Молдовы содержит две специальные нормы по отношению к норме, содержащейся в ст. 190 «Мошенничество» [1]. Речь идет о статьях 238 и 240, которые закрепляют уголовную ответственность за получение кредита путем обмана и использование гарантированных государством кредитов не по назначению. И если состав мошенничества сформулирован в диспозициях УК РФ и Молдовы идентично, то понятия незаконного получения кредита разнятся [2, с. 349]. В уголовном законе Молдовы указанное деяние, по аналогии с отечественной правовой системой, связывают с предоставлением подложной информации, однако, список целей, сформулированных в диспозиции, расширен. Помимо самого получения кредита или льготных условий на него, целью деяния может быть получение большей суммы кредита. Подобный подход зарубежных коллег видится весьма интересным и может быть использован отечественным законодателем. Налицо детализация общей нормы о мошенничестве посредством определения цели преступного деяния.

По второму пути проследовал, к примеру, законодатель Армении. Так, УК Армении не содержит какой-либо специальной нормы, оговаривающей кредитное мошенничество. Получение же кредита путем обмана квалифицируется как мошенничество – по ст. 178 УК Армении [3, с. 150].

Кредит, будучи предметом посягательства, следует рассматривать в качестве ключевого, конституирующего признака состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ. Вместе с тем российское законодательство (впрочем, как и законодательство стран Содружества Независимых государств и многих других стран), не дает формализованной дефиниции «кредит». В связи с этим следует обратиться к доктринальному пониманию кредита.

В юридической науке сложились разные подходы к пониманию кредита как ключевого признака для образования состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ [4, с. 39]. Так, одни ученые-криминалисты распространяют понятие кредита на его коммерческую, банковскую и товарную «разновидности» [5, с. 40]. Другие при рассмотрении вопроса квалификации незаконного получения кредита не высказываются определенно по поводу понятия кредита, однако, ссылаются на другие, помимо банковского, виды кредита [6, с.]. Третьи же либо прямо отрицают подобную возможность, либо не упоминают коммерческий и товарный кредит [7, с. 51; 8, с. 12; 9, с. 21].

Следует согласиться с позицией ученых, по которой норма о незаконном получении кредита актуальна по отношению ко всем возможным видам кредита. Причин тому несколько. Во-первых, ограничительное толкование понятия «кредит» в составе преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, не может считаться в достаточной мере аргументированным (такие аргументы попросту

отсутствуют). Во-вторых, гл. 42 Гражданского кодекса РФ предусматривает предоставление различных видов кредитов. В-третьих, в тексте ст. 176 УК РФ законодатель говорит о банке и *ином кредиторе*, не ограничивая круг последних только кредитными организациями [10, с. 114; 11, с. 241].

Тем не менее, все же одно исключение тут имеет место быть: к предмету незаконного получения кредита не может быть отнесен инвестиционный налоговый кредит [12, с. 172]. Причина в том, что инвестиционный налоговый кредит, по факту называясь «кредитом», тем не менее, им не является. Это уменьшение пределов и увеличение срока уплаты налога для организаций при наличии оснований, указанных в ст. 67 Налогового кодекса РФ. Таким образом, инвестиционный налоговый кредит, согласно действующему налоговому и гражданскому законодательству, представляет собой одну из форм отсрочки исполнения налоговых обязательств, а не «кредит» в его классическом юридическом значении.

В то же время предметом состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, как свидетельствует правоприменительная практика, может выступать *денежная или иная материальная ссуда*, предоставляемая кредитором заемщику, которая и не определяется отечественным гражданским законодательством как, собственно, кредит.

Отсутствие согласованности в понимании кредита как предмета состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, в юридической науке и правоприменительной практике обуславливает целесообразность формализации дефиниции «кредит» в примечании к статье о незаконном получении кредита или же использовать другие приемы юридической техники.

Диспозиция части первой статьи 176 УК РФ называет альтернативные действия, образующие объективную сторону данного состава преступления. Каждому такому действию соответствует и разный предмет преступления. Иными словами, в качестве такого признака предмета преступления, может выступать не только кредит, но и льготные условия на него. Представляется, что указанные альтернативные предметы могут появляться в противоправном деянии как по отдельности, так и совместно. Например, если хозяйствующий субъект имел по соответствующей документации право на получение кредита, однако, отсутствовали основания получения льготы, – налицо один предмет. Если же он, в связи со своим хозяйственным или финансовым положением, не мог получить право ни на кредит, ни на льготу – но и то, и другое было получено обманным путем – будут иметь место два предмета [13, с. 50].

Характеризуя предмет преступления состава преступления, закрепленного в ст. 176 УК РФ, нельзя не обратить внимание на неопределенность и такой категории, как «льготные условия кредита (кредитования)». В подходах к разрешению этого вопроса также нет единства в научном сообществе. Так, Д.Ю. Левшиц предлагает достаточно емкое и лаконичное определение [14, с. 128]. По мнению автора, под льготными следует подразумевать любые условия кредита, которые выгоднее ординарных, то есть предлагаемых в обычных условиях всем клиентам. Это расширенное понимание, но достаточно простое, в том

числе для квалификации. Однако при использовании такого подхода возникает достаточно распространенная проблема, связанная со свободой договора в гражданском праве. Кредитодатель имеет право предложить любые условия по кредиту, ввиду чего достаточно трудно четко отличить ординарные и льготные условия по методу Д.Ю. Левшица. Иными словами, более выгодный кредит может быть предложен хозяйствующему субъекту, вне зависимости от его положения статуса и т.п., а, например, в рамках акции, рекламной агитации. В этом случае, вряд ли субъект преступления будет претендовать на льготные условия кредитования, как предмет преступления. Здесь будет отсутствовать связь между непосредственным деянием, то есть обманом, предоставлением подложных сведений, и самим предложением по получению льготы. Ввиду чего, можно говорить о проблеме определения льготных условий кредитования.

Указанную проблему старался разрешить А.Э. Жалинский, указывая на то, что льготными следует признавать любые выгодные условия, предложенные за пределами свободы договора [15, с. 180; 16, с. 74]. Иными словами, любые предложения, поступающие от самого займодателя, входят в сам договор, а льготы лежат за его пределами, назначаясь неопределенному кругу лиц (хозяйствующих субъектов), в связи с какой-либо характеристикой их статуса. У.В. Пашинцева поддерживает такую позицию, указывая на то, что льгота всегда установлена чем-либо, то есть должна быть нормативно закреплена, что и порождает общественную опасность преступления, связанного с обманом получением льготных условий кредитования [17, с. 12]. Такие рассуждения являются логичными, и с ними следует согласиться.

Действительно, выдача доверительного кредита (то есть без классических условий обеспечения), уменьшение процентной ставки за пользование кредитом или увеличение суммы кредита, осуществляется банком или небанковской кредитной организацией, исходя из собственных интересов применительно к каждому частному случаю (например, если кредитная организация заинтересована в постоянном заемщике, обладающим репутацией надежного плательщика или если заемщик предлагает солидное обеспечение кредита и т.д.) [18, с. 16]. В результате кредитная организация и заемщик могут заключить договор кредитования на условиях, отличающихся от обычных, типичных условий договора кредитования. То есть, элемент льготы в таком договоре отсутствует. В рамках этой же логики законодателем сформулирована ст. 29 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 08.04.2008) «О банках и банковской деятельности»: «процентные ставки по кредитам устанавливаются кредитной организацией по соглашению с клиентом, если иное не предусмотрено федеральным законом». Таким образом, позиция А.Э. Жалинского и У.В. Пашинцевой по поводу льготных условий кредитования представляется более убедительной.

Нормативные акты федерального уровня обязывают кредитные организации предоставлять кредит на льготных условиях [19, с. 154], однако конкретное содержание льготных условий кредитования не раскрывается. В качестве примера следует рассмотреть статью 7 Федерального закона от 02.12.1994 г. №53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продо-

вольствия для государственных нужд». Данная норма устанавливает право на льготное кредитование для поставщиков сельскохозяйственной продукции для государственных нужд. Еще один пример – статья 18 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 18.10.2007) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», предусматривающая оказание помощи представителям малого и среднего бизнеса, в том числе, путем льготного кредитования.

Итак, ранее было установлено, что кредит является предметом рассматриваемой категории преступлений. Ст. 128 Гражданского кодекса РФ относит денежные средства, являющиеся предметом кредита, к имуществу. Исходя из этого, целевой кредит выдается соответствующими государственными (муниципальными органами) из аналогичных бюджетов [20, с. 23]. Главной характеристикой такого кредитования является его целевое назначение. Уголовный закон охраняет возникающие в подобных случаях общественные отношения, а потому преступление по части 2 статьи 176 УК РФ составляет нецелевое расходование выделенных средств [21, с. 110].

Изучение нормативных актов субъектов РФ свидетельствует, что под льготными условиями кредитования обычно понимается сниженная процентная ставка по кредиту. Так, согласно постановлению Правительства Москвы от 05.02.2008 № 88-ПП «О концепции имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в городе Москве» льготное бюджетное кредитование состоит в применении 1/2, 1/4 ставки рефинансирования Центрального банка РФ.

Таким образом, условия, улучшенные по сравнению со стандартными условиями договора кредитования, которые предоставляются ограниченному кругу физических лиц, индивидуальных предпринимателей и организаций в силу того, что кредитная организация обязана обеспечить такие условия в соответствии законодательством, могут считаться *льготными условиями кредитования*.

Вместе с тем, по существу, виновный получает путем обмана *не льготные условия кредитования* (такой вывод можно сделать при буквальном прочтении текста ст. 176 УК РФ), например, пониженную процентную ставку по кредиту и т.д., а *кредит на льготных условиях*.

Впрочем, законодатель нередко оперирует понятием «кредит на льготных условиях». Например, в ст. 195 УК Азербайджана «Незаконное получение кредита или использование его не по назначению» законодатель, характеризуя предмет преступления, также использует словосочетание «кредит на льготных условиях».

В этой связи в целях формирования точного и единообразного понимания объективных признаков в статье о незаконном получении кредита, а значит, повышения эффективности правоприменительной практики, целесообразно предмет преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, определить в ч. 1 как «Получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита, в том числе *кредита на льготных условиях*, путем...».

Российский законодатель усиливает ответственность только за посягательство на государственную собственность, представленную в ч. 2 ст. 176 УК РФ в виде *государственного кредита*, не ставя по особую защиту муниципальную собственность в виде *муниципального кредита*, в то время как назначение использования как муниципального, так и государственного кредита исключительно целевое [22, с. 152].

Понимание правового содержания собственности, как и опыт уголовного законодательства ряда стран Содружества Независимых Государств, обуславливает критичное отношение к текущей формулировке нормы в ч. 2 ст. 176 УК РФ. Для начала обратимся к вопросу о правовом содержании собственности, который для отечественной юриспруденции гораздо более полемичен, чем вопрос о понимании кредита как предмета незаконного получения кредита.

Исходя из положений части 1 статьи 212 Гражданского кодекса РФ, в России признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Суть каждой из формы заключается в принадлежности имущества, куда входят также средства и продукты производства, определенным субъектам – физическим или юридическим лицам, государству, муниципальным образованиям. Иные формы собственности включают в себя широкий спектр принадлежности имущества, не нашедший отражения в предыдущих. Сюда можно отнести, например, интеллектуальную или иностранную собственность и т.п.

Указанную классификацию выводит и М.В. Жаботинский, при анализе статьи 8 Конституции РФ [23, с. 27]. Такая позиция поддерживается и в работах В.Д. Мазаева [24, с. 185]. Однако, существует и группа ученых, не согласных с представленным разделением, а скорее с возможностью его реализации в правовом пространстве государства. Так, Е.А. Суханов обращает внимание, что категория «форма собственности» представляет собой чисто экономическую конструкцию [25, с. 85]. Для юриспруденции собственность и вытекающие из нее права едины для всех и не могут иметь дифференциацию. Но при этом у собственности могут быть разные субъекты-обладатели, что, однако, не говорит о наличии форм самой этой категории. К подобному выводу приходит и Г.А. Гаджиев, ссылаясь к части 2 статьи 8 Конституции РФ, где гарантируется одинаковая правовая защита всем формам собственности, что и говорит нам о том, что различные по формам экономические категории (собственность) не дифференцируются как юридические конструкции [26, с. 177].

Указанная позиция не может быть не учтена, а потому, считаем необходимым определить собственность, прежде всего, как экономическую конструкцию, отражающую принадлежность части материального мира конкретному владельцу.

К примеру, азербайджанский законодатель признает ценность коммерческого, муниципального и государственного кредитов, защищая их равным образом. Молдавский законодатель не дифференцирует уголовную ответственность за рассматриваемую разновидность мошеннического посягательства в зависимости от принадлежности кредита тому или иному субъекту (коммерче-

ский, государственный, муниципальный), а норму об уголовной ответственности за использование кредита не по прямому назначению обоснованно выделяет в самостоятельный состав (ст. 240 УК Молдавии).

Статья 176 УК РФ в действующей редакции предполагает приоритетную уголовно-правовую защиту государственной собственности (государственного целевого кредита), что может рассматриваться как противоречие не только ст. 212 Гражданского кодекса РФ, согласно которой права всех собственников защищаются равным образом, но и ч. 2 ст. 8 Конституции РФ. Таким образом, при формулировании ст. 176 УК РФ законодатель отступает от заложенной в ч. 2 ст. 8 Конституции РФ юридической модели равной защиты различных форм собственности.

В этой связи, в целях последовательной реализации конституционной модели равенства защиты частной, государственной и муниципальной форм собственности, предусмотренной ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, учитывая положительный опыт уголовно-правового противодействия незаконному получению кредита в азербайджанской и молдавской республиках, представляется целесообразным определить предмет незаконного получения кредита в качестве «кредита, кредита на льготных условиях, либо бюджетного целевого кредита».

Как видно, предметы состава незаконного получения кредита могут быть конкретизированы сквозь призму объекта и предмета состава мошенничества.

Подводя итог вышесказанному, целесообразно сделать ряд следующих выводов и обобщений.

1. Научная полемика и сложившаяся правоприменительная практика свидетельствуют об отсутствии единообразия в понимании объективных признаков и, как следствие, квалификации действий, сопряженных с обманным получением кредита. Осложняется квалификация действий, связанных с обманным получением кредита, и коллизией между нормами, закрепленными в ст. 159 УК РФ и ст. 176 УК РФ.

2. Единообразие правоприменительной практики может быть обеспечено прежде всего за счет совершенствования действующего уголовного закона, а также посредством формирования отраслевой юридической теории квалификации действий, сопряженных с обманным получением кредита (ст. 176 УК РФ).

3. Кредит является ключевым признаком для состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ. В юридической науке сложились разные подходы к пониманию кредита, но проведенный анализ показывает, что ст. 176 УК РФ актуальна по отношению ко всем возможным видам кредита. Тут существует только два исключения. Во-первых, к предмету незаконного получения кредита не может быть отнесен инвестиционный налоговый кредит, поскольку он представляет собой одну из форм отсрочки исполнения налоговых обязательств, а не «кредит» в его классическом юридическом значении. Во-вторых, предметом состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, может выступать заем или ссуда (материального или денежного характера). В рамках уголовно-правовой характеристики изучаемого состава это имеет принципи-

альное значение, поскольку указанные формы кредитования гражданское законодательство не относит непосредственно к понятию кредита.

Была выявлена неоднозначность в вопросе понимания категории «кредит» в контексте предмета состава преступления, что может приводить к снижению эффективности соответствующей уголовно-правовой нормы. В этой связи, считаем необходимым формализовать указанное понятие путем введения конкретной дефиниции в примечание к статье 176 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Молдова: Закон Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV // Мониторул Официал ал Р. Молдова от 13.09.2002 № 128 – 129.

2. Осокин Р. Б. Особенности уголовно-правовой характеристики способов совершения мошенничества // Актуальные проблемы правовой реформы в Российской Федерации: Посвящается 10-летию образования Содружества Независимых Государств и 10-летию Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации. М.: Академия налоговой полиции ФСНП России, 2002. С. 348-351.

3. Осокин Р. Б. Эволюция мошенничества и его способов по русскому уголовному законодательству досоветского периода // Актуальные проблемы уголовного законодательства и правоприменительной практики: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Тамбов, 27 февраля 2002 года. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2002. С. 148 –154.

4. Декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности: административная преюдиция в действии: монография / М.А. Лапина и др.; под ред. д-ра юрид. наук, профессора М.А. Лапина. М.: Юстиция, 2016. 222 с.

5. Козаченко И., Васильева Я. Незаконное получение кредита // Российская юстиция. 1999. № 11. С. 37 –41.

6. Рогалев Р.О. Проблемы ответственности за преступления в сфере банковской деятельности // Журнал российского права. 2003. № 10. С. 37 – 44.

7. Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.Н. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1998. С. 47 – 54.

8. Ларичев В. Объективная сторона незаконного получения кредита // Законность. 1997. № 7. С. 10 –14.

9. Феоктистов М.В. Ответственность за незаконное получение кредита и уклонение от погашения кредиторской задолженности: проблемы теории и практики // Банковское право. 2001. № 1. С. 20 – 24.

10. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 382 с.

11. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. 255 с.

12. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М.: Волтерс Клувер, 2007. 201 с.
13. Осокин Р. Б. Об интеллектуально-психологических качествах субъекта мошеннических посягательств // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2017. № 3. С. 49–50.
14. Левшиц Д.Ю. Уголовная ответственность за финансовое мошенничество по законодательству России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 217 с.
15. Комментарий к УК РФ. Особенная часть / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М.: ИНФРА-М : Норма, 1998. 584 с.
16. Жалинский А.Э. Преступления в сфере экономической деятельности в трактовке нового Уголовного кодекса // Журнал российского права. 1997. № 8. С. 72–77.
17. Пашинцева У.В. Объективная сторона незаконного получения кредита (ч. 1 ст. 176 УК РФ) // Российский следователь. 2008. № 4. С. 11–13.
18. Ложкина Е. Незаконное получение кредита: объект и объективная сторона // Уголовное право. 2000. № 4. С. 15–19.
19. Ведомственное нормотворчество (теория и практика применения): монография / под редакцией М.А. Лапиной, В.А. Баранова. М.: Проспект, 2014. 240 с.
20. Кадников Н.Г. О некоторых проблемах уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательства // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 22–25.
21. Трунцевский Ю. В. Преступления в сфере использования Федеральной собственности. Теория и практика противодействия коррупции // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 11 (182). С. 106–114.
22. Осокин Р. Б. Нецелевое расходование бюджетных средств: соотношение уголовной и административной ответственности // Актуальные вопросы юридической науки и практики: сборник научных трудов членов Тамбовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Тамбов: ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. С. 149–155.
23. Жаботинский М.В. К вопросу о формах собственности в гражданском законодательстве Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 4 (22). С. 25–28.
24. Мазаев В.Д. Конституция и формы собственности // КПВО. 2003. № 4(45). С. 185–190.
25. Суханов Е.А. Понятие права собственности в российском законодательстве и в модельном Гражданском кодексе для стран СНГ // КПВО. 2001. № 1(34). С. 82–87.
26. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. М.: Юристъ, 2004. 286 с.

Савченко Майя Михайловна, канд. экон. наук, доцент кафедры, maya.savchenko@gmail.com, Россия, Калининград, Калининградский государственный технический университет

SUBJECT OF CRIMINAL ENCROACHMENT ON PROPERTY AND LEGITIMATE INTERESTS OF LENDING ENTITIES, BUDGET SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

M.M. Savchenko

This article deals with the subject of illegal loan receipt. A comparative legal analysis of this aspect in the legislation of the CIS countries is being carried out, specific subjects of criminal assault, possible interpretations of their meaning, and the position of well-known scientists on this subject are being studied. Conclusions are drawn on the need to improve legislation in terms of supplementing specific definitions with a number of concepts, which would increase the effectiveness of the application of Art. 176 of the Criminal Code.

Key words: subject of crime, lending, credit, economic crimes, illegal obtaining of credit, fraud.

Savchenko Maya Mikhailovna, Cand. of Economic Sci., Ass. Prof. of the Department, maya.savchenko@gmail.com, Russia, Kaliningrad, Kaliningrad State Technical University

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2071-6184-2021-4-96-102

**К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

А.В. Шаров

Рассматривается проблема классификации в криминалистике следов преступлений, совершаемых с применением информационных технологий. Обосновывается невозможность классификации этих материальных следов с позиций криминалистической трасологии и криминалистической идентификации, хотя указывается на включение методов работы с ними в систему специальных методов криминалистики, заимствованных из других наук. На основании критического анализа имеющихся точек зрения аргументируется практическая необходимость классификации специфических следов по юридической природе на следы «легального пользователя» и следы преступника, поскольку это – не всегда одно и то же лицо. Как материальные указанные следы являются однопорядковыми со следами-предметами, следами-отображениями и следами веществами по характеру изменения вещной обстановки при подготовке, совершении и сокрытии преступления.

Ключевые слова: информационные технологии, криминалистическая трасология, теория идентификации, специальные методы криминалистики, следы преступления, «компьютерные следы», классификация «компьютерных следов».

Развитие информационных технологий позволило преступникам разрабатывать и применять различные средства совершения преступлений. Как правило, речь идет о применении вредоносного программного обеспечения, незаконных действиях с компьютерной информацией, применении методов так называемой «социальной инженерии». За последние 2–3 года зафиксирован «взрывной» рост преступлений, совершаемых с применением информационных технологий, их количество продолжает расти, хотя отмечается замедление темпов роста [1]. Внимание к указанному виду преступлений вызвало необходимость разработки практически ориентированных рекомендаций по их раскрытию и расследованию. Ученые и практики уверенно относят вопросы применения специальных знаний в области информационных технологий в раскрытии и расследовании преступлений к криминалистике, вследствие чего возникают новые криминалистические концепции [2, с. 190–200].

Действительно, исходя из классического содержания предмета криминалистики, упомянутые специальные знания и объекты, к которым они применяются, полностью поглощаются предметом криминалистики. Однако следует учитывать, что специфика возникновения подобной информации о преступлении и его участниках такова, что для исследования подобной информации необходимы сугубо технические знания, а не криминалистические. Методы таких специальных исследований в таком случае следует рассматривать как специальные методы, применяемые в криминалистике, заимствованные из других наук практически без переработки, то есть методы третьего уровня или «третьего звена» [3, с. 115–116].

В последнее время вышли в свет специализированные издания, посвященные вопросам раскрытия и расследования преступлений с использованием информационных технологий. Одна их часть носит сугубо практический характер [4], содержит некоторые рекомендации по организации расследования и специальные вопросы применения информационных технологий с освещением ряда криминалистических вопросов [5], другая – более криминалистически наполнена, содержит тактические рекомендации по проведению отдельных следственных действий [6]. Третья – носит характер учебной, научной литературы [7] и содержит положения, которые, по мнению их авторов, позволяют научно обосновать принадлежность такого специфического рода деятельности к криминалистической.

Дискуссии о происхождении, классификации и наименовании следов, образовавшихся в результате совершения преступлений с использованием информационных технологий (для краткости, условно, подобные следы будем именовать «компьютерными»), отразились на существенном росте научных публикаций. Нет необходимости перечислять мнения ученых и практиков относительно поставленных проблем; достаточно изучить довольно содержатель-

ную статью А.Г. Себякина [8, с. 89–99], где соответствующие научные взгляды проанализированы и высказаны собственные суждения автора. В целом следует отметить, что подавляющее большинство авторов в той или иной степени отождествляют вопросы образования и классификации «компьютерных» следов с механизмом следообразования, следовым контактом, выделяют следообразующий и следовоспринимающий объекты и т.п. Налицо попытки обосновать относимость к криминалистике образование и исследование «компьютерных» следов, в том числе с помощью теории отражения и положений криминалистической трасологии.

Не сомневаясь в материальности «компьютерных» следов, следует напомнить некоторые постулаты из криминалистической трасологии: «Механизм следообразования в трасологии – процесс, конечная фаза которого представляет собой образование следа-отображения. Элементами этого процесса являются: следообразующий объект, следовоспринимающий объект и *вещество следа*; результат взаимодействия между ними – следовой контакт» [2, с. 119]. То есть необходимо соприкосновение объектов как необходимое условие возникновения следа [9, с. 17]. «Компьютерные» следы не образуются в результате следового контакта, они не являются следами-отображениями, и тем более, вещества следа в подобном следообразовании не существует. Поэтому применять устоявшуюся криминалистическую терминологию в контексте «компьютерных» следов следует с оговоркой, обозначая условное сходство некоторых процессов.

Касательно классификации «компьютерных» следов отметим, что классификация следов в криминалистике выполняет определенную задачу: выявив относимость следа к какой-либо группе, к его сборанию, исследованию или использованию применяются те же методы, что и к любому следу из этой группы. Например, для обнаружения материальных следов применяются, прежде всего, физические и химические методы, а идентификация проводится по материально-фиксированным отображениям, по составу вещества и т.п.

Для обнаружения «компьютерных» следов применяются специфические методы, носящие чисто технический характер: образованные в результате работы, например, программных средств, процесс обнаружения, фиксации, копирования, исследования и т.п. должен быть основан на применении опять же программных средств, специального программного обеспечения [10, с. 169]. Отсутствие условий, характерных для криминалистической идентификации, ведет к невозможности применения положений этой теории к исследованию «компьютерных» следов, поэтому и подходы к работе с такими следами не криминалистические по своей природе, о чем мы неоднократно высказывались [11].

В приведенных выше сведениях о публикациях относительно «компьютерных» следов авторы предлагают классификации по различным основаниям. Выделяют следы: первичные (непосредственное воздействие пользователя с использованием какой-либо информационной технологии) и вторичные (следствие воздействия технологических процессов без участия человека и вне его желания) и т.п. [8, с. 94–95].

Не соглашаясь с предложенными классификациями, отметим, что, во-первых, лицо никоим образом не может непосредственно влиять на движение информации, это всегда осуществляется опосредованно через аппаратные или программные средства. Во-вторых, эти следы всегда образуются по воле как совершенно законного пользователя (назовем его, условно, «легальным пользователем») или по воле преступника с доступом к системам, в том числе при условии распространения компьютерного червя, «...имеющего способность к самовоспроизведению и независимому распространению» [12].

В этой связи более ценной была бы классификация следов, например, на следы от воздействия «легального пользователя» и следы преступника, включив в последние и следы от воздействия используемых им программных средств. При этом в расследовании инцидентов безопасности и в дальнейшем в определении правильности действий пользователя анализируются именно эти последствия, имеющие практическое значение. Здесь уместно привести мнение А.Ю. Головина, что «...практическое применение разработанных в криминалистической науке классификаций в процессе криминалистической диагностики представляет собой исходный этап диагностирования» [13, с. 9], что, в свою очередь, ведет к выдвиганию версий относительно различных элементов события преступления.

На наш взгляд, приведенные другими авторами классификации, страдают одним существенным недостатком, причина происхождения которого кроется в самом назначении компьютерной техники и закономерностям движения компьютерной информации: «легальный пользователь» и лицо, совершившее преступление – это не всегда одно и то же лицо. Например, если компьютер является единицей бот-сети или на нем функционирует программное обеспечение удаленного доступа, говорить о пользователе как о лице, совершившем преступление, можно не всегда. В образовании «компьютерных» следов можно говорить о конечном пользователе как о преступнике, только доказав его «органическую» связь с преступлением. И здесь важны не только «цифровые» доказательства, но и обычные, традиционные.

Таким образом, в конечном счете, имеют значение три обстоятельства: 1) наличие «компьютерных» следов преступления вообще; 2) их расположение; 3) происхождение следов от опосредованного воздействия «легального пользователя» или преступника.

Последнее обстоятельство можно принять за виды следов, классифицировав их по юридической природе. Расположение следов основанием не является, поскольку и те и другие могут находиться в системе в одних и тех же местах.

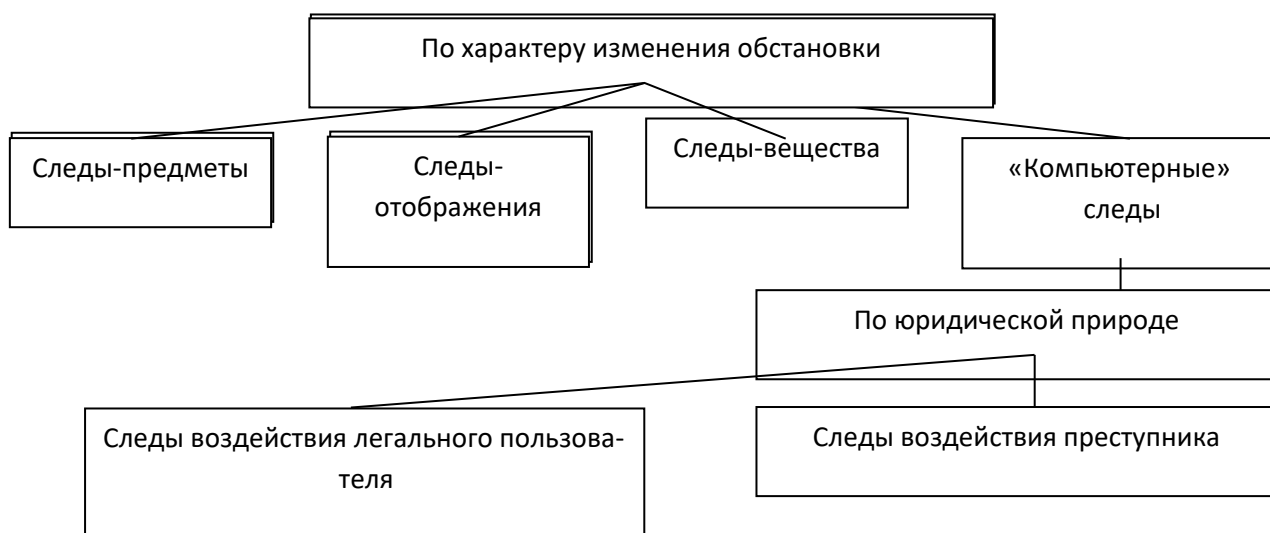
Нельзя обойти вниманием классификацию материальных следов, принятую в криминалистике, по характеру изменения вещной обстановки в процессе подготовки, совершения или сокрытия преступления, согласно которой все следы подразделяются на следы-предметы, следы-вещества и следы-отображения. По причинам, указанным нами выше, «компьютерные» следы нельзя отнести ни к одной из этих групп. В своей монографии Ю.В. Гаврилин и Н.Н. Лыткин определяли «компьютерно-технические следы» как «...особую

форму следов – отображений, а именно, отображений, зафиксированных на электронных цифровых носителях» [14]. Согласиться с таким мнением нельзя, исходя из природы следов-отображений.

Представляется, что «компьютерные» следы совершенно своеобразно меняют вещную обстановку в процессе преступной деятельности, имеют свою собственную природу и выражение, свойства и признаки. Поэтому такие следы будут однопорядковыми со следами-предметами, следами-отображениями и следами-веществами.

Далее, «компьютерные» следы подразделяются (в зависимости от юридической природы) на следы от воздействия «легального пользователя» и следы от воздействия преступника. Считаем, что такая классификация имеет практическое значение в познании события преступления и установления личности преступника.

В итоге место «компьютерных» следов в классификации материальных следов преступления представляется следующим (рисунок):

Классификация «компьютерных» следов

В завершении отметим ряд обстоятельств:

1. Методы изучения следов, образовавшихся в результате преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, не являются криминалистическими. Это – специфические методы практической деятельности, которые можно использовать в криминалистике как методы третьего уровня, то есть заимствованные из других наук.

2. Процесс возникновения рассматриваемых следов не связан с криминалистическим понятием следового контакта, присущего образованию известных материальных следов; это самостоятельный технический процесс, имеющий только некоторые образные сходства с криминалистическим.

3. Специфические следы от преступлений с применением информационных технологий (условно «компьютерные» следы) в зависимости от характера

изменения вещной обстановки являются однопорядковыми со следами-предметами, следами-отображениями и следами-веществами.

4. Необходимо разделять личность легального пользователя компьютером и личность преступника, вследствие чего также необходимо разделять образующиеся следы их опосредованного воздействия по такому основанию как юридическая природа.

5. Классификация изучаемых следов носит практический характер. Предлагаемый подход приведет в итоге к идентификации преступника в криминалистическом смысле.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июль 2021 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/25443630/> (дата обращения: 22.09.2021).

2. Россинская Е. Р. Концепция учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основе методик расследования компьютерных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2(97). С. 190 – 200.

3. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.

4. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации, совершаемых против собственности : учеб. пособие / [А. В. Пузарин и др.]. М.: МосУ МВД России, 2020. 184 с.

5. Алескеров В.И. Особенности раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации: учеб.-практ. пособие / ВИПК МВД России. Домодедово: ВИПК МВД России, 2015. 67 с.

6. Самойлов А. Ю. Особенности осмотра компьютерной техники и электронных документов: методические рекомендации. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2020. 24 с.

7. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / В. Б. Вехов [и др.]; под редакцией В. Б. Вехова, С. В. Зуева. М.: Издательство Юрайт, 2021. 417 с. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/477984> (дата обращения: 22.09.2021).

8. Себякин А. Г. Механизм следообразования в компьютерных системах с точки зрения теории отражения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2(32). С. 89 – 99.

9. Грановский Г.Л. Основы трасологии. Общая часть. М.: Б.и., 1965. 122 с.

10. Колиев В. В. Проблемы производства экспертизы электронных документов // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4(184). С. 168 – 170.

11. Шаров А. В. Еще раз к вопросу об идентифицировании электронных документов в доказывании // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголов-

но-процессуального законодательства: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Электронное издание (Москва, 07 апреля 2020 года). М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2020. С. 278-281.

12. Безмальный В. Распространенные типы вредоносного ПО. Сетевое издание *ib-bank.ru* (BIS Journal– информационная безопасность банков) [Электронный ресурс]. URL: <https://ib-bank.ru/bisjournal/news/15612> (дата обращения: 29.09.2021).

13. Головин А. Ю. Криминалистические системы и классификации: вопросы практического использования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 1–2. С. 3–12.

14. Гаврилин Ю. В., Н. Н. Лыткин. Использование компьютерно-технических следов в раскрытии и расследовании преступлений. Рязань: РФ МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя, 2006. 111 с.

Шаров Александр Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры, asharov32@mvd.ru, Россия, Москва, ФКГОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»

*ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF TRACES OF CRIMES COMMITTED
WITH THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES*

A.V. Sharov

The problem of classification in forensic science of traces of crimes committed with the use of information technologies is considered. The impossibility of classifying these material traces from the standpoint of forensic traceology and forensic identification is substantiated, although it is indicated that methods of working with them are included in the system of special methods of forensic science, borrowed from other sciences. On the basis of a critical analysis of the existing points of view, the practical necessity of classifying specific traces by legal nature into traces of a «legal user» and traces of a criminal is argued, since it is not always the same person. As material, these traces are of the same order with traces-objects, traces-images and traces of substances by the nature of the change in the material situation in the preparation, commission and concealment of a crime.

Key words: information technology, forensic traceology, identification theory, special methods of forensic science, traces of a crime, «computer traces», classification of «computer traces».

Sharov Alexander Vasilievich, Cand. of Legal Sci., Ass. Prof., Head of the Department, asharov32@mvd.ru, Russia, Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.2

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА УСТОЙЧИВОГО И ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Э.В. Хлынин, М.П. Калиниченко

Разработан методический подход к реализации механизма устойчивого и гармоничного развития промышленного предприятия на основе системы сбалансированных показателей, которые сгруппированы для экономической, социальной, экологической и рискованной подсистем менеджмента, что позволяет формировать систему индикаторов оценки и контроля развития этих подсистем, а также устанавливать и поддерживать связи между ними; результативно, оперативно или локально реагировать на факторы внутренней и внешней среды; определять стратегические направления устойчивого и гармоничного развития и осуществлять контроль за достижением целей подсистемами. Механизм устойчивого и гармоничного развития промышленного предприятия дополнен «рискованной» подсистемой и соответствующими индикаторами. Формирование механизма устойчивого и гармоничного развития на основании системы сбалансированных показателей исследовалось на примере общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) «Горное оборудование», для которого для каждой подсистемы сформированы подцели и индикаторы, а также установлены целевые значения индикаторов и связи между ними.

Ключевые слова: устойчивое и гармоничное развитие, промышленность, промышленные предприятия, система сбалансированных показателей.

Принципы устойчивого и гармоничного развития (далее – УГР) закреплены в декларациях ООН, в числе которых – уважение всех интересов и их сочетание; подчинение индивидуальных интересов и целей общим; динамическое равновесие; справедливость; партнёрство и сотрудничество; защита целостности глобальной системы окружающей среды [1]. В научной литературе широко обсуждаются содержание и цель УГР-систем (гармоничного, сбалансированного, равновесного, контролируемого). Цель УГР связана с управлением состоянием взаимозависимых и взаимодополняющих систем «Человек» – «Природа» – «Общество» [2 – 6].

Как показал категориальный анализ, определения понятия «устойчивое развитие» обладают безграничной смысловой ёмкостью. Механизм реализации самой концепции как на уровне общества, так и на уровне отдельного промышленного предприятия связан с рядом сложностей, в том числе предполагает трансформацию качественного содержания целей и методов управления, процессов производства и потребления.

В рамках полученных результатов исследования под устойчивым и гармоничным развитием промышленного предприятия (далее – УГРПП) предлагается понимать его способность функционировать и развиваться, управляя процессом динамических изменений за счёт поддержания гармонии своих интересов и целей с интересами и целями стейкхолдеров, применяя соответствующие механизмы обратной связи при проявлении различных экзогенных и эндогенных воздействий, при этом все подцели (экономические, социальные, экологические, рисковые) согласованы между собой, укрепляют потенциал для удовлетворения текущих и перспективных потребностей общества, самого предприятия и человека (рис. 1).

Рис. 1. Интеграция целей УГРПП и целей стейкхолдеров через гармонизацию их интересов

Обеспечить гармоничное экономическое, социальное, экологическое и рисковое развитие промышленного предприятия сможет соответствующий механизм. Внедрение такого механизма на российских промышленных предприятиях предполагает четкое установление подцелей для указанных подсистем УГРПП и определение степени их реализации для принятия своевременных и обоснованных экономических и управленческих решений. Поэтому особую актуальность приобретает проблема формирования и реализации механизма

УГРПП.

Определив механизм УГРПП как динамичную систему взаимосвязанных элементов, которые получают ресурсы и информацию из внешней и внутренней среды, и направленную на обеспечение сбалансированности в получении экономических, социальных, экологических и рискованных результатов деятельности в зависимости от основной стратегической цели промышленного предприятия и УГР [1], предлагаем для формирования механизма УГРПП использовать подход ССП/BSC (сбалансированная система показателей/ balanced scorecard), который до настоящего времени считается одной из лучших методических разработок для создания эффективного механизма организационного стратегического управления и одним из более прогрессивных способов оценки его результатов [7]. Применение подхода ССП в различных прикладных аспектах деятельности промышленных предприятий широко обсуждается в специализированной литературе [1, 8–12].

Таким образом, данного исследования – разработать методический подход к формированию механизма УГРПП на основе ССП.

В рамках механизма УГРПП и на основе подхода ССП можно сформировать систему индикаторов контроля и оценки развития всех подсистем промышленного предприятия, а также установить взаимосвязи между ними. Ключевые элементы механизма УГРПП приведены на рис. 2.

Рис. 2. Механизм УГРПП

Так как механизм УГРПП формируется и реализуется для достижения целей гармоничного экономического, социального, экологического, и рискованного развития, предлагается классические элементы подхода ССП «рынок – покупатели», «финансы – экономика», и «бизнес – процессы» включить в единую экономическую подсистему, а также расширить экологическую и включить рискованную подсистемы. Каждое промышленное предприятие имеет собственные стратегические и тактические цели для каждой подсистемы менеджмента, что отражается на содержании механизма УГРПП (рис. 3, табл. 1).

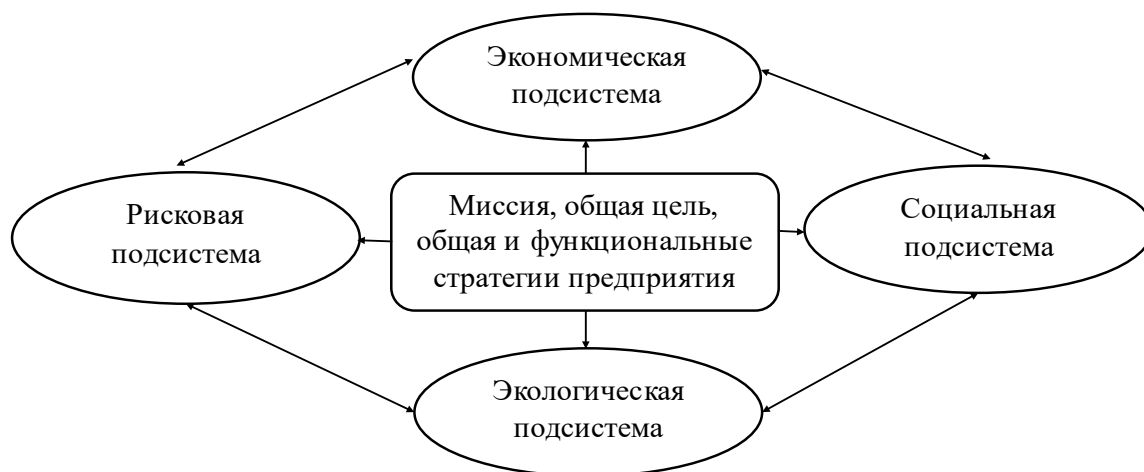

Рис. 3. Подсистемы механизма УГРПП

Таблица 1

Содержание механизма УГРПП с учетом подсистем

Подсистемы механизма УГРПП	Содержание
1. Экономическая (финансовая, рыночная, организационная, производственная, технологическая, инвестиционная)	Повышение доходности, платежеспособности и финансовой устойчивости, конкурентоспособности, эффективности производственных процессов. Расширение целевого рынка сбыта готовой продукции, сокращение периода оборота текущих активов
2. Социальная	Повышение квалификации сотрудников, сохранение «ядра» персонала, гуманизация труда (в т.ч. безопасность и охрана труда), повышение качества трудовой жизни
3. Экологическая	Снижение негативного влияния на окружающую природную среду, ее сохранение и восстановление. Повышение эффективности использования энергоресурсов, сокращение энергоемкости производства
4. Рисковая	Сохранение целостности системы промышленного предприятия: управление внутренними (стратегические, финансовые, маркетинговые, производственные, кадровые/социальные, инвестиционные, экологические) и внешними (экономические, правовые, социально-демографические, технологические) рисками

Формирование и реализацию механизма УГРПП на основе подхода ССП представим для тульского предприятия – ООО «Горное оборудование», которое осуществляет производство и продажу горного оборудования. В ООО «Горное оборудование» установлены следующие цели для экономической подсистемы: повышение прибыльности деятельности и финансовой устойчивости, поддержка платежеспособности, сокращение периода оборота текущих активов, расширение целевого рынка сбыта готовой продукции, повышение конкурентоспособности и эффективности производственных процессов. Индикаторами достижения подцели повышения прибыльности в ООО «Горное оборудование» выступают рентабельность продаж и рентабельность активов, указывающие на объем прибыли, которую приносит каждый рубль продаж и активов, а также рентабельность деятельности, отражающая целесообразность затрат промышленного предприятия.

ООО «Горное оборудование» в течение последних лет не сталкивалось с проблемой платежеспособности, поэтому для контроля за указанным параметром целесообразно применять показатель быстрой ликвидности, что указывает на степень покрытия текущих обязательств наиболее ликвидными оборотными активами. Для оценки достижения подцели повышения финансовой устойчивости используется коэффициент автономии, который более наглядно отражает удельный вес собственных источников финансирования в структуре пассивов. Для обеспечения контроля за эффективностью использования оборотных активов, в частности, за отсутствием избыточных запасов на складах, своевременности расчетов с дебиторами и т.п. целесообразно применять коэффициент оборачиваемости оборотных активов.

Расширение целевого рынка сбыта для ООО «Горное оборудование» возможно при сохранении постоянных клиентов и привлечении новых. Тогда индикаторами достижения данной подцели выступают: удельный вес клиентов, чьи интересы полностью удовлетворены; удельный вес клиентов, обратившихся повторно; количество вновь привлеченных клиентов. Конкурентоспособность данного предприятия зависит от качества проектно-сметных работ, качества выполнения заказов и инновационности выпускаемого горного оборудования, поэтому индикаторами достижения данной подцели может выступать удельный вес несоответствий при выполнении заказов, удельный вес несоответствий в проектах и удельный вес выпускаемой инновационной продукции.

Для повышения эффективности производственных процессов необходимо обеспечить повышение отдачи от оборотных и внеоборотных активов. Тогда основными индикаторами будут выступать удельный вес загрузки основных производственных фондов, степень износа основных средств, материалоотдача и фондоотдача.

Целевые значения индикаторов для экономической подсистемы были установлены с учетом проведенной экономической диагностики и с учетом экспертных мнений руководителей соответствующих функциональных подразделений ООО «Горное оборудование» (табл. 2).

Таблица 2

**Матрица индикаторов достижения целей экономической подсистемой
в ООО «Горное оборудование»**

Стратегические задачи	Индикаторы	Целевые значения индикаторов
Повышение доходности	Рентабельность продаж, %	12,3
	Рентабельность активов, %	7,8
Поддержка платежеспособности	Коэффициент быстрой ликвидности	1
Повышение финансовой устойчивости	Коэффициент автономии	0,5
Сокращение периода оборота текущих активов	Коэффициент оборачиваемости оборотных активов	1,9
Повышение эффективности деятельности	Рентабельность деятельности, %	8,1
Расширение рынка	Удельный вес удовлетворенных клиентов, %	100,0
	Удельный вес повторно обратившихся клиентов, %	80,0
	Количество вновь привлеченных клиентов, ед./год	25,0
Повышение конкурентоспособности	Удельный вес несоответствий при выполненных заказах, %	0,5
	Удельный вес несоответствий проектов, %	1,0
	Удельный вес инновационного горного оборудования, %	27,0
Повышение эффективности производственных процессов	Удельный вес загрузки производственных основных средств, %	100,0
	Уровень износа основных производственных средств, %	28,5
	Материалоотдача	8,1
	Фондоотдача, руб./руб.	7,4

Основными целями для социальной подсистемы данного предприятия являются: повышение квалификации сотрудников, сохранение «ядра» персонала, поддержание надлежащего уровня безопасности и охраны труда, повышение уровня корпоративной социальной ответственности. Повышение квалификации сотрудников требует увеличения расходов на обучение, поэтому индикаторами достижения этой подцели является: увеличение удельного веса затрат на обучение, а также удельного веса тех, кто прошел обучение или повышение квалификации. Для сохранения «ядра» персонала ООО «Горное оборудование» требуется содействие в поддержании надлежащего социально-психологического климата в коллективе (лояльности персонала) и обеспечение высокого уровня заработной платы ключевых специалистов. Поэтому основными индикаторами достижения этой подцели выступают: удельный вес удовлетворенных трудом

сотрудников, текучесть кадров и уровень заработной платы ключевых специалистов.

Достижение должного уровня охраны труда зависит от выполнения: всеми сотрудниками предписаний по безопасности производства, безопасности работы и обслуживанию оборудования; запланированных мероприятий по охране труда. Тогда индикаторами достижения данной подцели является удельный вес сотрудников, соблюдающих правила и инструкции по охране труда; удельный вес оборудования, отвечающего требованиям безопасности и санитарным нормам; выполнение плана мероприятий по охране труда.

Повышение уровня корпоративной социальной ответственности в ООО «Горное оборудование» в основном связывают с осуществлением благотворительной деятельности. Индикаторами достижения данной подцели является удельный вес расходов на благотворительность и количество жалоб, поступивших от стейкхолдеров (табл. 3).

Таблица 3

Матрица индикаторов достижения целей социальной подсистемой в ООО «Горное оборудование»

Стратегические задачи	Индикаторы	Целевые значения индикаторов
Повышение квалификации сотрудников	Доля сотрудников, прошедших обучение и повышение квалификации, %	30,0
	Доля затрат на обучение сотрудников, %	20,0
Сохранение ключевых сотрудников	Доля удовлетворенных трудом, %	100,0
	Текучесть кадров, %	3
	Уровень заработной платы ведущих специалистов, руб.	75000,0
Безопасность и охрана труда	Доля сотрудников, соблюдающих правила и инструкции по охране труда, %	100,0
	Доля оборудования, отвечающая требованиям безопасности и санитарным нормам, %	100,0
	Выполнение плана мероприятий по охране труда, %	100,0 100,0
Повышение уровня корпоративной социальной ответственности	Доля расходов на благотворительность, %	1,5
	Количество жалоб, поступивших от стейкхолдеров, ед.	0,0

Целями экологической подсистемы для ООО «Горное оборудование» являются снижение уровня негативного влияния на окружающую природную среду, ее сохранение и восстановление. Для сокращения отрицательного воздействия на окружающую природную среду от ООО «Горное оборудование»

требуется сокращать объемы выбросов загрязняющих веществ, объемы образования отходов, увеличивать объемы использования экологически чистых материалов, а также объемы выпуска экологически чистой готовой продукции. Индикаторами достижения этой подцели выступают: удельный вес экологически безопасной продукции, объемы выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, объемы образования отходов, удельный вес экологически чистых материалов, применяемых в производстве горного оборудования.

Сохранение и восстановление окружающей природной среды предполагает проведение соответствующих мероприятий. Тогда индикаторами достижения этой подцели будут выступать: удельный вес затрат на охрану окружающей природной среды, выполнение плана экологических мероприятий.

Также в рамках экологической подсистемы ключевые задачи связаны с повышением эффективности и сокращением объемов использования энергоресурсов; обеспечением роста объемов использования энергии, полученной от собственных энергоносителей. Индикаторами достижения этой подцели выступают следующие показатели: энергоотдача и топливоотдача. Энергоотдача – отношение чистого дохода к используемому в течение отчетного периода объему электроэнергии в рублях, что отражает, сколько рублей чистого дохода приносит каждый рубль израсходованной электроэнергии. По аналогии рассчитывается топливоотдача. С целью повышения энергоотдачи и топливоотдачи требуется последовательное выполнение мер по экономии энергетических ресурсов и топлива, а также использование в производстве собственных энергоносителей (табл. 4).

В качестве обособленной подсистемы механизма УГРПП выделим рисковую подсистему. Индикаторами внутренних рисков $R_{внр}$ для промышленного предприятия выступает вероятность проявления следующих рисков: стратегических $R_{ф}$; финансовых $R_{ф}$; маркетинговых $R_{м}$; логистических $R_{л}$; производственных $R_{п}$; кадровых/социальных $R_{с}$; инвестиционных $R_{и}$; экологических $R_{э}$:

$$R_{ВНР} = \sqrt[8]{R_{ст} * R_{ф} * R_{м} * R_{л} * R_{п} * R_{с} * R_{и} * R_{э}}. \quad (1)$$

Индикаторами внешних рисков $R_{внш}$ для промышленного предприятия выступает вероятность проявления экономических $R_{э}$, правовых $R_{п}$, социально-демографических $R_{сд}$, технологические $R_{т}$ и др. рисков:

$$R_{ВНШ} = \sqrt[4]{R_{э} * R_{п} * R_{сд} * R_{т}}. \quad (2)$$

Таблица 4

**Матрица индикаторов достижения целей экологической подсистемой
в ООО «Горное оборудование»**

Стратегические задачи	Индикаторы	Целевые значения индикаторов
Сокращение негативного воздействия на окружающую природную среду	Удельный вес экологически безопасной продукции, %	24,0
	Объемы выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, т	1,33
	Объемы образования отходов, т	24,5
	Удельный вес экологически чистых материалов, применяемых в производстве, %	25,0
Сохранение и воспроизводство окружающей природной среды	Удельный вес затрат на охрану окружающей среды, %	5,0
	Выполнение плана экологических мероприятий, %	100,0
Повышение эффективности использования энергоресурсов	Энергоотдача, руб. /кВт-час	81
	Топливоотдача, руб. /гКал	150
Сокращение объемов использования энергетических ресурсов, в т.ч. с внешних источников	Коэфф. выполнения мероприятий по энергосбережению	1,0
	Удельный вес энергии, полученной от собственных энергоносителей, %	5

Тогда общий уровень рисковой устойчивости промышленного предприятия U_p предлагается оценивать следующим образом:

$$U_p = 1 - \sqrt{R_{внр} * R_{внш}} \quad (3)$$

Как показали результаты оценки, для ООО «Горное оборудование» наиболее существенными выступают следующие внутренние риски:

а) стратегические риски – возникновение убытков в результате ошибок (недостатков), допущенных при принятии управленческих и экономических решений, определяющих стратегию деятельности и развития ООО «Горное оборудование» и выражающихся в: недостаточном учете опасностей, угрожающих деятельности данного промышленного предприятия; неправильном или недостаточно обоснованном определении перспективных направлений деятельности, по которым можно было бы получить конкурентные преимущества; отсутствии или обеспечении в неполном объеме необходимыми ресурсами и организационных мер (управленческих решений), которые должны обеспечить достижение стратегических целей;

б) маркетинговые риски – возможны изменения в отрасли (отдельно на внутреннем и внешнем целевых рынках сбыта горного оборудования):

– сокращение спроса на продукцию. Клиентами ООО «Горное оборудование» выступают компании горнодобывающей отрасли в России. В связи с этим спрос на выпускаемую продукцию во многом предопределяется инвестиционной активностью клиентов, что, в свою очередь, определяется мировой и внутрироссийской конъюнктурой на добываемое сырье;

– усиление конкуренции. Мировой и внутрироссийский рынок для производимой ООО «Горное оборудование» готовой продукции характеризуется высокой степенью конкуренции, основанной на способности производителя удовлетворить индивидуальные требования конечных клиентов, обеспечивать услуги по управлению цепочкой поставок и выгодные коммерческие условия. Появление новых конкурентов на российском рынке может ещё более обострить конкурентную борьбу и снизить эффективность деятельности ООО «Горное оборудование»;

– повышение цен на используемое сырье и услуги. Производство готовой продукции относится к материалоемким видам деятельности, и доля металла в структуре себестоимости составляет в среднем 50 %; основными факторами, влияющими на конкурентоспособность ООО «Горное оборудование», являются цены на чугун и металлопрокат различных марок сталей. Рост цен на металл может оказать негативное влияние на результаты ООО «Горное оборудование». Этот риск оценивается как существенный. В течение последних лет предприятием проведена диверсификация поставщиков основных видов сырья, а неотъемлемой частью процесса закупки являются анализ рынка, проведение тендеров.

При снижении спроса на горное оборудование в добывающих отраслях, усилении конкуренции и изменении цен на используемое сырье ООО «Горное оборудование» будет стремиться использовать свои конкурентные преимущества для сохранения объемов поставок и доли целевого рынка;

в) логистические риски. Основной вид транспортировки готовой продукции (грузов) ООО «Горное оборудование» – железнодорожный и автомобильный транспорт. Существенные факторы при перевозке грузов, влияющие на финансово-хозяйственную деятельность, связаны с деятельностью ОАО «РЖД», а также с ростом цен на традиционные виды моторного топлива. Основными логистическими рисками являются: риск повышения транспортных тарифов; риск неподачи подвижного состава. С целью нивелирования логистических рисков ведется планомерная работа по заключению долгосрочных договоров с независимыми перевозчиками, в т.ч. проведение тендерных процедур выбора поставщиков транспортных услуг;

г) кадровые и социальные риски связаны с наступлением нежелательных событий на внутрифирменном рынке труда. С целью предупреждения данного вида рисков разработан и действует комплекс мер: регулирующих прием и увольнение сотрудников; обучение и оценку профессиональных качеств; процедуры вознаграждения; работу с молодежью; реализацию социальной программы и т.д.

Среди существенных внешних рисков следует выделить:

а) экономические риски. Стабильность российской экономики во многом зависит от хода экономических трансформаций, развития правовой, налоговой инфраструктуры, а также от эффективности предпринимаемых мер в сфере финансов, денежно-кредитной политики и борьбы с новой коронавирусной инфекцией. Политическая ситуация в стране в настоящее время является относительно стабильной, но в то же время российская экономика подвержена влиянию глобальной конъюнктуры. В случае возможного ухудшения экономической ситуации в стране ООО «Горное оборудование» предпримет все необходимые меры по снижению негативных последствий на финансовое положение и финансовые результаты деятельности;

б) финансовые риски. Эти риски связаны с ситуацией на рынке заемных средств и изменением процентных ставок: рост процентных ставок по заемным средствам может привести к увеличению затрат, что негативно отразится на финансовых результатах ООО «Горное оборудование». Валютные риски связаны с тем, что анализируемое промышленное предприятие является участником внешнеэкономической деятельности. Изменение курса рубля в результате влияния ряда макроэкономических факторов может отрицательно сказаться на финансовом положении ООО «Горное оборудование». Предприятие сталкивается с проблемами перевода своих активов из одной валюты в другую, для исполнения своих обязательств или взыскания задолженности, выраженной в валюте.

В табл. 5 приведены индикаторы для рисков подсистемы.

Таблица 5

Матрица индикаторов достижения целей рисков подсистемой в ООО «Горное оборудование»

Стратегические задачи	Индикаторы	Достигнутый уровень индикаторов	Целевые значения индикаторов
Сокращение влияния внутренних рисков	$R_{внр}$	0,58	0,4
Сокращение влияния внешних рисков	$R_{внр}$	0,36	0,4
Уровень рисков устойчивости предприятия	U_p	0,54	0,6

Таким образом, достижение целей в экономической подсистеме требует повышения доходности, для чего требуется повышение конкурентоспособности и расширение целевого рынка сбыта готовой продукции, повышение эффективности деятельности и оборачиваемости оборотных активов, а также поддержание платежеспособности и финансовой устойчивости ООО «Горное оборудование». Достижение целей в социальной подсистеме предполагает улучшение условий труда, обеспечение безопасности и охраны труда, сохранение «ядра» персонала и повышение квалификации сотрудников, а также повышение уровня корпоративной социальной ответственности.

Достижение целей экологической подсистемы обеспечивается за счет со-

кращения негативного влияния на окружающую природную среду, ее сохранение и восстановление. Также требуется сокращение объемов использования энергетических и топливных ресурсов, увеличение объема использования энергии, полученной от собственных энергоносителей. На уровне рисков подсистемы усилия в соответствии с выбранными индикаторами должны быть направлены на нивелирование внутренних и внешних рисков (угроз).

Предлагаемый методический подход к формированию механизма УГРПП на основе ССП позволяет определять приоритетные стратегические направления устойчивого и гармоничного развития, устанавливать цели и индикаторы их достижения для соответствующих подсистем (экономической, социальной, экологической и рискованной), осуществлять контроль за достижением целей, а также устанавливать и поддерживать связи между ними; результативно и оперативно реагировать на влияние внутренней и внешней среды. Предложенный подход апробирован на примере ООО «Горное оборудование», в рамках которого определены стратегические цели и построены матрицы индикаторов достижения целей для соответствующих подсистем менеджмента промышленного предприятия.

Список литературы

1. Калиниченко М.П. Устойчивое развитие предприятия: оценка, проект, функциональная стратегия маркетинг менеджмента // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2019. № 1. С. 40 – 52.
2. Калиниченко М.П. Сталий розвиток промислового підприємства // Економічний ріст в умовах державно-приватного партнерства: матеріали III міжнар. наук.-практ. конф. Дніпропетровськ: Видавничийдім «Гельветика». 2013. С. 171–173.
3. Мнацаканян А.Г., Харин А.Г. Принципы устойчивого развития в управлении компанией // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. №10. С. 41–50.
4. Старкова М.М., Старкова М.А. Модель (методика) управления устойчивым развитием на предприятиях авиационной промышленности // Вестник современной науки. 2016. № 11. С. 166–122.
5. Ибрагимова Р.С., Головкин Д.С. Концепции экономического потенциала и сбалансированной системы показателей как инструмент оценки стратегических направлений развития предприятий текстильной промышленности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2018. №4(38). С. 73–77.
6. Хлынин Э.В., Андрюхин А.В. Использование процессно-структурного подхода для формирования механизма обновления основного капитала предприятия // Финансы и кредит. 2012. № 21 (501). С. 69–79.
7. Нортон Д., Каплан Р. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. 304 с.

8. Бухориев С.М. Использование сбалансированной системы показателей на предприятиях химической промышленности в условиях кризиса // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2019. № 1 (103). С. 187–194.

9. Канхва В.С. Управление производительностью труда в организациях текстильной промышленности на основе сбалансированной системы показателей // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2019. № 2 (380). С. 34–39.

10. Пахомова Ю.А., Яценков Ф.С. Сбалансированная система показателей как инструмент реализации стратегии управления качеством на предприятии фармацевтической промышленности // Политика, экономика и инновации. 2019. № 4 (27). С. 13.

11. Хлынин Э.В., Хорошилова Е.И. Современные подходы к оценке эффективности инвестиционных вложений в основной капитал. Фундаментальные исследования. 2011. № 8–1. С. 239–243.

12. Шинкевич М.В., Долонина Е.А. Методические подходы к организации контроллинга эффективности бизнес-процессов в промышленности // Экономический вестник Республики Татарстан. 2020. № 4. С. 36–40.

Хлынин Эдуард Валентинович, д-р экон. наук, доц., профессор кафедры, hklynin@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Калиниченко Максим Петрович, канд. экон. наук, доц., mpk79@mail.ru, Россия, Тула, Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова.

*IMPLEMENTATION OF THE MECHANISM OF SUSTAINABLE AND HARMONIOUS
DEVELOPMENT OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE BASED ON A SYSTEM
OF BALANCED INDICATORS*

E.V. Khlynin, M.P. Kalynychenko

The article developed a methodological approach to the implementation of the mechanism of sustainable and harmonious development of an industrial enterprise on the basis of a system of balanced indicators, which are grouped for economic, social, environmental and risk management subsystems, which makes it possible to form a system of indicators for assessing and monitoring the development of these subsystems, as well as to establish and maintain communication between them; effectively, promptly or locally respond to factors of the internal and external environment; determine strategic directions of sustainable and harmonious development and monitor the achievement of goals by subsystems. The mechanism of sustainable and harmonious development of an industrial enterprise is supplemented by a «risk» subsystem and corresponding indicators. The formation of a mechanism for sustainable and harmonious development based on a balanced scorecard was studied using the example of Mining Equipment LLC, for which sub-goals and indicators were formed for each subsystem, as well as target values of indicators and links between them were set.

Key words: sustainable and harmonious development, industry, industrial enterprises, balanced scorecard.

Khlynin Edward Valentinovich, Doctor of Economic Sci., Professor of Department., hklynin@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University,

УДК 330.313

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО И ТАКТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОСНОВНЫМИ СРЕДСТВАМИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Н.И. Коровкина

Предложен механизм взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия, включающий реализацию пяти взаимосвязанных этапов. Определены особенности осуществления стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия на каждом этапе реализации сформированного механизма. Установлена необходимость достижения эффективного функционирования основных средств промышленного предприятия и успешной реализации стратегии развития хозяйствующего субъекта в результате реализации механизма взаимодействия стратегического и тактического управления средствами труда.

Ключевые слова: основные средства, механизм взаимодействия, стратегическое и тактическое управление, амортизация, обновление, переоценка, выбытие.

Основные средства промышленного предприятия представляют собой специфический актив, обеспечивающий извлечение дохода и прибыли в течение длительного периода времени. За длительный период эксплуатации основных средств происходит большое количество разнообразных экономических процессов, которые предусматривают организацию стратегического и тактического управления средствами труда. Для этого необходимо осуществлять рациональное взаимодействие стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия.

Рациональное взаимодействие представляет собой четкую последовательность процессов управления основными средствами от стратегического и долгосрочного к среднесрочному и краткосрочному (тактическому). Это предполагает формирование такого механизма, который позволяет организовать текущую деятельность в соответствии со стратегическими приоритетами, а стратегическую – в зависимости от имеющихся возможностей [1, 2]. Указанная взаимосвязь должна быть направлена на оптимизацию управленческой деятельности с точки зрения получения высоких тактических и стратегических результатов с минимальными затратами экономических ресурсов.

Система стратегического управления основными средствами должна содержать механизмы с различной длительностью их жизненного цикла в зависимости от краткосрочных или долгосрочных целей, то есть от уровня управления – тактического или стратегического [3, 4]. Формирование механизма взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия должно предусматривать реализацию пяти этапов (рис. 1).

Рис.1. Механизм взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия

Первый этап формирования механизма взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия предусматривает определение стратегических целей.

Одной из основных целей менеджмента в области управления основными средствами промышленного предприятия является обеспечение своевременно-

го их обновления и повышения эффективности использования с учетом существующей потребности хозяйствующего субъекта в различных группах, видах и типоразмерах средств труда. Исходя из основной цели управления основными средствами промышленного предприятия, следует сформулировать подцели, которые должны быть связаны со стратегией развития хозяйствующего субъекта. По нашему мнению, целью реализации механизма управления основными средствами промышленного предприятия, может являться повышение производительного использования основных средств, например, на основе прироста коэффициента сменности или на основе мощности средств труда за счёт оптимизации работы отдельных их групп, видов и типоразмеров. Для обеспечения своевременного обновления основных средств подцелью может стать оптимизация уровня интенсивности обновления отдельных групп, видов и типоразмеров основных средств [5].

Требование эффективности использования основных средств формирует следующую подцель управления, связанную с разработкой системы мероприятий, которые будут способствовать росту производственной отдачи средств труда и повышению коэффициентов рентабельности их использования [6].

Второй этап формирования механизма взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия содержит анализ и оценку внешних факторов и среды. К ним относят следующие:

- политические и правовые факторы, связанные с изменениями в налоговом законодательстве, отношениями между деловыми кругами и правительством, степенью поддержки бизнеса со стороны государства, размером федеральных и региональных бюджетов, патентным законодательством, политической ситуацией в зарубежных государствах, отношениями правительства с зарубежными государствами и др.;

- экономические факторы, связанные с влиянием обменного курса валют, макроэкономическим климатом, ставками процента для привлечения денежных средств (кредитов, займов), темпами экономического роста, уровнем инфляции, структурой потребления и ее изменением, динамикой спроса и предложений и др.;

- социальные и культурные факторы, связанные с уровнем смертности и рождаемости в регионах, коэффициентом миграции, показателем средней продолжительности жизни, средним доходом на душу населения, социальным благосостоянием и др.;

- технологические факторы, связанные с внедрением новых технологий, автоматизацией и механизацией процессов хозяйственной деятельности промышленных предприятий, уровнем энергообеспеченности, степенью инновационного развития производства и др.

Третий этап предполагает организацию стратегического управления в тесном взаимодействии с тактическим управлением основными средствами промышленного предприятия. Этот этап включает семь подэтапов, предусматривающих управление экономическими процессами функционирования основ-

ных средств, происходящими в течение жизненного цикла средств труда, к которым относятся эксплуатация, амортизация, восстановление, обновление, выбытие, переоценка и инвестирование. Для организации рационального взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия необходимо рассмотреть особенности, присущие каждому экономическому процессу функционирования средств труда:

1. Эксплуатация представляет собой экономический процесс функционального использования основных средств, исходя из их технического назначения, для осуществления хозяйственной деятельности и извлечения дохода и прибыли. С точки зрения стратегического управления эксплуатацией основных средств требуется обеспечить достижение максимальной эффективности их использования и создание необходимых условий для успешного функционирования. С точки зрения тактического управления эксплуатацией основных средств требуется осуществлять периодическую оценку состояния средств труда и реализовывать краткосрочные возможности повышения эффективности использования.

2. Амортизация представляет собой экономический процесс возмещения стоимости основных средств, потерянной в процессе их эксплуатации. С точки зрения стратегического управления амортизацией основных средств требуется для разных видов средств труда устанавливать сроки полезного использования и способы начисления амортизационных отчислений таким образом, чтобы процесс амортизации основных средств мог выполнять свою стратегическую функцию. С точки зрения тактического управления амортизацией основных средств необходимо устанавливать величину годовых амортизационных отчислений и организовывать их обоснованное включение в себестоимость продукции промышленного предприятия.

3. Восстановление представляет собой экономический процесс поддержания основных средств в рабочем состоянии и увеличения их потребительной стоимости в процессе эксплуатации средств труда. С точки зрения стратегического управления восстановлением основных средств требуется обосновывать необходимость увеличения потребительной стоимости средств труда, устанавливать способы осуществления восстановления, а также формировать регламент проведения капитального ремонта и модернизации. С точки зрения тактического управления восстановлением основных средств необходимо регулярно проводить текущий ремонт и техническое обслуживание средств труда, осуществлять контроль работоспособностью и соблюдением требований их эксплуатации.

4. Обновление представляет собой экономический процесс повышения качества и технических характеристик основных средств промышленного предприятия за счет приобретения новых, современных, высокопроизводительных средств труда. С точки зрения стратегического управления обновлением основных средств требуется обосновывать наиболее эффективные способы осуществления процесса обновления средств труда, устанавливать потребность в обновлении и обеспечивать высокий уровень их загрузки в долгосрочном пе-

рию. С точки зрения тактического управления обновлением основных средств необходимо своевременно и оперативно решать задачи по обновлению основных средств, а также осуществлять контроль за уровнем текущей загрузки новых и современных средств труда.

5. Выбытие представляет собой экономический процесс, связанный с экономически обоснованным выводом основных средств промышленного предприятия из эксплуатации. С точки зрения стратегического управления выбытием основных средств требуется обосновывать экономическую и производственную необходимость вывода из эксплуатации средств труда и устанавливать способ их ликвидации. С точки зрения тактического управления выбытием основных средств необходимо осуществлять корректировку текущих производственных планов и перспективных работ, в которых были задействованы выводимые средства труда, а также устанавливать возможности снижения текущих затрат, связанных с ликвидацией основных средств.

6. Переоценка представляет собой экономический процесс приведения стоимости основных средств, эксплуатируемых на промышленном предприятии, к реальным (рыночным) значениям в результате учета изменений, произошедших во внешней среде. С точки зрения стратегического управления переоценкой основных средств требуется в соответствии со сложившимися условиями хозяйственной деятельности промышленного предприятия обосновывать потребность изменения стоимости основных средств. С точки зрения тактического управления переоценкой основных средств необходимо осуществлять организацию процесса переоценки основных средств и устанавливать изменения, происходящие в связи с переоценкой, в учете основных средств, амортизационном и других процессах эксплуатации средств труда.

7. Инвестирование представляет собой экономический процесс вложения финансовых ресурсов промышленного предприятия в основные средства. С точки зрения стратегического управления инвестированием основных средств требуется разработка инвестиционной политики промышленного предприятия, формирование источников инвестирования, достижение максимально эффективного размера инвестиций в соответствии с темпами роста деятельности хозяйствующего субъекта. С точки зрения тактического управления инвестированием основных средств необходимо осуществлять оценку эффективности инвестирования в средства труда, определять уровень инвестиционного риска и устанавливать наиболее целесообразные источники финансирования инвестиций в основные средства.

Четвертый этап формирования механизма взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия предполагает оценку фактических результатов и анализ полученных отклонений. При анализе отклонений производится сравнение фактически достигнутых показателей тактического управления основными средствами промышленного предприятия с требуемыми, плановыми значениями. Для успешной реализации четвертого этапа формирования механизма взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промыш-

ленного предприятия активно используется метод контроля, основанный на управлении по отклонениям, согласно которому превышение допустимого отклонения предусматривает принятие текущих управленческих воздействий в области функционирования основных средств. В основу реализации метода тактического управления по отклонению положена следующая модель:

- $\Delta = |x_{\text{ф}} - x_{\text{пл}}| < \Delta_{\text{доп}} \rightarrow$ оперативное тактическое управление основными средствами не требуется;
- $\Delta = |x_{\text{ф}} - x_{\text{пл}}| > \Delta_{\text{доп}} \rightarrow$ оперативное тактическое управление основными средствами необходимо,

где Δ , $\Delta_{\text{доп}}$ – полученное и допустимое отклонения фактически достигнутого показателя тактического управления основными средствами промышленного предприятия от требуемого, планового значения; $x_{\text{ф}}$, $x_{\text{пл}}$ – фактически достигнутое и требуемое, плановое значения показателя тактического управления основными средствами промышленного предприятия.

Пятый этап формирования механизма взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия предусматривает оценку достижения стратегических целей и осуществление необходимых корректирующих действий.

Стратегию управления основными средствами и стратегию развития промышленного предприятия можно считать успешно реализуемыми только в том случае, если полученные стратегические результаты удовлетворяют стратегическим целевым установкам. Практика управления основными средствами промышленного предприятия показывает, что в большинстве случаев имеются существенные несоответствия, характеризующиеся тем, что:

- поставленные стратегические цели не достигнуты;
- поставленные стратегические цели перевыполнены.

В обоих вышеперечисленных вариантах необходимы соответствующие корректирующие действия, направленные на разработку и реализацию механизма взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия. При возникновении первого варианта, когда стратегические цели не достигнуты, необходимо, во-первых, выявить и устранить причины недостижения стратегических целей, как на уровне стратегического, так и на уровне тактического управления основными средствами промышленного предприятия, во-вторых, скорректировать в направлении сокращения уровень целевых притязаний или попытаться разработать рациональные варианты стратегических проработок. При реализации второго варианта, когда поставленные стратегические цели в значительной степени перевыполнены, необходимо повысить уровень целеполагания в области стратегического

управления основными средствами промышленного предприятия.

Следует обратить внимание на то, что результирующая оценка реализации стратегического управления основными средствами и стратегии развития промышленного предприятия должна способствовать полному охвату всех его уровней управления и проводиться системно. По результатам осуществления пятого этапа формирования механизма взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия принимаются управленческие решения по корректировке стратегии управления основными средствами. Итогом осуществления пятого этого является определение «узких мест» в реализуемой стратегии управления основными средствами промышленного предприятия и принятие управленческих решений по их устранению.

Таким образом, формирование механизма взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия должно быть направлено не только на эффективное функционирование основных средств промышленного предприятия, но и на успешную реализацию стратегии развития хозяйствующего субъекта.

Список литературы

1. Ахмулин С.А. Эффективность стратегического управления. М.: Мысль, 2014. 165 с.
2. Маврина И.Н. Стратегический менеджмент: учеб. пособие. Екатеринбург: УрФУ, 2014. 132 с.
3. Ковалев А.П. Управление имуществом на предприятии: учеб. пособие. М.: ЗАО «Финстатинформ», 2002. 240 с.
2. Хлынин Э.В., Андрюхин А.В., Коровкина Н.И. Теоретико-методологические подходы разработки комплексной прогнозно-диагностической системы управления процессом обновления основного капитала предприятия. Тула: ТулГУ, 2015. 224с.
4. Хлынин Э.В., Коровкина Н.И. Характерные черты и особенности взаимодействия стратегических и тактических решений в существующих концепциях управления основными средствами в существующих концепциях управления основными средствами // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. №2. С.185–196.
5. Коровкина Н.И. Особенности стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2017. №1. С. 83–85.
6. Коровкина Н.И., Кульпина Е.И., Мелёхина К.В. Основные этапы реализации механизма финансирования процесса воспроизводства основного капитала промышленного предприятия // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 6–2. С. 241–246.

Коровкина Наталья Ивановна, канд. техн. наук, доцент кафедры финансы и менеджмент, korovkina-n-i@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

FORMATION OF THE MECHANISM OF INTERACTION OF STRATEGIC AND TACTICAL MANAGEMENT BY THE BASIC MEANS OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISE

N.I. Korovkina

The mechanism of interaction of strategic and tactical management by the basic means of the industrial enterprise, including realization of five interconnected stages is offered. Features of realization of strategic and tactical management by the basic means of the industrial enterprise for everyone a stage of realization of the generated mechanism are determined. Necessity of achievement of effective functioning of the basic means of the industrial enterprise and successful realization of strategy of development of the managing subject is established as a result of realization of the mechanism of interaction of strategic and tactical management by means of work.

Key words: the basic means, the mechanism of interaction, strategic and tactical management, amortization, updating, reassessment, leaving.

Korovkina Natalja Ivanovna, Cand. of Technical Scie., Ass. Professor, korovkina-n-i@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University

СОДЕРЖАНИЕ

Юридические науки

Волчецкая Т.С., Смирнов А.В. Угон транспортного средства: проблемы квалификации, бремени доказывания, методики расследования.....	3
Головин А.Ю., Головина Е.В. Криминалистическая категория «тактический прием».....	12
Давыдов В.О. Криминалистически значимые аспекты механизма обналичивания денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ.....	17
Комаров И.М. Общие и особенные положения тактики эксгумации трупа (статья вторая).....	24
Кулешов Р.В., Мясников А.П. Предъявление для опознания при расследовании различных категорий преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности.....	29
Куликов А.В., Символокова Д.А. Современный способ борьбы с коррупцией – использование технологии блокчейн.....	36
Куликов А.В., Хибнерс Ю.А. Зарубежный опыт применения конфискации имущества (сравнительно-правовой анализ).....	43
Толстухина Т.В., Светличный А.А. Некоторые проблемы соотношения терминологии уголовно-процессуального права в системе наук о противодействии преступлениям.....	51
Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Использование возможностей систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве: современное состояние и перспективы развития с учетом опыта некоторых зарубежных стран.....	60
Аристархов А.Л. О соотношении признаков незаконного сбыта и контрабанды наркотиков.....	68

Иванов С. И., Черкашин А.В. Влияние личности преступника на алгоритм противодействия насильственным преступлениям сексуального характера в отношении малолетних	75
Рыбалкин Н.А. Современные вызовы судебно-почерковедческой экспертизы.....	83
Савченко М.М. Предмет преступного посягательства на собственность и законные интересы субъектов кредитования, бюджетную систему Российской Федерации.....	87
Шаров А.В. К вопросу о классификации следов преступлений, совершенных с применением информационных технологий.....	96

Экономические науки

Хлынин Э.В., Калиниченко М.П. Реализация механизма устойчивого и гармоничного развития промышленного предприятия на основе системы сбалансированных показателей.....	103
Коровкина Н.И. Формирование механизма взаимодействия стратегического и тактического управления основными средствами промышленного предприятия.....	116

CONTENTS

Legal sciences

Volchetskaya T. S., Smirnov, A. V. Vehicle theft: problems of qualification, the burden of proof, investigation techniques.....	3
Golovin A.Yu., Golovina E.V. Forensic category «tactical technique».....	12
Davydov V. O. Forensically significant aspects of the mechanism of cash funds derived from illicit trafficking of narcotic drugs,	

psychotropic or potent substances.....	17
Komarov I.M. General and special provisions of the tactics of exhumation of a corpse (article two)	24
Kuleshov R.V., Myasnikov A.P. Presentation for identification in the investigation of various categories of crimes in the field of extremist and terrorist activities.....	29
Kulikov A.V., Symvolokova D.A. A modern way to fight corruption – the use of blockchain technologies.....	36
Kulikov A.V., Hibners Yu.A. Foreign experience in the use of confiscation of property (comparative legal analysis).....	43
Tolstukhina T.V., Svetlichny A.A. Some problems of correlation of terminology of criminal procedure law in the system of sciences on countering crimes.....	51
Alexandrova O.P., Budanova L.Yu. Us of the capabilities of video conferencing communication systems in criminal proceedings: the current state and prospects of development, taking into account the experience of some foreign countries.....	60
Aristarkhov A.L. On the correlation of signs of illegal sale and drug smuggling	68
Ivanov S. I., Cherkashin A.V. The influence of the criminal's personality on the algorithm for countering violent crimes of a sexual nature juvenile	75
Rybalkin N.A. Modern challenges of forensic handwriting expertise.....	83
Savchenko M. M. Subject of a criminal encroachment on property and legitimate interests of lending entities, budget system of the Russian Federation.....	87

Sharov A.V.
On the issue of classification of traces of crimes committed
with the use of information technology.....96

Economic Sciences

Khlynin E. V., Kalinichenko M. P.
Implementation of the mechanism of sustainable and harmonious development
of an industrial enterprise based on a system of balanced indicators.....103

Korovkina N.I.
Formation of the mechanism of interaction of strategic and tactical
management by the basic means of the industrial enterprise.....116

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Выпуск 4

Редактор Т.Я. Селищева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»
300012, г. Тула, просп. Ленина, 92

Изд.лиц. ЛР № 020300 от 12.02.97.

Подписано в печать 16.12.21. Дата выхода в свет 22.12.21.

Формат бумаги 70x100 1/16. Бумага офсетная.

Усл.печ.л. 10,6.

Тираж 500 экз. Заказ 162

Цена свободная

Адрес редакции и издателя:
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95

Отпечатано в Издательстве ТулГУ
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95